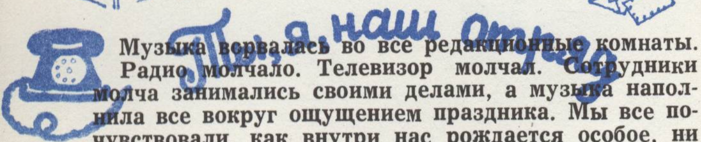

ПИОНЕР 12

ДЕКАБРЬ • 1973 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Музыка ворвалась во все редакционные комнаты. Радио молчало. Телевизор молчал. Сотрудники молча занимались своими делами, а музыка наполнила все вокруг ощущением праздника. Мы все почувствовали, как внутри нас рождается особое, ни с чем не сравнимое предновогоднее настроение.

Небольшое бумажное землетрясение как всегда возвестило о проявлении ТУТ-КАК-ТУТА. На этот раз он проявился в самом начале номера, прямо на второй полосе обложки. Когда он приветствовал нас своим: «Пионерский салют! Я ваш друг, ТУТ-КАК-ТУТ!» — голос его напоминал перезвон колокольчиков, которые в новогоднюю ночь вешают на елку.

Он чуть-чуть приподнял свою шляпу, ловким движением подбросил ее высоко в воздух. Шляпа, описав в воздухе несколько кругов, снова оказалась на голове ТУТ-КАК-ТУТА, но поля ее стремительно кружились, напоминая долгоиграющую пластинку. А мы услышали новую мелодию, не менее веселую, радостную и праздничную, чем первая.

ТУТ-КАК-ТУТ открыл свою сумку, которая вечно цепляется за его башмаки, и достал оттуда... елку. Елка прямо на наших глазах увеличилась сначала в три, потом в пять раз и заняла свое место на страницах журнала.

— Зимние каникулы без елки,— сказал ТУТ-КАК-ТУТ,— все равно, что кошка без хвоста или бумажный змей, который никак не может взлететь.

— Зимние каникулы? — удивились мы.— Да их еще ждать и ждать! И Новый год совсем еще не скоро!..

— Да,— согласился ТУТ-КАК-ТУТ,— но предновогоднее настроение нам не помешает. Если вы думаете, что вовсе не важно, с каким настроением человек делает свое дело, вы сильно ошибаетесь. Да и всякое дело требует, чтобы о нем хорошенько и заранее подумали. Тогда все получится, как хочется, как нравится. Впрочем, вы сейчас сами в этом убедитесь...

Он хитро посмотрел на нас, снял свои огромные башмаки и поставил их на самый краешек страницы. Башмаки тут же исчезли. И ТУТ-КАК-ТУТ исчез тоже.

Не успели мы по этому поводу обменяться впечатлениями, как башмаки ТУТ-КАК-ТУТА снова проявились на странице, а в них, словно на ковре-самолете, прибыли на журнальные полосы веселые, славные ребята, которые, как оказалось, живут в одном дворе и в одном доме,— сводный пионерский отряд. Ребята поздоровались и принялись развешивать на елке игрушки, которые они сделали сами.

Мы снова увидели ТУТ-КАК-ТУТА. Он как ни в чем не бывало разгуливал по страницам в своих башмачищах и советовал ребятам, куда какую игрушку лучше пристроить.

Потом ребята стали наперебой рассказывать, как они собираются провести эти каникулы, а ТУТ-КАК-ТУТ, очень довольный этим рассказом, молча кивал головой и улыбался.

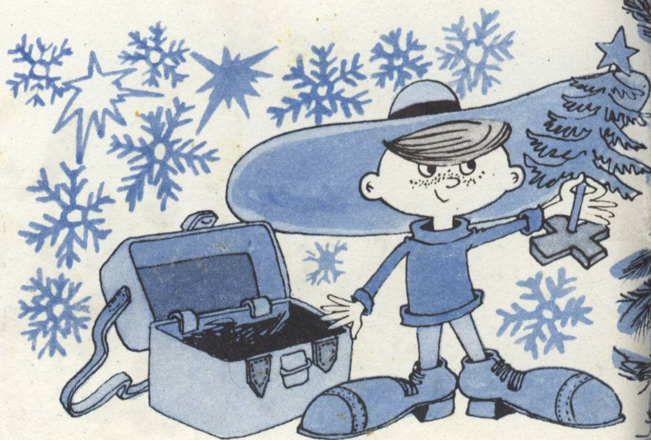
Алик Щеглов. В самом центре двора мы поставим большую елку. Летом мы помогали лесничеству (оно недалеко от города) убирать сухостой, расселять муравейники, и лесничий обещал нам к Новому году подарить елку. Мы уже делаем большие игрушки, потому что наша елка будет большой. Хлопушки будут огромные, а внутри — конфета...

Зина Корзинкина. Для маскарада мы придумываем костюмы. Каждый превратится в героя своей любимой книжки, и тогда, может быть, на празднике не появится сразу десять снегурочек и семнадцать зайцев. Все, мне кажется, уже придумали, только Волик ходит грустный. Я-то знаю почему: он недавно прочитал «Человека-невидимку»...

Рита Зеленкина. А еще мы задумали лыжный поход. Алик сказал, что его отец пойдет с нами в лес. Мама меня сначала не хотела отпускать, но Алик ее уговорил. Алик сказал, что после такой прогулки даже фасолевый суп можно съесть. И откуда он знает, что я фасолевый суп терпеть не могу?..

Павлик Остапенко. Когда поедем в лес, обязательно зайдем в деревню, к нашим друзьям. Отвезем книжки для их школьной библиотеки и договоримся, когда они к нам приедут — вместе в театр пойдем. В колхозе спросим, какая помощь нужна...

Аня Щеглова. Я очень люблю вязать. Раньше все надо мной смеялись. Оказалось, ничего

смешного... Очень даже это пригодилось. Из ниток я вяжу зверей, разных человечков... Их, как варежку, можно надевать на руку, и получается кукольный театр. Вот начнутся каникулы, и будет премьера. Я думаю, малышам понравится.

Рита Зеленкина. Малыши у нас во дворе в каникулы ходят как неприкаянные, не знают, чем заняться. Мы для них ледяную горку сделаем. Вместе с ними ледяной зоопарк во дворе устроим. И еще у нас будут соревнования конькобежцев...

Алик Щеглов. И разные состязания: кто самый лучший пирог испечет к чаю, кто расскажет самую необыкновенную новогоднюю историю, кто лучше придумает, как провести КВН. Тому наши призы!

Гриша Самойленков. Они забыли. Третьего января мы пойдем в Дом пионеров. Там открывается выставка технического творчества. Наши ребята в ней тоже участвуют. Павлик, Волик и Толик сделали робота Андрюшу. Он может в трамвае или в автобусе быть кондуктором, объявлять остановки и вести экскурсию по городу.

Волик Мкртчан. В школе пионерского актива нам сказали, что с третьего по девятое января во всех отрядах, дружинах, домах пионеров, дворцах культуры, на станциях юных техников будут проводиться Дни науки и техники. Ребята смогут участвовать в олимпиадах, отправятся на экскурсии в научно-исследовательские институты и на заводы, встретятся с изобретателями и рационализаторами. Мы тоже хотим в олимпиадах участвовать и на завод пойдем, к Ритиному папе. Он член ВОИРа, Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов...

— В прошлом году, — сказал ТУТ-КАК-ТУТ, гордо поглядывая на своих друзей, — эти ребята были совершенно другими, другим был их двор, и каникулы они провели по-другому.

ТУТ-КАК-ТУТ снова распахнул свою сумку и достал календарь за 1973 год. Перелистал его в обратном направлении — от декабря к январю — и вдруг... девять календарных листочков стали увеличиваться, сначала в три раза, потом в пять раз... И мы все очутились в прошлогодних зимних каникулах, во дворе дома № 13 по Гороховой улице.

Квартира № 5.
Зеленкины.

Рита Зеленкина стояла на коленях перед дверью и смотрела через замочную скважину на лестницу. По лестнице бежали ребята. Рите хотелось открыть дверь, схватить на ходу пальто и побежать вместе со всеми. Но она не решалась. Стоило ей выйти во двор, как Алик Щеглов тут

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ДЕКАБРЬ 12

Издательство «Правда»

Москва 1973 г.

же кричал: «Ой-ю-ей, как жжется! Зеленка идет!». Рита опускала голову, ей хотелось совсем сжаться, исчезнуть, очутиться опять у себя в комнате. Ноги становились, как деревянные. А рядом крутился Щеглов и старался попасть снежком Рите в валенок.

«Глупо и странно в двенадцать лет ходить в валенках! Все эта мама: считает, что я слабенькая и простужусь!» — думала Рита.

Каникулы были для Риты настоящим мучением. Потому что Зина, Ритина подруга, уехала в зимний пионерский лагерь и некому было Риту защищать. Без нее Рита не гуляла, не играла, не смеялась... Она придумывала себе фамилии взамен своей «неудачной», с ненавистью смотрела на валенки да еще читала. Читать Рита очень любила. За восемь дней каникул она прочитала «Чапаева», «Кон-Тики», все собрание сочинений Фенимора Купера и «Детство Темы».

По ночам ей снилось все, что она прочитала. Как под ней переворачивается плот из бальсовых бревен, и как на нее несется табун необъезженных мустангов, и как она достает собаку из колодца, и Темин папа хочет Риту выпороть...

Квартира № 10. Щегловы.

В день, когда брат и сестра Щегловы получили дневники с отметками за вторую четверть, они твердо решили отдохнуть как следует, а это значило для них забыть про все книжки и тетрадки.

Алик вставал в семь часов утра. Полминуты по системе йогов стоял на голове, брал лыжи и убегал в парк. В двенадцать часов у Алика начинались занятия в секции бокса. После секции Алик надевал коньки. В девять часов вечера он двадцать раз отжимался от пола и крепко засыпал. В семь утра все начиналось сначала.

Аня вставала часов в одиннадцать и садилась вязать. За пять дней каникул Аня связала три пары варежек для брата и шесть пар носков (для мамы, для папы, для брата и для кошки). Еще Аня вязала шарф. Шарф был уже длиной в три с половиной метра, но она все вязала и вязала. Потому что никак не могла придумать, что будет делать, когда свяжет шарф.

Но на пятый день каникул Щегловы одновременно обнаружили очень странное явление. Они почувствовали, что головы у них стали значительно легче, чем были раньше...

Квартира № 16. Самойленковы.

(ЗВОНОК НЕ РАБОТАЕТ)

На балконе Самойленковых таяли сосульки. Оттого, что уже восемь часов подряд в их квартире работал телевизор. Перед телевизором сидел Гриша Самойленков. Время от времени он опускал руку в карман и проверял, на месте ли билет в кинотеатр «Весна».

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

В самый напряженный момент, когда разведчик по первой программе навел дуло пистолета на своего врага, а волк из мультфильма по второй программе схватил зайца за куцый хвост, в телевизоре что-то щелкнуло, пошел едкий голубой дымок, экран померк, и в комнате установилась странная, ненормальная тишина.

Самый ранний утренний сеанс начинался в кинотеатрах в восемь тридцать, самый поздний — в двадцать один сорок. Ночью кинотеатры не работали, и Грише приходилось с этим мириться. Фильм, билет на который лежал у него в кармане, был по счету сорок четвертым.

Между тем телевизор упорно молчал. Гриша обеспокоенно зашагал по комнате. На буфете он заметил фотографию мальчика. У мальчика был веселый и бодрый взгляд, и грудь под школьной формой была явно колесом. Гриша перевел взгляд на зеркало и увидел покрасневшие веки и зеленые, ввалившиеся щеки. По Гришиной щеке покатилась слеза, он сообразил, что мальчиком на фотографии был он сам.

На этом самом месте в квартире Самойленковых зазвонил звонок, который давно не работал. На пороге Гриша увидел человечка ростом с карандаш.

— Пионерский салют! — сказал гость. — Это я, ТУТ-КАК-ТУТ.

И еще что-то он сказал Грише Самойленкову, но мы этого не услышали, потому что все люди имеют право на секреты.

Потом (нам это совершенно точно известно) ТУТ-КАК-ТУТ появился в квартирах Щегловых и Зеленкиных. А чуть позже мы увидели всех ребят во дворе и... не узнали их.

Словно сквозняк приоткрыл форточку, в комнате запахло снегом, и Зеленке стало щекотно и смешно, как будто в ухо попала снежинка. Она достала коньки. Ботинки были новые, без единой царапины. Рита надела их на ноги и крепко зашнуровала. Ноги сразу же перестали подчиняться Зеленке, завихляли. Но Рита все-таки спустилась со второго этажа и, собрав остатки мужества, распахнула двери подъезда... На маленьком катке во дворе катались Толик, Волик и Павлик. Они носились, как танки, их длинные беговые коньки с таким скрежетом резали лед, как будто на реке начался ледоход.

Отступать было некуда. Рита оттолкнулась от сугроба, зажмурила глаза и... поехала. Коньки сделали большой круг, вдруг подпрыгнули, закрутились на месте... И все это совершенно самостоятельно, потому что глаза Рита так и не открыла. Открыла она их, только когда очутилась в сугробе. Рядом стояли Толик, Волик и Павлик.

— Ты что, в секции занимаешься?

Зеленке не хотелось их разубеждать. Она вылезла из сугроба, отряхнулась и пошла домой. Ноги по-прежнему вихляли. Но теперь ее это не тревожило. Она не боялась больше ни Толика, ни Волика, ни Павлика, ни самого Щеглова.

Алик расстегнул свою синюю спортивную сумку и от удивления приоткрыл рот. Обычно в сумке лежали две черные гири (Алик считал, что постоянное ношение тяжестей развивает мускулатуру), а теперь, удобно примостившись между гирями, в сумке лежала книжка.

Щеглов открыл первую страницу и из любопытства решил прочитать. На третьей странице он почувствовал за спиной сопение сестры Ани, но оглядываться не стал.

Из-за этой книги Алик нарушил свой спортивный режим. На следующее утро он встал позже обычного. За окном падал снег. Но, глядя на него, он не думал уже о том, какой мазью натирать сегодня лыжи. Вдруг он услышал нечто такое, от чего застыл на месте. Это... Этого быть не могло... Аня Щеглова читала на кухне стихи.

Он быстро оделся и побежал в библиотеку. На лестнице Щеглов наткнулся на Зеленку. Лицо у Зеленки вытянулось и окаменело. Тем не менее она спокойно двинулась к выходу.

Они вышли на улицу, и Алик неожиданно заметил, что у Зеленки ресницы такие длинные, что на них задерживается снег.

— Зеленка, — Алик набрал побольше воздуха, — ты самая лучшая девочка в переулке.

А снег все шел и шел. Дом № 13 по Гороховой улице стал похож на большой сугроб, и даже простые кошки теперь казались белыми барсами.

Гриша Самойленков сидел на скамеечке. За эти каникулы Гриша посмотрел очень много фильмов, но ни разу ему не приходилось видеть такого удивительного фильма, как сейчас. Фильм был бесконечный, и каждый прохожий исполнял в нем главную роль. Гриша достал из кармана варежки, и вместе с ними из кармана выпал маленький голубой билет. В кинотеатр «Весна» на шестичасовой сеанс. Ветер подхватил его и покатил по дорожке. Подлетел замерзший воробей, удивленно поглядел на голубую бумажку, потом осторожно на Гришу. Гриша вздохнул и отвернулся.

Вечером в подъезде дома № 13 зажегся свет, кто-то ввернул новые лампочки взамен перегоревших. Старушка с третьего этажа рассказывала, как днем в подъезде возились ребята, как будто бы Щегловы из десятой квартиры, и эти... которые всегда втроем бегают.

Лифты в доме № 13 вдруг стали прекрасно работать. Кто-то незаметно и неутомимо следил за тем, чтобы ребята не набивались в него по десять человек и не катались по полчаса. Труднее всего было отучить малышей рисовать на стенках. Пришлось объявить конкурс на лучший рисунок на бумаге.

В последний день каникул в соседнем детском саду высадился трудовой десант. Починили скамейки и стулья, подклеили вместе с малышами разорванные книжки, расчистили от снега дорожки, построили ледяную горку. На прощание оставили у ворот детского сада три великолепных снеговика с такими красными морковками вместо носа, что их видно было с другого конца улицы. Говорят, снеговики все равно весной растают... Так не в этом ведь дело.

Мы хотели задать вопрос ТУТ-КАК-ТУТУ, но ни его, ни ребят на наших страницах уже не было. Остались только слова, написанные крупным, круглым почерком:

Всем, всем хороших каникул!

О том, что произошло на наших страницах, рассказали И. ГОЛУБЕВА, Л. СИМОНОВА.

ГОД НАШЕЙ

Живешь и знаешь — скоро Новый год. Снег летит. Новый календарь. Непривычно будет писать — 1974, рука ошибется не раз, пока привыкнет.

Ты повзрослел, и вся земля повзрослела еще на год. Вот прошло 365 дней. И ты невольно оглядываешься назад. А вместе с тобой и все люди, которые живут на земле. Что же там у нас за спиной?

Год уходит. Какой удивительный и богатый событиями он был! Мы очень на него надеялись, многого от него ждали. Большие планы строили. И что же? Все, что намечали, выполнили!

Партия сказала: семьдесят третий, решающий, сделаем годом ударного труда. И страна откликнулась на этот призыв. Больше стало у нас угля, нефти, домов, продуктов, книг, кораблей, станков, автомобилей и холодильников—словом, больше стало всего!

Вообще-то мы привыкли к тому, что в стране становится всего больше. Но итогам этого года мы вправе радоваться особенно. Мы выполнили и перевыполнили свои планы в первую очередь потому, что значительно увеличили производительность труда.

Что это такое, лучше всего показать на примере. Идут последние недели 1973-го. А по радио ты слышишь: вот одно предприятие, другое, третье выполнило свое плановое задание. Для них новый год уже наступил. Они в семьдесят четвертом.

Среди этих предприятий непременно будет назван московский завод «Динамо». Директор этого завода Константин Дмитриевич Петухов недавно рассказывал, как динамовцам удалось на целый месяц обогнать год. Вы думаете, там стало намного больше станков или рабочих? Нет, просто каждый динамовец стал работать лучше, производить больше. Там, где раньше успевали сделать сто деталей, теперь делают сто пятьдесят две. Вот и вышло, что на заводе увеличилась производительность труда на пятьдесят два процента.

«Выполнение наших планов,— говорит Л. И. Брежнев,— в конечном счете зависит от людей». Да, умение, талант, творчество, чувство общего дела решают все.

У нас как? Ты идешь впереди, а я еще с тобой посоревнуюсь в трудовой сноровке. Не обгоню тебя, ты мне поможешь, а если обгоню — я подам тебе руку. Кто же выиграет в конечном счете? И ты и я, наша общая польза!.. Это и значит соревноваться по-коммунистически. Работа идет и скоро и споро!

Не расскажешь обо всем новом, что рождено в стране за эти двенадцать месяцев. Взять хотя бы «Договор тысяч»—какое это замечательное дело!

Договорились между собой те, кто строит машины, и те, кто создает химические продукты, те, кто делает ткани, кто шьет из них пальто и костюмы, кто производит обувь. Машиностроители стараются скорее обеспечить текстильщиков, швейников и обувщиков новейшим оборудованием. Химики говорят: «Мы дадим вам новые, очень прочные синтетические волокна». И тогда обувщики, швейники и текстильщики смело заявляют: «А мы сделаем больше нужных и качественных товаров!» «Договор тысяч» действует и в других отраслях нашего народного хозяйства. Понимаешь, какая сила в таком содружестве!

А вот еще один эпизод года. На Енакиевском металлургическом заводе кончили свои подсчеты бухгалтеры и получили в итоге сумму 440 тысяч. Столько сэкономил для страны один-единственный рабочий — слесарь Владимир Смирнов. В производстве было применено сто два его рационализаторских предложения!.. И таких ударников, умельцев с золотыми руками и ясной головою у нас в стране сотни и тысячи!

Помнишь нынешнее лето? Солнечное, теплое. Хлеба поднимались стеной. Но вот пришла осень, и, как назло, зарядил дождь. Помнишь? Честно говоря, тревожно было: сумеем ли убрать урожай?

Теперь, когда все позади, когда ты спокойно садишься за стол и, не задумываясь, отмахиваешь здоровый ломоть пахучего теплого хлеба, ты знаешь, что нынешней осенью на полях страны был совершен трудовой подвиг.

Важнейшей чертой третьего, решающего года пятилетки да и вообще нашей жизни стало то, что мы работаем не только споро, но еще и творчески, по-боевому.

Очень здорово, что в первых рядах борьбы за коммунистический труд идут те, кто еще вчера носил пионерский галстук.

Перед началом этого года устроили комсомольцы собрание, да не простое, не обычное, а всесоюзное. Тридцать два миллиона комсомольцев вместе думали, как сделать год ударным в учении и труде.

Теперь пришло время посмотреть, что же получилось. Ведь одно дело—обещания давать, другое — суметь их выполнить. Разговор идет серьезный, строгий...

ЖИЗНИ

И радостно видеть: нет, не подвели комсомольцы. Страна и партия могут ими гордиться!

«Мы, люди старшего поколения, говорим с уверенностью: будущее страны в хороших руках. А это значит, что мы работали и боролись не напрасно». Так тепло и проникновенно сказал о твоих старших товарищах — комсомольцах Леонид Ильич Брежнев.

Эта высокая оценка Генерального секретаря Центрального Комитета партии вызывает у молодежи прилив новых сил, вызывает желание сегодня и завтра работать лучше, чем вчера. Кончается год, но не кончается трудовая вахта молодых рабочих, ученых, земледельцев в честь пятидесятилетия со дня присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

17 июля, когда у тебя были каникулы, собралась в Москве шестая сессия Верховного Совета СССР. Депутаты обсуждали вопрос о том, как сделать народное образование еще более совершенным.

Мы помним завет Ленина учиться. Каждый, кто взялся за великое дело строительства коммунизма, говорил Владимир Ильич, должен понять, что «только на основе современного образования он сможет это создать...».

Страна сказала: каждый у нас должен иметь среднее образование. Страна сказала: образование должно быть самым высоким. И страна делает для этого очень много...

В городе ты учишься или в селе, ты, конечно, это замечаешь... А особенно если на селе! По личной инициативе Л. И. Брежнева принято большое, серьезное постановление о сельской школе, и оно сейчас осуществляется. Сельская школа окружена всеобщей заботой. Комсомол принял шефство над нею.

Если ты человек серьезный и ответственный, если ты обладаешь тем чувством, которое взрослые называют «гражданским сознанием», ты и без наших напоминаний поймешь: учиться надо хорошо. И не стоит тратить здесь слов понапрасну. Хорошо надо учиться!

Кончается год. Все подводят итоги, и ты их подводишь. Загляни в свой дневник, подумай. Доволен ли ты тем, как провел это полугодие?

Это случилось девятого августа. В стране родился двухсотпятидесятимиллионный житель. Вот теперь нас сколько—250 000 000! Русских и эстонцев, украинцев и якутов, белорусов и грузин. Мы сильны нерушимой своею дружбой, братство наше крепнет год от года. Мы все заодно. Мы — Союз Советских Социалистических Республик!

Символом этого нерушимого братства, крепкого единства стали ордена Дружбы народов, которые засияли на знаменах наших союзных республик.

Декабрь на дворе. Метели бушуют. А люди говорят: теплее стало! Климат изменился, политический климат. Жить народам стало спокойнее. Люди всей земли с благодарностью думают о тех важных и решительных шагах, которые предприняли Коммунистическая партия Советского Союза и наше правительство для разрядки напряженности, для прекращения «холодной войны».

Потоком идут письма товарищу Л. И. Брежневу. Народы высоко ценят огромный личный вклад Генерального секретаря нашей партии в дело укрепления мира.

Ширится торговля между странами, развивается сотрудничество в области науки, техники, искусства. Хорошо!

Каким праздничным стал на нашей планете день 25 октября этого уходящего года! В Москве начал работу Всемирный конгресс миролюбивых сил. Он был замечательной демонстрацией того, как неисчислимо велики в мире силы тех, кто законы миролюбия сделал программой упорной борьбы.

Никогда прежде не собирался такой широкий международный форум: его подготовили и созвали тысячи организаций, партий и групп, на него съехались представители ста сорока четырех стран. Голос конгресса стал поистине голосом всего миролюбивого человечества. Недаром конгресс назвали первой Генеральной Ассамблеей народов мира, Конгрессом победы дела мира.

Затаив дыхание, слушала планета речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Огромен личный вклад Леонида Ильича в дело укрепления мира на земле.

Конгресс оценил успехи всей великой работы, проделанной во имя мира. Он заклеймил позором израильских агрессоров, чилийских фашистов, всех тех, кто пытается помешать осуществлению благородных помыслов человечества.

Советский народ — созидатель нового мира. Идти первым нелегко. Но мы смело шагаем — в космос, в новую жизнь, в будущее. Мы уверены в себе, наша поступь крепка, у нас надежный вожак — партия Ленина.

На I Всесоюзном слете тимуровцев (он проходил 5—7 октября этого года) делегаты слета вели серьезный, очень важный разговор о том, как действовать дальше тимуровским командам, отрядам, штабам.
Внимательно прочти Обращение делегатов слета ко всем тимуровцам страны. Обсуди его в отряде, подумай, как лучше идти маршрутом «Тимуровец» Всесоюзного марша «Всегда готов!».

ОБРАЩЕНИЕ ДЕЛЕГАТОВ I ВСЕСОЮЗНОГО СЛЕТА ТИМУРОВЦЕВ КО ВСЕМ ТИМУРОВЦАМ СТРАНЫ

ТИМУРОВЦЫ!

К вам обращаемся мы, делегаты I Всесоюзного слета тимуровцев.

Более тридцати лет прошло с тех пор, как возникли первые тимуровские отряды. Тимуровцы горячо любили Советскую Родину, были преданы Коммунистической партии и народу, помогали взрослым, заботились о малышах.

Мы никогда не забудем подвиги тимуровцев военных лет. Ребята с красными звездочками на груди помогали бойцам на передовых, заботились об их семьях в тылу, ухаживали за ранеными в госпиталях, собирали средства для танковых колонн и авиаэскадрилий. Все тепло своих сердец, все, что умели делать их детские руки, они отдали защитникам Родины, а значит, помогли победить врага.

Боевые и трудовые дела тимуровцев всех поколений и сегодня для нас — пример мужества, отваги, инициативы и трудолюбия.

Дорогие друзья!

Будем бережно и свято хранить лучшие тимуровские традиции, будем хорошо и отлично учиться, активно участвовать в трудовых делах старших, заботиться о ветеранах войны и труда, семьях погибших воинов, шефствовать над памятниками и обелисками, над детскими домами и больницами, детскими садами и площадками, помогать малышам, беречь и охранять природу, озеленять улицы городов и сел, вести беспощадную войну с лентяями, выскочками и зазнайками. Создадим новые тимуровские отряды, команды, штабы в каждом дворе и на каждой улице всех городов и сел нашей страны. Станем правофланговыми Всесоюзного пионерского марша «Всегда готов!». Будем действовать находчиво, смело, весело. В учебе, труде, спорте тимуровец всегда впереди!

В январе 1974 года исполняется 70 лет со дня рождения нашего любимого писателя, пламенного патриота, лауреата премии Ленинского комсомола Аркадия Петровича Гайдара. Мы должны хорошо знать его героическую жизнь, его книги, которые он писал для нас. Проведем пионерские сборы, читательские конференции, пройдем его боевыми дорогами, встретимся с теми, кто его знал, с тимуровцами разных поколений. И пусть каждый из нас сердцем прочувствует призыв Гайдара, обращенный к нам: «Надо честно жить, много трудиться, горячо любить и беречь эту огромную землю, которая зовется Советской страной».

Дорогие друзья!

Мы помним слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева, обращенные ко всем ребятам страны: «Сегодня вы дети, завтра — советский народ». Мы обещаем любимой партии, Ленинскому комсомолу, что будем всегда следовать ленинским заветам и новыми успехами встретим замечательный праздник — 50-летие со дня присвоения комсомолу и пионерской организации имени В. И. Ленина.

Вперед, тимуровцы!

Борис **КАМОВ**

ТИМУР С КРЕЩАТИКА

Рисунки В. **РУДЕНКО.**

ОБЪЯВЛЕНИЕ НА ФАСАДЕ

У площади Льва Толстого Норик спрыгнул с трамвайной подножки, поправил самодельный рюкзак и дальше двинулся пешком. Норик возвращался домой с оборонных работ. В Киеве не был несколько дней и сразу поэтому заметил: зеркальные окна магазинов обшиты щитами из досок, тротуар и часть мостовой на многих улицах перегородили баррикады и противотанковые ежи, а на углу Крещатика и бульвара Шевченко возник круглый бетонный колпак дзота. «Неужели будут уличные бои?» — с тревогой подумал Норик.

Проходя мимо кинотеатра «Смена», по привычке взглянул, что сегодня идет. И увидел у входа объявление: «Ребята! При «Смене» создается тимуровская команда. Сбор завтра, 20 июля, в 10 утра. Администрация».

Война застала Норика в Кишиневе (он приехал погостить к отцу). Бои шли совсем неподалеку, и Норик рассчитывал попасть на фронт вместе с отцом. («Не оставит же папа меня здесь одного»,— полагал он.) А на передовой может понадобиться смелый и надежный человек.

Но отец сказал: «Норик, я ухожу на фронт. А ты сегодня ночью уедешь к маме, в Киев».

В Киеве Норик долго мучался сомнениями, может ли он оставить маму одну с маленьким Игорем. «В конце концов, — решил он, — все мужчины покидают теперь свой дом». Собрал тайком вещи и явился в военкомат. Он готовился рассказать военкому, что понимает по-немецки, неплохо плавает и бегает, а в Кишиневе отец даже учил его стрелять из малокалиберной винтовки.

Но часовой у входа попросил предъявить повестку и паспорт. А Норику только в мае исполнилось пятнадцать. Да и ростом он был невелик.

С отчаяния уехал «на окопы». Рыть с рассвета дотемна противотанковые траншеи оказалось занятием не легким. К тому же каждый день над головами проносились «мессершмитты», обстреливая из пулеметов и пушек. Но в глубине души он считал все-таки рытье окопов и траншей делом женским. Мечтал о чем-нибудь настоящем — и вот объявление.

Помня о недавних своих неудачах, Норик испугался, что его могут не принять и в команду. Надо записаться сейчас, сию минуту. Норик вбежал в вестибюль, умолил билетершу пропустить его к директору. Влетел без стука в кабинет: «И я хочу... Очень хочу... Прошу вас», — произнес он, задыхаясь.

Мария Теофиловна Боярская, директор кинотеатра, его поначалу даже не поняла, а поняв, не засмеялась, но коротко и твердо сказала: «Приходи завтра к 10 часам».

«ВЫ ЕЩЕ НЕ КОМАНДА»

Норик прибежал в восемь, но во дворе кинотеатра уже толпились ребята. Ровно в десять вышла Боярская. Она уже была не в сером костюме, как вчера, а в черной юбке и солдатской гимнастерке с ремнем.

— Ребята, — сказала Боярская. — Все вы смотрели фильм «Тимур и его команда». Настал ваш черед помочь героической Красной Армии. Будет трудно. Кто не уверен в себе, пусть лучше уйдет сейчас, чтобы не подвести потом.

Вынесли стол. Мария Теофиловна записала почти двести человек. «Но вы еще не команда, — предупредила она, — вам еще предстоит показать себя в деле».

Девочки получили задание обойти соседние улицы и узнать, где живут семьи фронтовиков, какие у них пожелания и нужды. А Норик с другими мальчишками расчищал площадку, рыл глубокую щель, подавал трубы и деревянную бадью с раствором в подвал, где заканчивали строить бомбоубежище; носил на чердаки песок, а с чердаков всякий хлам, заполнял водой сорокаведерные бочки на случай зажигалок.

Воду брали в квартирах. Каждый заходил на кухню. Наполнял свое ведро. Подымал на чердак. Опрокидывал ведро в бочку и возвращался на кухню. Времени уходило много, бочки наполнялись медленно.

— Обождите, ребята, — остановил всех Норик. — Помните, как тимуровцы в фильме складывают дрова?

Выстроили конвейер. Под краны четырех квартир сразу поставили четыре ведра...

Просыпаясь по утрам, Норик чувствовал, как ноют все мышцы, но, поймав себя на том, что ему трудно и больно встать, считал: «Раз, раз с четвертью...» И, произнеся мысленно: «Три!» — вскакивал, обтирался водой в тазу. Натягивал рубашку и брюки. Наспех завтракал и бежал во двор кинотеатра. Каждое утро он обнаруживал, что кто-нибудь из его «чердачно-водовозной команды» не являлся. Конвейер заметно поредел, но о дезертирах не вспоминали.

КОМАНДИР ТРЕТЬЕГО ЗВЕНА

25 июля на утренней перекличке Мария Теофиловна сказала:

— Поздравляю вас. Теперь вы — тимуровский отряд. Сами разберитесь по звеньям, кто в какое хочет. Первое звено будет помогать семьям фронтовиков; второе — собирать лом, подарки для воинов и деньги в фонд обороны; третье — разведка. Четвертое возьмет под свой контроль дома, школы, госпитали, чтобы был порядок на чердаках и не нарушалась светомаскировка.

Норика выбрали командиром третьего звена.

— Мария Теофиловна, — спросили ребята, — а у вас какая должность в нашем отряде?

— Никакой, — засмеялась Боярская. — Я хотела вас только собрать и сдружить. А дальше командуйте сами.

Тут же возник спор, нужно ли оповещать, что существует команда.

— По-моему, это будет нескромно, — сказала Роза.

— И без тайны не интересно, — добавил Володя. — Мы же не скауты, которые брали в руки огромный посох и надевали широкополую шляпу, чтобы весь мир видел: скаут идет делать доброе дело.

— Конечно, красивей, — согласился Норик, — когда люди не знают, что ты им помогаешь. И все выходит, как по щучьему велению,

но мы не волшебники. Видеть сквозь стены не можем. Женщине, допустим, не с кем оставить ребенка. А мы ей секретно кладем на окошко букетик цветов. Или: в доме больной. Нужна кислородная подушка, а мы в этот момент бесшумно моем лестницу. Нет уж, пока война, пусть люди знают: если нужна помощь, надо идти на Крещатик, 36.

И у входа в кинотеатр «Смена» прибили щит:

ЗДЕСЬ ПОМЕЩАЕТСЯ
ШТАБ ТИМУРА

А рядом с ним другой:

ДОРОГИЕ ГРАЖДАНЕ,
СОВЕТСКИЕ ПАТРИОТЫ!
ЗДЕСЬ КОМАНДА ТИМУРА
ПРИНИМАЕТ ПОДАРКИ ДЛЯ БОЙЦОВ
ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ.

ДОЛЖНОСТЬ— ТИМУР

Командиром звена разведки Норик пробыл четыре дня. Мария Теофиловна все реже появлялась в кинотеатре. У нее появились обязанности, о которых она никому не говорила. А кто-то должен был повседневно руководить работой отряда. На пятиминутном общем сборе, созванном по просьбе Марии Теофиловны, Норика назначили Тимуром команды. Звено свое он передал Шуне Когану. В помощь Норику выбрали штаб из десяти человек.

Каждое утро, в восемь, команда выстраивалась на линейку. Командиры звеньев рапортовали обо всем, что сделано накануне. Потом ко-

роткая речь Норика: «Сейчас война, а некоторым кажется, что мы все еще играем». Кому — выговор. Кому — благодарность. А кому — «отстранить на десять дней от работы». Под конец каждое звено получало письменное задание, составленное штабом.

Тимуровцы приводили из детского сада малышей, ухаживали за больными, дежурили на вокзале — помогали донести вещи, показывали, где выдают бесплатное питание или в каком зале медпункт и помощник военного коменданта.

Скоро по всему городу возникли группы содействия Тимуру, которые превратились потом в самостоятельные отряды. Задания получали у Норика. Штаб Тимура при «Смене» стал центральным.

НЕОЖИДАННЫЕ ЗАБОТЫ

Жена рядового Левина попросила устроить дочку в детский сад: «Я теперь работаю на «Большевике». Девочка целый день одна».

Вечером Роза, командир первого звена, прибежала в штаб вся зареванная.

— Норик, представляешь, Ирочку Левину не берут в сад.

— Командир звена, — ответил Норик, — во-первых, не реви. Вот, возьми платок. Во-вторых, ты объяснила, чья это дочка?

— Объяснила. «Все женщины, — отвечают, — теперь пошли работать».

— Хорошо, — сказал Норик, — будет у нас свой сад.

— Свой? — переспросила Роза. — А где взять помещение, деньги, продукты?..

— Создадим детский сад при штабе. Твое звено займется этим завтра же.

Две комнаты на втором этаже подготовили за день. Принесли из дому игрушки и книжки, мыло, полотенца, кое-какую посуду и прибили у входа еще одно объявление:

ПРИ ШТАБЕ ТИМУРА
ОТКРЫТ
ДЕТСКИЙ САД

...Многие мамы уже в семь утра приводили своих малышей с едой в кастрюльках, молоком в бутылках, с запасными штанишками в газетных свертках. Девочкам-воспитательницам (по-

явилась и такая должность) хлопот хватало. Но вскоре и детский сад при «Смене» оказался переполненным. Расширять его не было возможности: при штабе к тому времени действовала еще и швейная мастерская.

Норик пригласил руководителей районных команд, и через некоторое время во многих красных уголках и даже бомбоубежищах возникли детские комнаты. А по примеру Киева тимуровские детские сады появились в Харькове, Днепропетровске и других городах.

ПИСЬМО С ФРОНТА

О команде появились статьи почти во всех республиканских газетах. По адресу: Киев, Крещатик, штаб Тимура — начали приходить письма из действующей армии:

«Крыша у меня в доме протекает. Писал управдому, но никакого результата. Проследите, пожалуйста...»

«Маму-старушку не берут в больницу. А у нее слабое сердце. И потом она все время тревожится за меня. Если можно...»

«Уже скоро осень. Я не успел перед отъездом заготовить дрова. Забросьте моей жене хотя бы пару кубометров...»

При штабе возникли постоянные оперативные группы. Одна была связана с аптеками и медицинскими учреждениями. Киевские больницы стали госпиталями. Медикаменты шли в первую очередь раненым. Чтобы достать ампулу бактериофага для пятилетнего сына сержанта Птушко или положить на лечение в клинику мать рядового Васильева, требовалось немало усилий.

Другая группа занималась только заготовкой топлива. Получить ордер на дрова или уголь было несложно. Главная трудность — где взять грузовик, если на строгом учете каждый литр бензина. Когда ребятам отказывали в военкомате, шли к коменданту города, пока не получали полуторку завезти уголь в пять-шесть домов.

Однажды пришло письмо: «Я давно не имею вестей из дому. А раньше мама и сестра писали мне каждый день. Будьте добры, узнайте, здоровы ли они. Мама и сестра живут в Святошине... Лейтенант Петр Михайленко».

Все ребята были на задании. Норик позвал Колю Кочергина, и они отправились в Святошино вдвоем.

Трамвай довез их только до завода «Большевик». Дальше двинулись пешком. Возле киностудии их задержали на контрольно-пропускном пункте.

— Мы из штаба Тимура, — представился Норик.

— Здесь начинается фронтовая зона, — ответил лейтенант. — Без пропуска не имею права.

Мальчишки притворились, что возвращаются домой, а сами остановили на перекрестке кры-

тую полуторку. Объяснили все шоферу. «Забирайтесь в кузов и ложитесь на дно», — велел водитель.

Коля с Нориком благополучно миновали КПП и доехали до Святошина. Неподалеку стреляли пушки. Доносились пулеметные и автоматные очереди, но в самом поселке царило безлюдье. Двери в домах были распахнуты, стекла выбиты, всюду валялись брошенные вещи.

...На месте дома двадцать три мальчики обнаружили только глубокую воронку. От избы сохранились лишь печь и часть выбеленной стены с фотографией в деревянной рамке. Ребята молча постояли у края воронки, зашли на всякий случай в два соседних дома. Кроме сытой, одичавшей кошки, никого не встретили. И направились обратно.

Писать о том, что они увидели, ребята не решились: бомба могла упасть, когда в доме уже никого не было. Норик вывел мелким своим почерком: «Уважаемый товарищ Михайленко! Все жители поселка С. эвакуированы. Ваши мама и сестра нами разыскиваются».

ОДНО ПОСАДОЧНОЕ МЕСТО

Кочергин пришел в квартиру Ефимовых, когда Нина Георгиевна ушла, а ее двое сыновей, шести и четырех лет, ревели на диване, потому что хотели есть. Коля вымыл им лицо и руки, разогрел на примусе обед. А когда вернулась Нина Георгиевна, сказал:

— Я Николай Кочергин. Меня прислал штаб Тимура. Мы получили письмо от вашего мужа. Он просил помочь вам уехать.

— Вот спасибо, — обрадовалась женщина. — Муж и мне велел, чтоб я уехала к маме в Подольск. Я уволилась. Забрала из детского сада мальчишек, а выехать не могу уже вторую неделю.

Коля взял у Нины Георгиевны документы и отправился в эвакопункт. Там ему сказали, что надо обождать, в ближайшие дни будут вывозить из Киева только беженцев из западных районов. Коля ждать не мог. Письма с фронта поступали в штаб сотнями. И почти на каждом Норик помечал: «Срочно!»

Кочергин пошел в учрежденческую кассу. Возле нее стояла толпа — в основном штатские с мандатами и справками в руках. «Товарищи, — сказал Коля. — Я из штаба Тимура. Мы получили письмо с передовой, от сержанта Ефимова...»

Колю прервали, велели стать в очередь и оттеснили в сторону. От обиды он чуть не заплакал... Плакать не было времени. И Коля толкнул дверь «Посторонним вход запрещен». Здесь сидел главный диспетчер Михаил Иванович. Его сын Василий, наводчик орудия, написал в штаб: «Позаботьтесь о моем отце, а то он теперь совсем один». Девочки через день убирали Михаилу Ивановичу квартиру, стирали рубашки, варили мясо и щи. Конечно, тимуровцы у Михаила Ивановича не знали ни в чем отказа, но обращались к нему в самом крайнем случае.

Михаил Иванович выслушал Колю. Позвонил начальнику вокзала. Через десять минут в кармане Колиных штанов лежал посадочный талон на поезд № 512, который отходил в десять вечера. Коля отнес его изумленной Нине Георгиевне.

В семь часов Коля явился к Ефимовым с Сашей Соломиным. Без четверти восемь Нина Георгиевна, двое мальчишек и четыре чемодана были доставлены на вокзал. К восьми стало очевидным, что на платформу не пробиться. 512-й ждало по меньшей мере в три раза больше народу, чем мог бы вместить любой состав. Коля опять тихонько вошел в комнату к Михаилу Ивановичу.

— 512-й стоит сейчас в тупике, — сказал он, — в четверть десятого подойдите к последнему вагону. Если там будут проводники, покажете посадочный талон и сошлетесь на меня. Если их не будет, отомкните вагон вот этим ключом, посадите своих и заприте.

Но садиться в поезд в тупике Нина Георгиевна отказалась. Мальчики перенесли чемоданы на самый край платформы. Оставили возле них Нину Георгиевну с детьми. Отыскали на запасных путях поезд. Саша забрался в темный пустой вагон, а Коля вернулся на платформу. Когда подали состав, Саша опустил быстро стекло. Коля с Ниной Георгиевной подали в окно ревущих от страха малышей и вещи. Сама Нина Георгиевна села в вагон за минуту до отхода, а Саше пришлось прыгать из окна, когда эшелон уже тронулся.

Утром Коля положил на рабочий стол Норика письмо:

«Действующая армия, полевая почтовая станция 1755.

Уважаемый товарищ Ефимов! Сообщаем, что 2 августа Ваша семья выехала из Киева в город Подольск. Смелее громите гитлеровских бандитов до полного их уничтожения! Желаем скорой встречи с женой и сыновьями!»

Норик подписался: «Тимур». И вместо печати нарисовал большую звезду с расходящимися лучами. Всего штаб за день отправил семь таких писем.

СЛЕПАЯ

На Крещатике по дороге в штаб тимуровцы почти ежедневно встречали старушку в черном платье с круглой брошкой и в синих очках. Тротуар перед собой старушка обстукивала полированной палкой с металлическим наконечником. Чаще всего слепую видели у входа в гостиницу «Спартак», где останавливалось много военных: она держала перед собой коробку с цветными карандашами.

— А знаешь, Норик, — сказал однажды Володя Остроумов, — я думаю, что коробка с карандашами у слепой — это какая-то сигнализация. Вчера были два синих, два зеленых, желтый и еще не помню какие. А сегодня я заметил у нее только красные.

— Она могла вчера все продать, — заметил Норик.

— Могла, — согласился Володя, — но вчера она торговала отточенными карандашами, а сегодня у нее отточен только один, крайний слева. Она куда-нибудь опаздывала, что ли? Не успела заточить все?

— Хорошо, — согласился Норик, — создаем особую разведгруппу. Командиром будешь ты. В помощь себе возьми Жору Дыбенко и еще кого-нибудь.

Разведчики заняли удобные посты. За целый день у слепой никто не купил ни одного карандаша. К вечеру полил дождь. Слепая не стала пережидать его в парадном или вестибюле гостиницы. Стуча палкой, она быстро пошла по Крещатику. Свернула на одну из улиц. Оглянулась. Никого не заметила. Сняла очки. Повесила на руку палку. Подобрала подол длинного платья. И пустилась бегом. Ребята держались ближе к домам, следовали за ней. Женщина вошла в одно из старинных зданий. Вскоре на третьем или четвертом этаже громко хлопнула дверь.

Норик Гарцуненко. 1947 год.

Володя оставил товарищей возле дома и помчался к Норику. Норик похвалил, что ребята не испугались дождя, проводили слепую до дома. Велел Володе немедленно забрать наблюдателей, которые могут все испортить, и побежал в райком партии. Оттуда позвонили в отдел контрразведки фронта. На мотоцикле приехал паренек в рубашке с закатанными рукавами и сандалиях на босу ногу. Он выслушал Норика, сказал, что тимуровцы об этой старушке должны теперь забыть: остальное — дело взрослых. Пожал руку. Сел на мотоцикл и укатил.

Старушка стояла у входа в гостиницу «Спартак» еще дня три. Потом исчезла. А штаб фронта передал разведчикам благодарность: «слепая» была связана с очень опасной группой диверсантов.

В КИЕВЕ АРКАДИЙ ГАЙДАР!

Однажды тимуровцы узнали: в Киеве Аркадий Гайдар! Сейчас, правда, он на передовой, но вообще-то живет в «Континентале». Норик установил дежурство на этаже гостиницы с семи утра до полуночи.

... 5 августа 1941 года, когда Гайдар появился в вестибюле кинотеатра, его ждали человек пятьдесят.

— Нас мало сегодня, — посетовал Норик. — Все в разгоне. Много очень работы. Конечно, ребята, которые посланы в наряд, будут жалеть. Но вы не думайте, мы им все расскажем.

— Еще как расскажем, — подтвердили товарищи.

Расселись. Гайдар с начала встречи не проронил ни слова. Не мог. Он вспомнил, как еще совсем недавно многие доказывали, что ребят, подобных Тимуру Гараеву, на свете не бывает. Что правдоподобен только Михаил Квакин. А красноармейцы в окопах вынимали из карманов и показывали письма с подписью «Тимур» и со слезами на глазах благодарили за помощь их семьям.

Наконец Аркадий Петрович заговорил. Медленно. Тихо. С трудом одолевая волнение:

— Когда я писал повесть о Тимуре и его команде, я в глубине души, конечно, надеялся, что многие ребята, прочитав книгу, тоже захотят, чтобы и у них была команда. И все же я не думал, что вы и ваши товарищи в первые же недели войны успеете столько сделать. И я не только рад — я счастлив и горд сегодняшней встречей.

Тимуровцы, которые сперва стеснялись в его присутствии, радостно заерзали на стульях: не каждый день бывает, что тебя похвалит сам Гайдар.

— А теперь рассказывайте, как вы тут, — закончил Гайдар.

Ребята переглянулись. Вскочили с мест. И заговорили все разом.

— По очереди, по очереди, — засмеялся Аркадий Петрович.

— Тогда пусть Норик расскажет, — попросили ребята.

Норик встал. Был он худ и невысок. Густые черные волосы зачесывал назад. Толстогубое лицо его выглядело красивым и смелым, но мальчишеское мужество и умение владеть собой соединялись с чисто девичьей застенчивостью и деликатностью. Глядя на Норика, нелегко был поверить, что его приказу с радостью подчиняется любой киевский мальчишка.

— Мы привозим дрова, — сказал Норик. — Помогаем уехать. Возимся с малышами. У нас теперь есть свой детский сад с филиалами. Своя тимуровская швейная мастерская. В ней одиннадцать взрослых мастериц. Они шьют бесплатно для семей военнослужащих. И для госпиталей. Кроме того, — Норик запнулся, — мы дру-

жим с истребительным батальоном. Нам удалось задержать трех шпионов: одну слепую, которая оказалась очень даже зрячей, одного фотографа и одного парня. Этого парня мы задержали прямо вот здесь, в кинотеатре. Секретные сведения у него были запрятаны в козырьке.

Самая трудная наша работа — отыскивать людей. Нам пишут: «Помогите найти семью. Я почему-то думаю, что она проехала через Киев». Тогда мы идем в эвакопункт, просматриваем все списки. Если находим, тут же сообщаем: «Ваша семья благополучно миновала Киев». Если не можем найти, передаем дальнейший поиск тимуровскому штабу Харькова, куда направляются эшелоны из Киева.

Гайдар слушал. Делал пометки в тетради. Потом спросил:

— Норик, сколько вам лет?

— Пятнадцать.

— Пятнадцать? — удивился Гайдар. — А кто у вас родители?

— Мама — народный судья. Отец сейчас на фронте.

— Знаете, Аркадий Петрович, — сказала Маруся Ткаченко, — на всех письмах Норик подписывается «Тимур».

— Я видел такие письма, — подтвердил Гайдар.

— Норик выступал по радио. Когда однополчане отца Норика узнали, что «киевский Тимур» — сын старшего лейтенанта Марка Григорьевича Гарцуненко, — выстроили всю часть. И командир объявил Марку Григорьевичу благодарность за такого сына...

— А сколько вас, тимуровцев, в городе? — спросил через несколько минут Гайдар.

Норик смутился:

— Мы не считали. Сперва нас было около двухсот. А теперь команды почти на каждой улице. Во многих дворах. Недавно с передовой пришел грузовик с письмами. Их сгрузили для быстроты прямо здесь, в вестибюле. Чуть больше ста тысяч. Мы их разобрали. Раздали районным штабам. И разнесли по квартирам в два дня.

Аркадий Петрович опять что-то записал и задумался.

Он, Гайдар, здесь, под Киевом, когда ему тоже было пятнадцать, впервые получил под свое начало взвод, полуроту, батальон в сто восемьдесят человек. Это было в 1919 году. Тут началась его «обыкновенная биография».

И вот другой пятнадцатилетний мальчишка спустя два десятилетия становится командиром двухсот подростков — и справляется. Число тимуровцев растет. Обязанности делаются сложней. Сын командира-фронтовика, он руководит уже не командой, он руководит уже тимуровским полком, если не тимуровской дивизией.

Когда ему нужно посоветоваться, Норик идет в райком партии. Когда не на чем везти дрова, едет в горком. Тысячи там, в окопах, не видя Норика в глаза, вверяют ему судьбу своих близких. И никто не удивляется, что мальчишке только пятнадцать. Никто не говорит, что он еще маленький.

*

Когда в сентябре 1941 года Киев пал, гитлеровцы схватили и повесили Марию Теофиловну Боярскую. Фашисты нацепили ей на шею доску с надписью: «Руководитель тимуровской команды».

Гестаповцы расстреляли мать Норика. На фронте погиб его отец. Команда продолжала действовать. Норик, Коля Кочергин и другие ребята доставали продукты и одежду, помогали спасать раненых бойцов и командиров. Норика узнавали на улице. Он часто слышал за спиной изумленный шепот: «Тимур».

Чужих людей Норик упросил взять к себе шестилетнего Игоря и ушел из Киева.

А. П. Гайдар на фронте под Киевом. Август 1941 года.

Братья Гарцуненко нашли друг друга только через двадцать шесть лет.

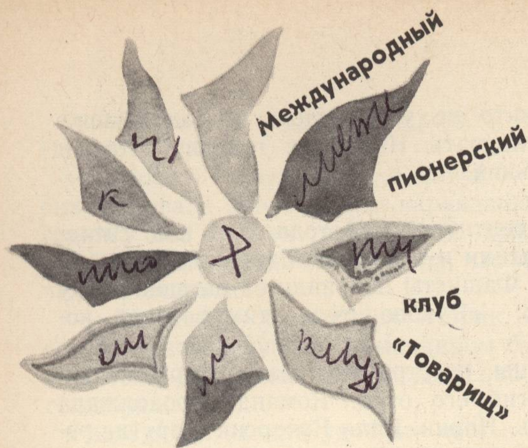
Сейчас Новомир Маркович Гарцуненко живет на Украине. Работает начальником цеха в депо. И самая большая его мечта: встретить товарищей по штабу Тимура.

ОБЪЯВЛЯЕМ ПОИСК!

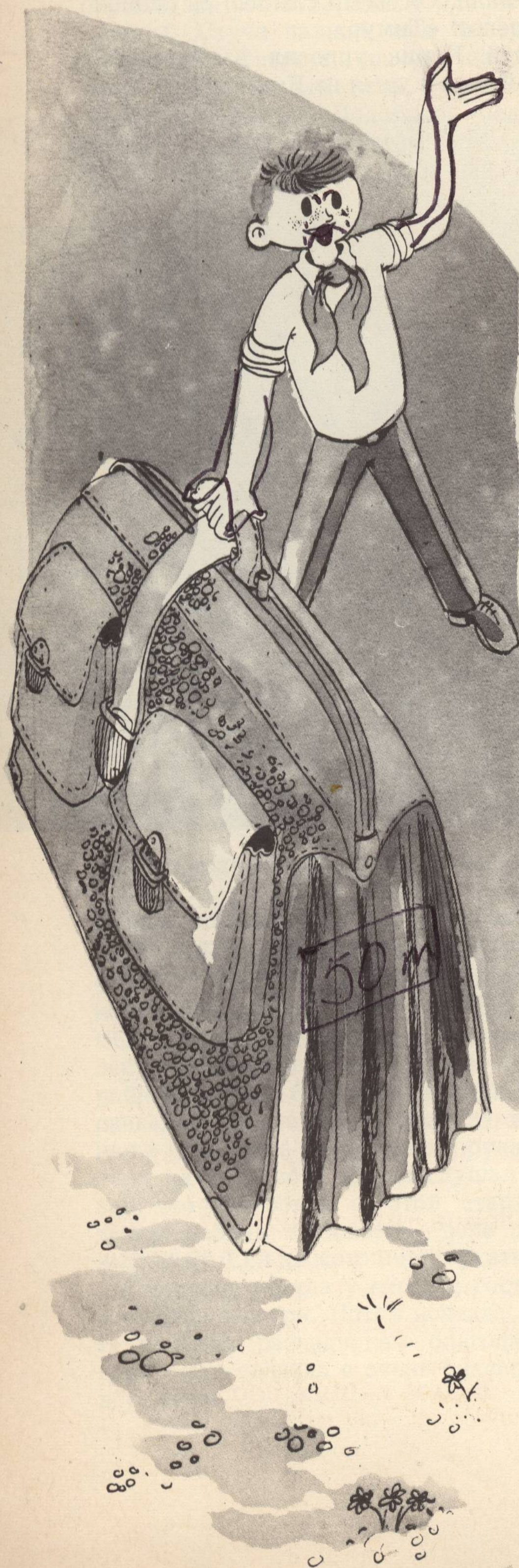
Тимуровцы города Киева!

Всесоюзный штаб Тимура поручает вам: разыщите членов тимуровской команды, действовавшей в вашем городе во время войны, запишите их рассказы, узнайте, как сложилась их дальнейшая судьба.

Ждем ваших сообщений!

ФЕСТИВАЛЬНОЕ ЛЕТО СЕРЕЖИ КОСТОМАРОВА

Поезд «Берлин—Москва» остановился, из него на перрон высыпали люди. Несмотря на сутолоку и суету, я сразу заметила мальчиков и девочек в пионерской форме, с большими красными сумками через плечо, на которых было написано «Х Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Берлине».

И я увидела «нашего» мальчика.

Всем, кто отправлялся в Берлин на фестиваль, в редакции говорили: «Посмотрите, как там наш мальчик». Если вдруг раздавался звонок из Берлина, мы обязательно спрашивали: «Как там наш мальчик?». Так мы называли про себя Сережу Костомарова, победителя нашей викторины «ГДР — страна фестиваля», который стал членом детской делегации на Х Всемирном фестивале молодежи и студентов.

Я собиралась задать Сереже всего три вопроса, самые обычные, которые ему будут задавать еще не раз и дома и в школе.

— С кем ты подружился?

— Мы жили в пионерской республике имени Вильгельма Пика. Этот международный пионерский лагерь похож на наш Артек. И там собрались отличные ребята. Владик Барбе приехал из Кишинева. На студии «Флоричика» он делает мультфильмы. Владик — мой друг на всю жизнь. Мы договорились через три года с ним встретиться в Москве.

Майкл из английского города Ноттингема рассказывал мне про детскую организацию «Лесной народ», в которой он состоит, и про то, как они помогают Вьетнаму. Мы с ним разговаривали по-английски, очень пригодилось мне знание этого языка.

Но больше всего я запомнил Кана. Кан — из Вьетнама. У него такие глаза, что по ним сразу видно, когда ему грустно. Кан маленький, худенький. Когда смотришь на него, трудно поверить, что он взял в плен американского солдата.

В республике Вильгельма Пика собрались ребята из многих стран Азии, Африки, Европы, Америки. Мы написали Обращение ко всем детям мира. «Социализм — друг детей,— написали мы,— империализм — враг». И обратились ко всем людям с призывом бороться за осуществление на всей земле Декларации прав ребенка.

— Чему ты научился в лагере имени Вильгельма Пика?

— Я научился по-другому относиться к девчонкам. В этом лагере не увидишь, чтобы девчонки и мальчишки ходили отдельно. Владик Барбе учил меня рисовать, Майкл — играть в кегли, а Кан — не хныкать и быть мужественным. Республика Вильгельма Пика — такой лагерь, где не дают скучать.

В общем, в лагере было очень здорово.

Вербелинзее — красивое, тихое озеро, и в нем водятся судаки, такие же, как у нас в Оке. В гости к нам в лагерь приезжали интересные люди. Приезжал Гойко Митич, югославский киноактер, знаете, он обычно играет в фильмах индейцев, он такой огромный, что мог бы поднять целый пионерский отряд. Митич играл за команду нашего отряда в футбол, и мы выиграли 1 : 0.

— Расскажи про детский праздник на фестивале.

— Во время фестиваля парк имени Эрнста Тельмана в Берлине превратился в палаточный городок. В палатках жили ребята из всех округов ГДР. Мы вместе с ними участвовали в празднике «Пусть всегда будет солнце!». Вместе побывали на Базаре солидарности. На Базаре продавали сувениры, сделанные ребятами, выручка пошла в фонд помощи Вьетнаму. Мы участвовали в большом интернациональном концерте. Катались в вагончиках детской железной дороги, играли... Я склеил себе красивую бумажную шапку, на празднике все ходили в таких шапках, в книжной лавке ответил на несколько вопросов о любимых героях и получил за это книгу. По аллеям парка все время маршировали барабанщики и горнисты.

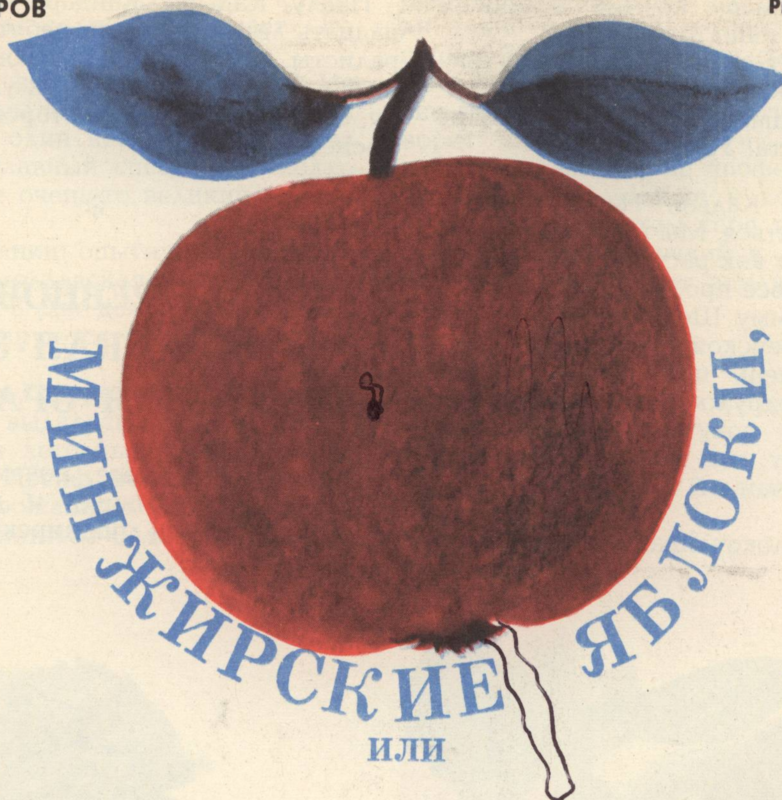
Мы встретились с почетными гостями праздника товарищем Эрихом Хонеккером, Первым секретарем СЕПГ, А. В. Федуловой, председателем Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

— Еще один вопрос, который задавать я не собиралась. Послушай, что у тебя в этом таинственном желтом портфеле, который ты все время с собой таскаешь?

— Ничего таинственного. Книжки, значки, сувениры из Берлина. Хочу устроить в классе выставку. Мне кажется, ребятам интересно будет посмотреть.

И. ГОЛУБЕВА.

Юрий КРУТОГОРОВ **Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.**

МИНЖИРСКИЕ ЯБЛОКИ,

или

Павел Протодьяконов + Кадыр Сафаров + Рахмат Хайдаров + Римма Шолнайте + Люда Ботизату = ~~Слет юннатов~~ любовь, (Кишинев, Минжир, 73)

АДРЕСА, АДРЕСА...

В один из августовских дней несколько экскурсионных автобусов цвета поспевших яблок джонатан мчались по направлению к молдавскому селу Минжир. Мы ехали в гости к минжирским ребятам. Мы — это Всесоюзный юннатский слет, разноязыкий, многолицый, шумный и веселый, как осенняя ярмарка.

Я примостился в одном из автобусов рядом с тринадцатилетним якутом Пашей Протодьяконовым. Мы уже обменялись с ним адресами. Я назвал свой, московский. Паша пригласил меня к себе, в Булгунняхтах, что севернее Якутска на сто километров.

Паша широкоскуло улыбался:

— Ведь не приедете, однако? Об-ма-не-те. А то я вас вот такими помидорами угощу.

Он показал, какими помидорами. Сначала между Пашиными ладонями мог бы поместиться приличный арбуз. Потом Паша все-таки сблизил ладони. Он держал руки крепко, увесисто, и я как будто увидел эту краснобокую помидорину. Не с арбуз, конечно, но все-таки...

Я сказал:

— Ну, понятно, только такие помидоры и вызревают при пятидесятиградусном якутском морозе.

— Зачем не верите? Я не врун, однако. Мы выращиваем такие помидоры в школьной теплице. Наш сорт выращиваем, булгуняхтахский. Целыми корзинами снимаем. В детский сад отправляем. В совхозе сказали: пацаны, давайте ваши семена, они лучше наших, однако. Не так холода боятся...

К нашему разговору прислушивался Кадыр Сафаров. У него наголо остриженная голова, на макушке черная тюбетейка. Она то и дело соскакивает с макушки. Кадыр прихлопывает ее, чтобы знала свое место. Слова прямо рвутся из него.

— А мы дальневосточную вишню выращиваем. Сто саженцев нам прислали из Владивостока. Из филиала Академии наук СССР.

— Разве у вас своя вишня плохая?

— Зачем плохая? Опыт делаем для ученых. Теперь у нас тысяча кустов. С дерева сто килограммов снимаем.

— Вкусная?

Кадыр не был бы восточным человеком, если бы не выразился так:

— Сладкая, как персик. Сочная, как дыня.

Еще один адрес появляется в моем блокноте: Куляб, улица Лахути, 52, К. Сафаров.

Друг его Рахмат Хайдаров просит у меня авторучку и пишет на чистой странице: Душанбе, улица Шаумяна, 35.

— Поедешь к Кадыру, ко мне загляни. Я цыплят на станции юннатов покажу.

Кадыр вскидывает руки, пригвождает несносную тюбетейку к затылку:

— Рахмат, послушай, кто твоих цыплят не видел? Тоже цыплята! Удивил.

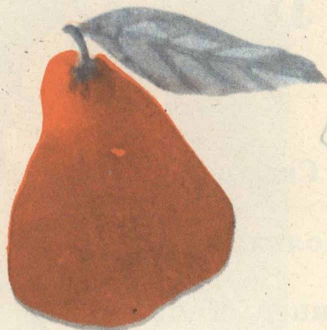
Рахмат сердится:

— Не кудахтай, Кадыр. Наши цыплята учатся жары не бояться. Мы их под душ подставляем. И они вот как растут.

Но что же это я все про мальчишек?

Я сейчас про Римму Шолнайте расскажу. Она учится в Грибенской школе Литвы. Беленькая такая, очень подвижная девочка. Еще раньше ее подружка шепнула мне на ухо: «У нас Римму зовут бабочкой-капустницей». Это потому, что Римма выращивает новый сорт белокочанной белорусской капусты.

Всем хороша белокочанная! Вот и пусть

каждый кочанчик побыстрее подрастает, пораньше поспевает. Как этого добиться? Подкармливать белокочанную разными витаминами — вот как! Я понимаю: это легко сказать — подкармливать. А какими дозами, в какие сроки? Это и хочет узнать Римма. Ей такое задание дали ученые-агрономы. И, представьте себе, получается. Правда, время свое Римма чуть не песочными часами измеряет. Очень ей некогда, хорошо, легкие ноги выручают: спозаранку, до уроков, в поле, вечерком — в поле. Даже на большой переменке она умудряется сбегать на свою белокочанную грядку. Римма смотрит, как витамин B_1 сказывается на росте кочанов. Уже два года, день за днем, наблюдает фазы развития капусты.

Мчатся, мчатся автобусы по молдавской земле, которая похожа на мозаику, выложенную помидорами, арбузами, баклажанами, дынями, перцами, огурцами, кабачками, патиссонами, тыквами...

И на все это глядят мои новые друзья. Но не просто как зеваки, как экскурсанты. Как народ, который прекрасно понимает, как это все выращивается. Это взгляд земледельца на дело рук своих.

Павлу, Кадыру, Хайдару, Римме по тринадцать лет. Ребята как ребята. Но они натуралисты, а значит, преобразователи. Каждый в меру своих сил старается улучшить природу, сделать землю, на которой живут, плодоноснее.

*

КАК СОРЕВНОВАЛИСЬ ОДЕССКАЯ-3 И МОЛДАВСКАЯ-ОРАНЖЕВАЯ

Теперь вы поймете, почему сразу нашли общий язык мальчишки и девчонки, приехавшие на слет, и минжирские натуралисты.

Они мигом узнали и поняли друг друга. Я просто удивился, когда мой друг Кадыр подошел к молдаванке Люде Ботизату и сказал:

— Кукурузу выращиваешь, да?

— А ты откуда знаешь?

— Да у тебя пальцы в пыльце от кукурузных метелок...

Люда засмеялась:

— Ой, верно, мы сейчас опыляем новый сорт.

— Зачем?

Я тоже стал слушать.

Люда еще в школу не ходила, это было лет десять назад, когда председатель колхоза «Победа» Тимофей Михайлович Ермураки попросил ребят испытать на учебном поле новый сорт — одесскую-3. В ту пору тут сеяли кукурузу молдавскую-оранжевую. Сорт ничего себе, хороший. Но по республике прокатилась громкая слава о кукурузе-одесситке. Ну, у какого агронома не екнет сердце! Вот бы ее приспособить...

Почвы в колхозе суглинистые, капризные, и потому надо было исследовать, как примется одесская знаменитость возле Минжира. Не закапризничает ли? Не покажет ли ненаро-

ком свой беспокойный характер? Как к дождику относится. Как солнце принимает. Ого-го, только начни!

Опыт поручили вести семикласснику Иосифу Плугарю. Въедливый, говорят, был паренек. Ну, не он один все, конечно, делал. Это он сейчас — главный специалист колхоза, а тогда был не очень-то великий специалист.

Разбили две делянки: опытную и контрольную. На одной молдавская-оранжевая, на другой — одесская-3. Две делянки для сравнения. Пусть посоревнуются, поглядим, кто победитель.

Присматривались, зерна считали в початках. Первое лето выдалось жаркое, засушливое. Следующее лето было дождливое. И вот что заметил Иосиф на своем участке. Одесский сорт урожайнее. Зерна налитые, одно к одному, светятся белозубо. Веселые

початки! Но есть особенность у одесситки: когда лето сухое, в одно гнездо лучше закладывать одно-два зерна, когда влажное — два-три зерна. Вот такая особенность.

Рекомендации эти пригодились колхозным агрономам. Иосиф даже в Москву ездил и там рассказывал таким же, как и он, кукурузоводам о своей работе. Он потом институт кончил и вернулся в колхоз агрономом.

ТРИ РАЗА В ДЕНЬ ПО ЧАЙНОЙ ЛОЖКЕ

Тимофей Михайлович Ермураки — он стал Героем Социалистического Труда — теперь частенько наведывается на ученические делянки. Он мне сказал: «Езжу на ребячье поле, как в колхозную агролабораторию». А он, между прочим, очень занятой человек. Вы даже себе представить не можете, как он занят. Если б мог, я уверен, на двадцать частей бы разорвался. Ведь в колхозе выращивается одного винограда почти сто сортов, а площади такие — за день не обскачешь! Но для школы Ермураки всегда часочек выкроит. Потому что, честно говоря, Тимофей Михайлович себя тоже числит в натуралистах. Он говорит:

— Натуралист — не профессия. Это—свойство души. И умение в корень глядеть, в землю. А она потом тебя никогда не отпустит, крепкой цепочкой к себе привяжет... Вот наших ребятишек земля к себе так привязала.

Совсем недавно Тимофей Михайлович привел с собой на ученическое поле ученых Кишиневского института виноградарства и плодоводства. «Задание есть, ребята,— сказал,— с виноградом кардинал — беда. Многие кусты заболели. Рак!»

Да, есть такое заболевание у виноградных лоз. Я сам видел. Грустно смотреть. Безжизненная, вялая делается лоза. Крошечные виноградинки похожи на высохшие рябинки. Мертвая кожица, почерневшие косточки. Никогда не подумаешь, что это была тугая, наполненная сахарным соком виноградная кисть, едва умещающаяся на ладони взрослого человека.

Кишиневские ученые придумали кое-какие лекарства. Но их надо еще испытать: в какое время применять, в каких количествах.

Зотя Кица, Лариса Армаш получили эти препараты. Они опыляют захворавшие кусты, ложечкой отмеряют лекарство. Я видел их тетрадки. Там все по дням расписано, каждая лоза имеет свой номер, а некоторые страницы в тетрадке похожи на докторские рецепты: «Три раза в день по чайной ложке...»

Наверно, вам хочется, чтобы я сказал: девчонки уже излечили виноград. Я бы и сам рад так написать. Рано еще. Это трудная работа. Может, в этом году ничего не получится. И даже в следующем. Но Зотя и Лариса сказали мне, что они станут агрономами и все равно своего добьются. Я им почему-то верю.

КАК КАДЫР В КУКУРУЗЕ ПОТЕРЯЛСЯ

Но главное, чем мальчишки и девчонки Минжира увлечены,— это кукуруза. Кадыр на пальцах Люды Ботизату не случайно заметил оранжевую пыльцу, кукурузную пудру. Люда сейчас ВИР-42 испытывает. Одесская-3 в колхозе уже никого не устраивает, прошло ее время, селекционеры ведь не топчутся на одном месте. ВИР-42—просто чудо! Любимая культура Тимофея Михайловича Ермураки. Он многого от нее ждет. Только всякий новый сорт — как друг, с которым, чтобы получше узнать его, надо пуд соли съесть.

Люда Ботизату и учитель биологии Василий Семенович Санду привели меня с Кадыром на кукурузную плантацию. Там разная кукуруза росла. Невысокая, в рост первоклассников. Повыше, еще повыше. Я сразу забрел в такие заросли, что скрылся с головой, а рост мой все-таки сто восемьдесят сантиметров.

— Опытная делянка,— сказала Люда.— Она у нас идет по четвертому варианту. Мы тут на ста квадратных метрах заложили 600 граммов аммония, 400 граммов суперфосфата, килограмм калия.

— Нормы удобрений рассчитываете?

— Вприглядку кукурузу нельзя выращивать,— строгим, ученым голосом сказала Люда.

Потом спохватились, где Кадыр. Исчез куда-то.

— Ка-ады-ы-ыр!

— Здесь я. Никак из этого ВИРа выбраться не могу.

Мы посмеялись. Школьное поле — четыре гектара. На одном конце крикнешь, на другом не услышишь...

В ДОЛГУ ПЕРЕД ЗЕМЛЕЙ

Минжирцы выращивают яблоки кальвиль снежный и нютош, пепин лондонский и цыганку молдавскую, сливы ренклод консервный и венгерку молдавскую, персики советские и патиссоны величиной с раскрытый зонтик, виноград торнау и фетяска, мцвани и фольбланш — тридцать сортов винограда.

И я вот о чем думал, глядя, как минжирцы показывают свои владения участникам слета. Все-таки это особенные ребята, натуралисты. Такие, как все и не как все. Они и представить себе не могут, как это возможно просиживать перед телевизором пять или шесть часов подряд «от нечего делать». Они не умеют без толку шататься по улицам, «оттого что скучно». И не могут позволить себе такую роскошь — проваляться на диване досужий день, потому что «не знают, чем заняться, как убить время». Им всегда есть что делать, им попросту не бывает скучно.

Наверно, это не всякому дано — чувствовать себя в долгу перед природой, перед землей, перед пашней. Перед вишневым садом. Чтобы вишня была слаще и сочнее. Перед томатной плантацией. Чтобы помидоры не боялись стужи. Перед виноградом, перед кукурузой.

А им дано. Главное, как мне кажется, в том, что эти ребята не умеют бросать начатое дело на половинке пути. Иногда ведь устаешь, просто плюнуть на все охота. По себе знаю. Да и вы, наверно, по себе знаете. Но не бросают. Опытничество — работа не на час, не на месяц. Она рассчитана не на мимолетное увлечение — на полную отдачу всех сил. А иначе близко к земле не подходи.

С. РОМАНОВСКИЙ

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

ГОЛУБЬ И ЧАЙКИ

РАССКАЗ

В начале лета Алеша был на озере Запесочье — на его левой стороне.

Шел и посматривал, нет ли где удобных подходов для рыбалки.

Издали ему понравился круглый залив — вот бы порыбачить!

Алеша свернул к озеру, по плечи ушел в осоку, и над ним заклубились чайки.

Крича по-страшному, они пикировали на него, задевали голову крыльями или ветром от крыльев... Алеша стал отмахиваться удилищем.

Что тут поднялось!

Воздух стал белым от чаек, тугой белый клубок сбил Алешу с ног. Он поднялся, побежал, упал, опять поднялся и бежал до кустов, до тальников, где чайки оставили его в покое.

Алеше подумалось, что чайки раскровенили ему голову. Он потрогал затылок — это была не кровь, а птичий помет. Алешина рубаха тоже была в белых отметинах.

Хорошо, что по кустам, по корням пробирался ручей — у ног Алеши прядала коричневая вода. Он вымыл голову, выстирал рубаху, выжал ее и, если бы не комары, может быть, не скоро вышел бы отсюда на свет божий.

Алеша догадывался, почему чайки ополчились на него: там, на левобережье, у них гнезда.

«Они не знают, с чем ты идешь к ним — с добром или со злом,—рассуждал Алеша.— А я стал удилищем махать. Они и подумали: разбойник идет».

В сырой рубахе идти было холодно, и Алеша обижался на чаек:

«Ну и характер! Все время орут — жалуются, будто у них болит что-то. Сколько можно жаловаться? Остальные птицы поют, радуются, а эти смолоду ворчат, как старухи».

Он даже подумал:

«Возьму у отца двустволку, приду на озеро, пусть попробуют налететь. Только бы рассердиться как следует».

Но рассердиться как следует он так и не сумел, а на озеро Запесочье попал только осенью.

Теперь осока по берегам была выкошена. Озеро лежало открытое и доступное со всех сторон. С того берега на этот шли по нему волны с гребнями. Если закрыть глаза, то на слух можно подумать: не озеро это, а большая, холодная река, до того громко гудят волны.

Только что пароходов нет...

Над крутым заливом кружились две чайки и громко кричали.

Алеша подошел ближе.

На волнах что-то шевелилось, и чайки с отчаянием в голосе носились над тем шевелением.

«Кого это они убивают?»— подумал Алеша и закричал:

— Эй, что вы делаете?

Чайки будто не слышали.

Вот одна клювом зацепила живое, попыталась поднять, и Алеша увидел, что на волнах качается голубь. Чайка развернула крыло, но удержать не смогла, и намокшее крыло упало в воду, а чайка взвилась в воздух.

Теперь обе чайки опустились над голубем, в два клюва — сначала одна, а потом другая — ухватили его, подняли и понесли было к берегу, но он с плеском опять обрушился в воду.

Чайки не переставали кричать, и в этих криках Алеше чудились не жалобы, а уговоры. Птицы словно уговаривали голубя:

— Голубчик, потерпи немножко. Ну, пожалуйста...

Он был жив, и Алеша видел, как голубь ворочает маленькой точеной головкой.

Чайки снова подняли голубя и стали набирать высоту, снова уронили его; тяжел да еще и намок, двум птицам нести его не под силу.

А если других чаек позвать?

Где их возьмешь? На всем Запесочье никого больше нет, ни одной живой души.

Алеша разделся догола, и ветер сразу пересчитал у него все ребрышки — холодно было поздней осенью.

— Врагу не сдается наш гордый «Варяг»! — запел он для бодрости и вошел в воду. Она обручем сдавила грудь, не то что петь — дышать не позволяла, а он, не дав себе опомниться, саженками поплыл к голубю. Голубь был легонький и мокрый, как тряпичный. Алеша высоко держал его в левой руке и греб одной правой.

Хорошо, что волны помогали — толкали в спину.

Чайки провожали его до самого берега. От ледяной воды Алеша плохо слышал, но в чайкиных криках ему угадывалась озабоченность:

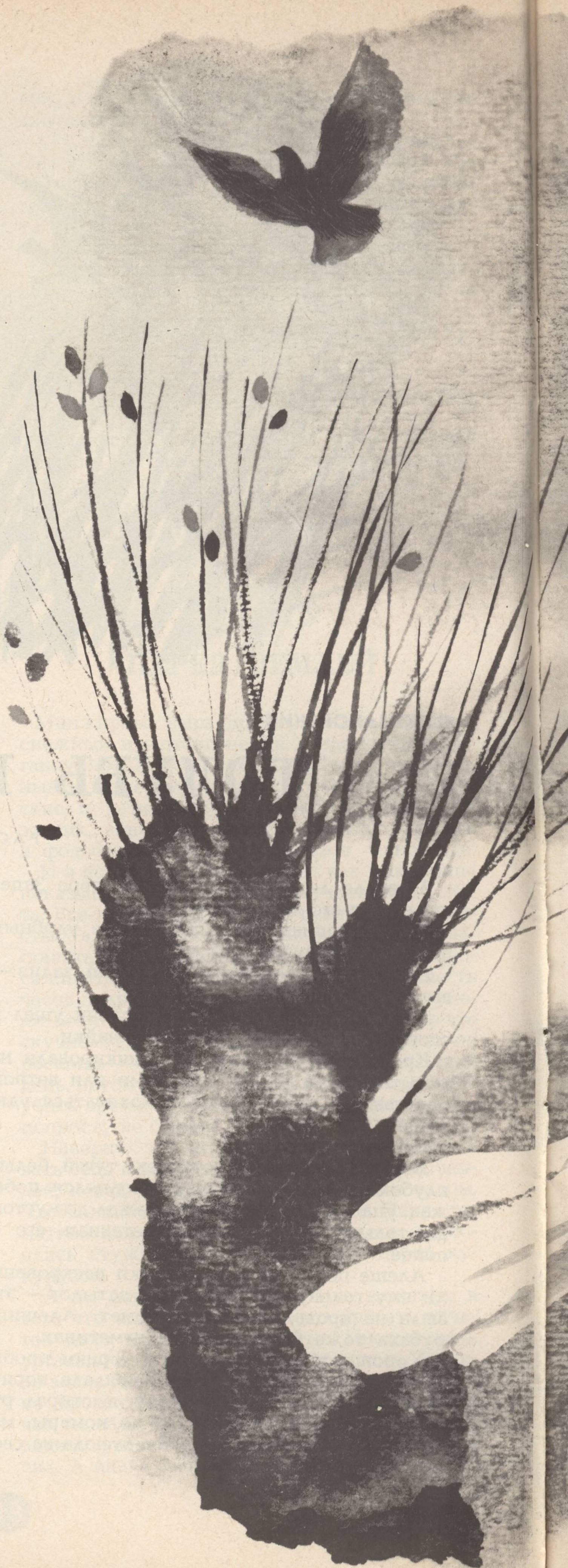
— Голубя не могли спасти, а этого и подавно.

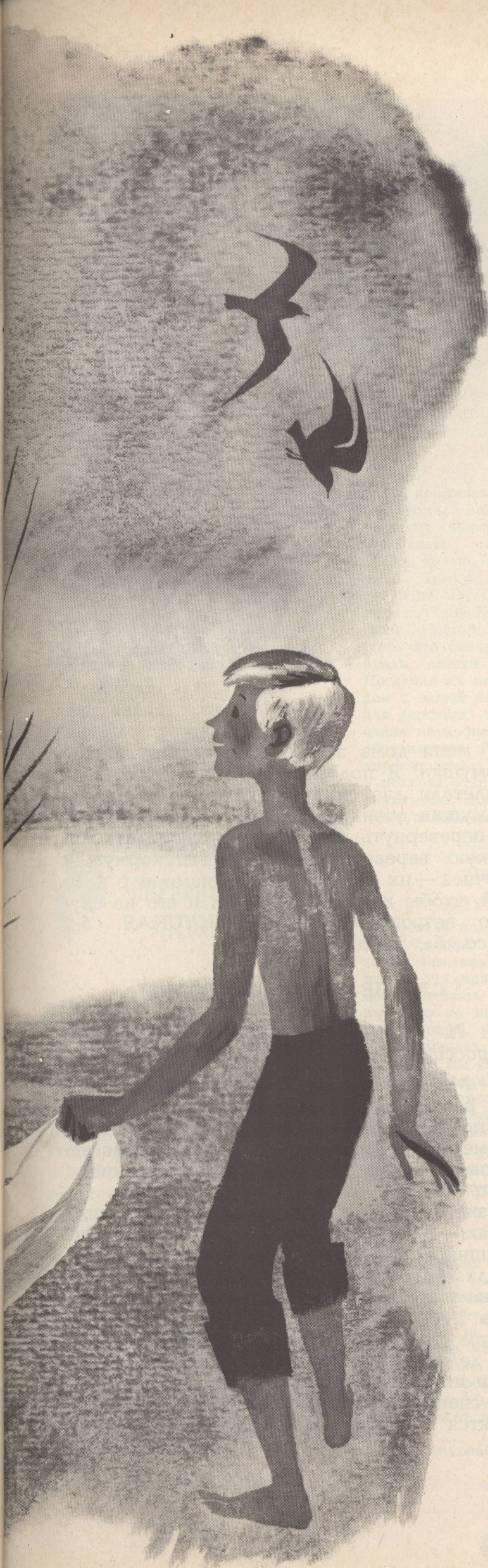
И сострадание:

— Голубчик, потерпи немножко. Ну, пожалуйста...

На берегу, на ветру он первым делом дал вытечь воде из голубя — держа его вниз головой. Влага вытекала из клюва, и голубь, задыхаясь, вздрагивал и порскал, будто кашлял.

— Все? — сказал Алеша.— Посиди. Я сейчас оденусь и за пазухой тебя домой отнесу.

Он посадил голубя на отаву, стал натягивать одежду. А голубь тем временем пошевелил крыльями, с хлопаньем поднялся в воздух, обогнул Алешу и полетел по ветру от озера.

— Погоди!— позвал его мальчуган.— Куда ты?

Но голубь был уже далеко, а чаек и в помине не осталось. Только одно пустынное озеро катило волны к ногам Алеши и разговаривало с ним.

Волны были мутные, и в них колебались водоросли.

«А я их сгоряча и не почувствовал»,—подумал Алеша про водоросли, и тут показалось ему, что болит в нем что-то —в самой глубине его существа, рядом с сердцем поселился холод, и от него долго не согреться.

Дома он не хотел, да сказал матери:

— Мама, ты не ругайся, я простыл. Я в озеро за голубем сплавал...

— Бедовушка ты моя,— сказала мать.— Разве всех спасешь?

— Белым вином его надо напоить,—посоветовал отец.— И в постель.

— С этих-то лет?— возмутилась мать.

— Я ничего,—оправдывался отец.—Я так...

Алешу напоили чаем с малиновым вареньем, уложили в постель под два одеяла. Ночью у него начался жар, и все в голове перепуталось.

Голова у него огнем горит, и непонятно, где он. Что это у него за пазухой? Голубь— тот самый, мокрый, только горячий. А кругом в черной форме ходят фашисты, каких в кино показывают, и голубя ищут. Алеша голубю шепчет: «Сиди смирно и не шевелись. Они тебя не найдут». И, улыбаясь, притворяется, будто у него ничего нет, никакого голубя. А притворяться ему страх как неохота. Черные руки тянутся к нему, и он кричит:

— Не тро-онь! Не отда-ам!..

Тихо в комнате, и вся она желтая. Печка, наверное, топится. Да нет, не печка —это солнышко в окно заглядывает, и до чего оно ни дотронется — все светится.

Напротив Алеши отец, мать сидят и незнакомый мужчина в белом халате. Смотрят на него внимательно, и у матери глаза моргают.

— Жар прошел,— говорит мужчина в халате и кладет на Алешин лоб прохладную руку.— Сбили жар, теперь жить будет.

И поправляет себя:

— Собственно, в этом я вообще не сомневался. Правда?

Мать торопливо соглашается:

— Конечно, конечно...

Отец молчит. Первый раз в жизни в глазах его Алеша замечает слезы.

«Да что это он?—удивляется Алеша.— Я ему скажу».

Но сказать пока не может: сил нет...

Защитники природы, дело для вас!

Чижи, чечетки, свиристели, дятлы — многие птицы остаются на зиму в наших лесах и городских парках. В суровые холода они тянутся к жилью — к теплу и пище...

В Москве зимой особенно много желтогрудых синичек. Их и взяли под свою охрану московские школьники. Вот уже несколько лет проходит в Москве операция «Синица».

Когда этой осенью мы пришли к юннатам Москворецкого района, они готовились к операции «Синица-73». Вот что они рассказали:

— В прошлом году операцию провели за один день, а готовились всю осень. По школам и у нас в Доме пионеров делали кормушки, собирали корм — для синиц особенно подходят семечки подсолнуха.

Когда приехали в лес, мальчики взяли лестницы и стали вешать кормушки. Мы им помогали. Всего тогда привезли 320 килограммов корма и развесили 150 кормушек. Корм даже остался, и мы его отдали в лесничество.— *Лариса ГРЯЗНОВА, 5-й класс «Б», 525-я школа.*

— Кормушки у нас разные. Очень легко делать их из бумажных пакетов из-под молока. У нас этим занимались малыши-третьеклассники. Сверху, где пакет был разрезан, его зашивали или заклеивали, а сбоку прорезали круглое отверстие для птицы и засыпали туда корм. Подвешивали пакет на веревочке.

У меня дома за окном тоже была такая кормушка. Я подсыпала корм, и всю зиму прилетали две синички. Правда, бумажные кормушки очень уж легкие — ветер может их перевернуть. Поэтому лучше делать короткую веревочку. Деревянные кормушки прочнее — их делают с бортиками и с крышей, чтобы корм не замерзал и его не сдувало ветром...— *Элла БРАГИНСКАЯ. 5-й класс «Б», 525-я школа.*

САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ МЕСЯЦЫ

К. Н. БЛАГОСКЛОНОВ, почетный член Всероссийского общества охраны природы.

— Московские ребята — опытный народ, они работу начали заранее. Но и в декабре не поздно, можно еще помочь обитателям промерзших, заснеженных лесов. Сейчас наступает самый тяжелый момент в жизни птиц...

Узнайте, какие птицы зимуют в ваших краях,— в этом поможет учитель биологии. Лучший корм почти для любых птиц — конопля. Для синиц — арбузные семечки, подсолнечник. В сильные морозы хорошо развесить кусочки несоленого сала.

Помощь птицам сейчас — самое неотложное дело. Если каждый соберет немного корма и повесит хотя бы одну кормушку,— будет спасена жизнь сотням птиц, а они позаботятся о здоровье наших лесов и парков.

Фото М. ШТЕЙНБАХА.

О СВОИХ ДЕЛАХ РАССКАЗЫВАЮТ ДЕЛЕГАТЫ I ВСЕСОЮЗНОГО СЛЕТА ТИМУРОВЦЕВ ИЗ ЧУВАШИИ.

Наш штаб Тимура работает при республиканской пионерской газете «Пионер сасси» («Клич пионера»).

595 тимуровских отрядов и команд — 18 тысяч тимуровцев выполняют задания штаба, рапортуют штабу о своих делах.

Вот одно из заданий Чувашского республиканского штаба Тимура:

ПРОВЕСТИ ОПЕРАЦИЮ «ЛЕС»!

Каждому тимуровцу посадить не меньше пяти деревьев. Сажать деревья на склонах оврагов. Это спасет почву от эрозии. Саженцы обнести изгородью или обвязать. План действий согласовать со старшими пионервожатыми, председателями колхозов и сельсоветов.

А вот донесения тимуровских отрядов:

ПАРК НАЗВАЛИ «ТИМУРОВСКИМ»

Мы понимаем: надо спасать землю, чтобы можно было сеять пшеницу, выращивать овощи, сажать сады.

Как только получили задание штаба Тимура, стали доставать саженцы. Петя Алексеев десять принес, Таня Кудякова — пятнадцать, Нестор Коновалов — восемь, кто сколько смог; всего собрали двести сорок саженцев. Посадили их на склоне оврага рядом с нашей школой. Копать ямы для деревьев на склоне оврага очень неудобно: земля все время обваливается. Но теперь деревья укрепят землю своими корнями, и у колхоза будет свой парк. Наши колхозники захотели назвать его «Тимуровским».

Тимуровский отряд
деревни Байгулово,
Козловского района.

НАСТОЯЩИЙ ЛЕС!

Работали под руководством лесника Тимофея Ильича. Он показывал нам, как сажать деревья, чтобы они прижились, рассказал, как ухаживать за ними, чтобы все выросли, не погибли. Когда другие пионеры, которые в тимуровских командах не работают, узнали, зачем мы сажаем деревья, они тоже присоединились к нам. Все вместе мы посадили восемь тысяч деревьев. Тимофей Ильич сказал, что это настоящий лес!

Тимуровские отряды
деревни Трехизба-Шемурша,
Шемуршинского района.

СОРЕВНОВАНИЕ ПОМОГАЛО

Мы каждый год укрепляем овраги вокруг нашей деревни. Колхозный бригадир говорит нам, где сейчас важнее посадить деревья и как лучше за ними ухаживать. На этот раз, получив задание республиканского штаба Тимура, мы устроили соревнование между тимуровцами. Мы посадили три тысячи семьсот пятьдесят шесть деревьев.

Тимуровский отряд деревни
Кагаси,
Аликовского района.

ЧЕТЫРЕ ГОДА действует Чувашский республиканский штаб Тимура. За это время по заданию штаба тимуровские отряды Чувашии взяли шефство над всеми ветеранами войны и труда, которым нужна помощь. Привели в порядок клумбы и цветники вокруг обелисков и памятников. Подружились с малышами и октябрятами в своих школах и дворах, позаботились о том, чтобы им жилось интересно и весело. Собрали металлолом на колонну автобусов «Тимуровец Чувашии». Очистили родники и пруды. Починили все книги в школьных библиотеках. Заготовляли веточный корм для скота. Разыскали тимуровцев прошлых лет и записали их воспоминания. И... еще многое успели сделать.

А ГЛАВНОЕ: стало привычкой — в любую минуту спешить на помощь туда, где помощь необходима.

ШТАБ ПОЛУЧИЛ ПИСЬМО

В нашу школу ходят ребята из двух деревень. Ни в одной из них нет тимуровских отрядов. Просто некому взяться. Везде в республике работают тимуровцы, а мы что — хуже? Кто поможет нам организовать отряд?

Надя Алексеева,
дер. Чиришкасы, Марпосадский
район.

ШТАБ ОТВЕЧАЕТ НАДЕ И ВСЕМ, КТО ПОКА НЕ ЗНАЕТ, КАК ДЕЙСТВОВАТЬ.

Не ждать, что придет кто-то, кто все знает и умеет. Действовать самостоятельно, смело и весело. Начать с простого. Собрать ребят и всем вместе прочитать повесть А. П. Гайдара «Тимур и его команда». Поговорить, подумать, почему нравятся Тимур и ребята из его команды. Какая цель у них была? Почему все так хорошо и складно у них получалось? Как добивались они того, к чему стремились?

Потом самых надежных ребят послать в разведку: пусть внимательно посмотрят вокруг: где, кому, какая помощь нужна? Всем вместе обдумать, как лучше взяться за дело, кому что поручить.

Отряду хорошее имя нужно, и без песни не обойтись!

В остальном учитесь действовать по своему усмотрению!

НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ПИОНЕР САССИ» все тимуровцы Чувашии участвовали в диспуте «Каким должен быть настоящий тимуровец?».

ТЫ ТОЖЕ МОЖЕШЬ ПРИНЯТЬ В НЕМ УЧАСТИЕ, если пришлешь ответ на этот вопрос по адресу: Чувашская АССР, газета «ПИОНЕР САССИ», Чувашский республиканский штаб Тимура.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА • ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА •

МИРНЫЙ АТОМ

ЗДЕСЬ БЫЛО ДНО ОКЕАНА

Полуостров Мангышлак... Много миллионов лет назад здесь было дно древнего океана, а теперь все это пространство к востоку от Каспия занято скудными солончаковыми степями и пустынями.

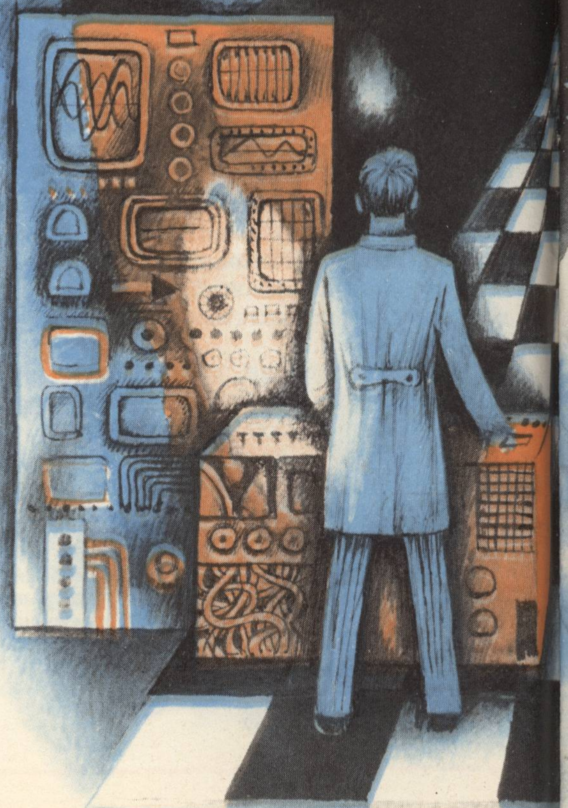
Жара устанавливается в этих местах в конце весны. На небе ни тучки. Земля раскаляется так, что босой ногой не ступишь. Из пустыни ветер несет зной. Иногда поднимается пыльная буря. Песок и пыль тогда темным облаком заслоняют солнце. Только в прибрежных районах чувствуется дыхание всегда холодного в этих местах Каспийского моря.

Летним днем полуостров кажется безжизненным. Лишь иногда вдали можно заметить

стадо сайгаков или вспугнуть зайца. К вечеру степь оживает. Из норок выползают полевые мыши, тушканчики, змеи. Под утро на пыльной земле и песке можно разглядеть множество следов. Но вот поднимается солнце, и даже черепахи, большие любительницы тепла, спешат зарыться в песок или спрятаться в камнях от палящих лучей. Одни верблюды уныло маячат вблизи селений, бесконечно пережевывая жесткие пыльные стебли.

Обделила природа Мангышлак и пресной водой. Морская для питья не годится, подземные воды тоже оказались сильно засолоненными. А на полуострове начиналась новая жизнь — здесь нашли богатейшие запасы полезных ископаемых...

КАК НАПОИТЬ ГОРОД?

И вот на краю пустыни, на самом берегу, вблизи мыса Актау, круто обрывающегося к Каспийскому морю, решили строить город. По имени великого украинского поэта, от-

НА МАНГЫШЛАКЕ

бывавшего когда-то ссылку в этих безжизненных местах, назвали его городом Шевченко.

Но прежде всего надо было решить главный вопрос: как быть с пресной водой? Предлагались разные варианты: проложить по дну Каспийского моря трехсоткилометровые трубопроводы — от устья Волги или Урала. Другой вариант: трубопровод в семьсот километров длиной — до места впадения Аму-Дарьи в Аральское море.

Но расчеты показали, что строительство и уход за трубопроводами обойдутся слишком дорого.

Оказалось, дешевле построить в городе опреснительные установки и теплоэлектроцентраль, которая давала бы пар для их работы и снабжала город электричеством.

Такие установки построили, и на пустынном прежде берегу Мангышлака возник современный город с многоэтажными домами,

И. ГОЛОВНИН,
кандидат технических наук,
лауреат Ленинской и Государственной премий

с огромным парком, с кинотеатрами, гостиницами и школами, окруженными зеленью деревьев.

И все это на краю пустыни! Ее соседство сказалось, конечно, на облике города. Город состоит из нескольких микрорайонов, в которых ряды более высоких домов расположены так, чтобы ветер не продувал жилой массив.

СТОИТ ЛИ ТОПИТЬ НЕФТЬЮ?

В котельных обычных ТЭЦ сжигают каменный уголь, мазут, торф.

На Мангышлаке есть и уголь, и нефть, и газ. Казалось бы, все обстоит благополучно. В чем же тогда вопрос?

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА

ского, а запасов его в земной коре при самых скромных подсчетах хватит на тысячелетия.

Когда топят углем или нефтью, тепло выделяется за счет химической реакции горения. При ядерном топливе — за счет деления тяжелых ядер урана на более легкие ядра-осколки. Осколочные ядра, замедляясь в веществе, разогревают его. А само деление ядер происходит под действием нейтронов — элементарных частиц вещества.

Были разработаны установки, где осуществляется регулируемая реакция деления.

Широки проспекты нового Мангышлака.

...Электростанции крупного города нужно сегодня несколько эшелонов топлива в сутки (в пересчете на уголь или мазут). Во всем мире таких электростанций уже сейчас огромное количество, и через каждые 10—15 лет число их будет удваиваться. Подсчитано, что запасов органического сырья человечеству хватит лишь на несколько сотен лет. Да и неэкономно сжигать в топках уголь, нефть и газ... Сколько ценного можно получать из них: бензин, керосин, органические растворители, краски, медикаменты, пластические материалы, синтетические ткани, резину, масла, лаки, смолы и многое другое. Когда-то русский ученый Менделеев говорил, что топить нефтью — все равно, что топить деньгами...

КАК РАБОТАЕТ АЭС

Еще в сороковых годах нашего века ученые предложили использовать для получения энергии ядерное урановое топливо. Оно в сотни тысяч раз эффективнее органиче-

Их назвали ядерными реакторами. Первая атомная электростанция с ядерным реактором вместо парового котла была пущена в 1954 году в Советском Союзе в городе Обнинске. Сейчас во всем мире работает много подобных электростанций.

В крупную атомную электростанцию топливо загружается раз в два-три года, а чтобы привезти его, нужно лишь несколько товарных вагонов. Вот почему атомные электростанции стали создавать не только в центральных областях нашей Родины, но и в отдаленных районах с суровым климатом. Сейчас заканчивается строительство АЭС на Кольском полуострове, готовится к пуску Билибинская АЭС на Чукотке.

НА МАНГЫШЛАКЕ АЭС ОСОБЕННАЯ

На полуострове Мангышлак было решено строить атомную электростанцию. Она должна была давать электроэнергию для города и пар для опреснительных установок.

16 июля 1973 года такая электростанция вступила в строй. Теперь городу не нужна временная котельная, работавшая на мазуте. С освоением атомной электростанции город Шевченко будет получать до 120 тысяч тонн более дешевой пресной воды в сутки.

Ядерный реактор, разработанный для Мангышлакской АЭС, особенный. Он не только вырабатывает тепло, но еще и воспроизводит ядерное горючее.

Как это происходит?

Природа оказалась не так уж щедра. В уране, который добывается из земных недр, делящихся ядер менее процента. Выходит, что почти весь добываемый уран мы просто не можем использовать? Так оно и было в первых вариантах ядерных реакторов.

Но вот ученые доказали, что при определенных условиях из отработанного ядерного топлива можно снова извлекать ядерное горючее и использовать его в реакторах.

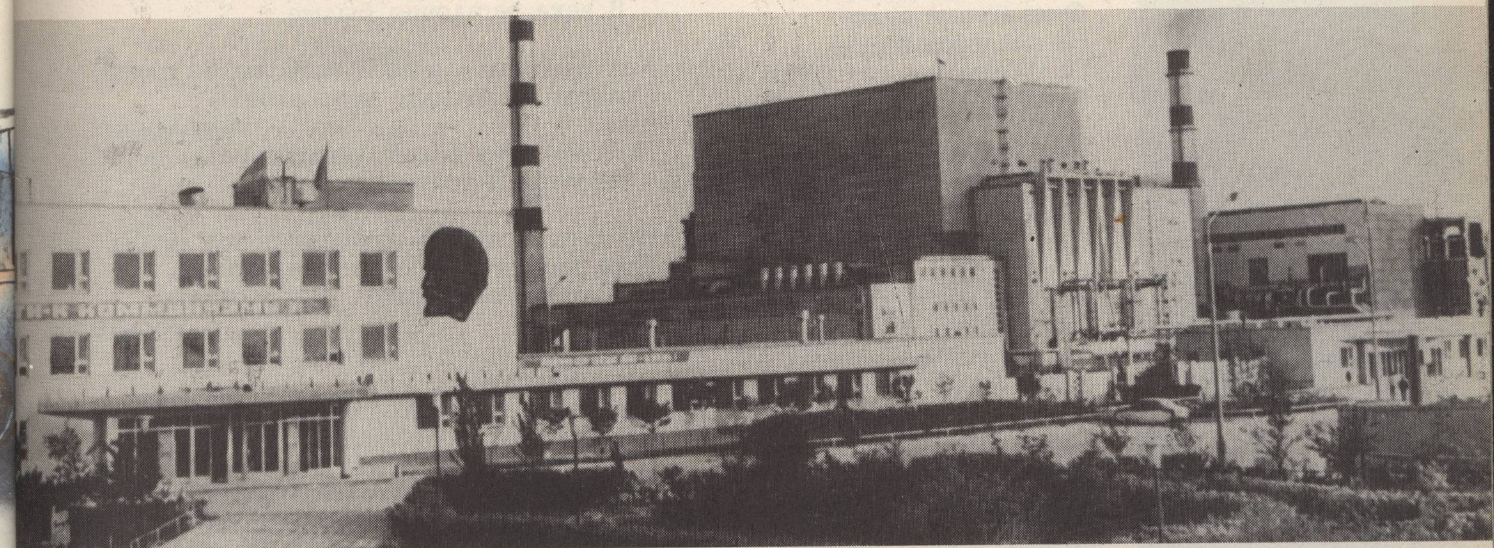
Как создать эти условия? Прежде всего надо повысить концентрацию делящихся ядер в топливе. В реакторе использовать только «быстрые» нейтроны, а для этого убрать все вещества, способные их замедлять. Затем надо повысить интенсивность реакции деления, то есть при тех же габаритах сделать реактор более мощным. Тогда ядра урана, не способные делиться, будут превращаться в плутоний в количествах больших, чем распадается уран. А плутоний, не встречающийся в природе,— прекрасное ядерное топливо. Его-то и можно снова пустить в дело.

Такие реакторы назвали реакторами на быстрых нейтронах.

Они позволят использовать, по существу, весь добываемый уран и, видимо, станут основой атомной энергетики.

В городе Шевченко пущен первый в мире промышленный реактор на быстрых нейтронах. Он имеет еще одну особенность. Для отвода от него тепла применяется не вода, как обычно, а расплавленный металлический натрий (температура плавления 93° С). Натрий циркулирует по замкнутым контурам между реактором, в котором подогревается, и парогенератором, где он, охлаждаясь, превращает воду в пар. Пар подается на опреснительные установки, на турбины электрогенераторов и в систему теплоцентрали.

Вот как много поразительного, нового рождается на наших глазах в городе Шевченко — самом молодом на полуострове Мангышлак...

Это атомная электростанция. Теперь городу не нужна временная котельная, работающая на мазуте.

Мангышлак строится, растет вширь и ввысь.

13 декабря 1973 года исполняется 100 лет со дня рождения Валерия БРЮСОВА.

Валерий БРЮСОВ

Творчество

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски
В звонко-звучной тишине
Вырастают, словно блестки,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1895

Кинжал

Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой
клинок...

М. Лермонтов.

Из ножен вырван он и блещет вам в
глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно мелочный, неправый,
некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть заслышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я — отзыв вам кричу, я — песенник
борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной
стали,
И снова я с людьми,—затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали.

1903

Каменщик

— Каменщик, каменщик, в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?
— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик, с верной лопатой.
Кто же в ней будет рыдать?
— Верно, не ты и не твой брат, богатый,
Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?
— Может быть, сын мой, такой же рабочий,
Тем наша доля полна.

— Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!
— Эй, берегись! под лесами не балуй...
Знаем все сами, молчи!

1901

Работа

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом,—
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета,—
Часы за упорным трудом!

Иди неуклонно за плугом,
Рассчитывай взмахи косы,
Клонись к лошадиным подпругам,
Доколь не заблещут над лугом
Алмазы вечерней росы!

На фабрике в шуме стозвонном
Машин, и колес, и ремней
Заполни, с лицом непреклонным,
Свой день, в череду миллионном
Рабочих, преемственных дней!

Иль согнут над белой страницей,—
Что сердце диктует, пиши;
Пусть небо зажжется денницей,—
Всю ночь выводи вереницей —
Заветные мысли души!

Посеянный хлеб разойдется
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польется;
Печатная мысль отзовется
Во глуби бессчетных умов.

Работай! Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастет.
Что станет с плодами — безвестно,
Но благостно, влагой небесной,
Труд всякий падет на народ.

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета,
Все счастье земли — за трудом!

1917

Ленин

Кто был он? — Вождь, земной
Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

Мир прежний сякнет, слаб и
тленен;
Мир новый — общий океан,—
Растет из бурь октябрьских:
Ленин
На рубеже, как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих—прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

1924

Николай ХАЛАТОВ

«...О ДРУГЕ С ДРУЖБОЙ ГОВОРЯ»

Кто бы мог подумать? Валерий Брюсов — сложный, загадочный поэт — вдруг придет к сегодняшним мальчишкам и на какое-то время станет властителем их чувств. Невероятно! Трудно поверить.

Но так, однако, бывает. Мировая литература знает удивительные истории.

Только для взрослых были когда-то написаны и сказки Пушкина, и сказки Андерсена, и «Робинзон Крузо» Дефо, и «Путешествия Гулливера» Свифта. И многие другие — столь же классические! — детские книги.

Попробуйте-ка удалить их из детского чтения. Не выйдет. И не пытайтесь даже...

Сам Брюсов считал, что он не для детей. Правда, он пробовал писать и для детей, но не очень удачно:

Любо василечки
Видеть вдоль межи,
Синенькие точки
В поле желтой ржи...

Никакой славы «василечки» Брюсову, конечно, не принесли. Мало того. Выступая на I съезде советских писателей в 1934 году, С. Я. Маршак с горечью сказал о злополучных «василечках»: «Кто узнает в этих стихах Брюсова?»

Нет, Брюсов пришел к юным читателям не с «василечками». А с очень сложными, трудными даже для взрослых стихами.

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине...

Так начинается «Творчество», известное стихотворение Валерия Брюсова. Стихотворение завораживает ритмом, повторением строк, причудливой таинственностью. Загадочные тени, похожие на фиолетовые руки, рождают в тишине странные, непонятные звуки. Все нереально, все загадочно.

А между тем всему есть объяснение. И самое простое. В доме Брюсовых комнатные пальмы (латании) отбрасывали на стены причудливые, фантастические тени. Казалось, привидения шевелят длинными своими пальцами... И луна раздваивалась на глазах мальчика. Одна, настоящая, была на улице, за темным окном. Другая, отраженная, появлялась в комнате, в зеркально блестящих изразцах кафельной печи («на эмалевой стене»). Потом эти строчки «Всходит месяц обнаженный при лазоревой луне» вызывали у некоторых читателей глупый хохот: как это месяц может взойти при луне...

Так приходили к поэту его первые стихи. Детская фантазия из игры теней и неуловимых звуков вызывала к жизни причудливо-реальные образы. Поэт уловил и воплотил в этом стихотворении то жутко-сладкое замирание сердца, без которого не обходится никакое детство.

Позже Брюсов признавался в «Автобиографии»: «От сказок, от всякой чертовщины меня усердно оберегали...» Как будто от сказок и «чертовщины» можно кого-то уберечь!

Брюсова оберегали, но не уберегли! В листьях комнатных пальм он видел пальцы привидений. Они проникали в сердце мальчика запретной сказочной «чертовщиной». Со сказочной «чертовщины», по существу, началось его творчество — сказки, легенды, мифы пронизали многие произведения поэта.

Даже говоря о себе самом, о своем поэтическом даре, Брюсов никак не мог обойтись без тайны, богов, нездешнего мира:

Мучительный дар даровали мне боги,
Поставив меня на таинственной грани...
Нездешнего мира мне слышатся звуки,
Шаги эвменид и пророчества ламий...

Эвмениды — в греческой мифологии богини мщения. Ламии — вампиры, высасывающие кровь у юношей.

В самые будничные, самые обычные картины городской жизни врываются у Брюсова страшные призраки. Вспомним строчки из поэмы «Конь блед» (1903—1904 годы):

Улица была — как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

И в этом яростном людском потоке появляется внезапно зловещий всадник:

Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть...

Потом всадник-призрак исчезает. И никто из толпы не может ответить, был ли призрак или ничего не было и в помине...

Конечно, сегодняшние читатели воспринимают стихи Брюсова иначе, чем их воспринимали семьдесят лет назад. Особенно — юные читатели.

Верят ли сегодняшние мальчишки в привидения? Разумеется, нет. И все-таки, затаив дыхание, слушают они таинственные, абсолютно неправдоподобные истории, как слушают сказки про добрых и злых волшебников. Давно уже доказано, что сказки не заслоняют реальный мир, а, напротив, помогают лучше познать его.

Стихи Брюсова оказались для многих ребят рядом со сказками, легендами, мифами.

Сам Брюсов очень любил древние мифы. Перелистывая книги поэта, постоянно видишь имена из древних мифологий. Чаще всего — из греческой. Возьмем наугад несколько названий: «Нить Ариадны» (1902), «Орфей и Эвридика» (1904), «Орфей и аргонавты» (1904), «Ахиллес у алтаря» (1905), «Дедал и Икар» (1908), «Ученик Орфея» (1918), «Шаги Афродиты» (1921 год).

Сегодняшним школьникам известны многие греческие мифы. Из учебника истории. Из книг-пересказов. Но чего-то в этих мифах явно не хватает. Чего именно? Волшебства поэзии! Ну, поехали аргонавты за золотым руном. Ну и что? А вот что:

Боги позволили, Арго достроен,
Отдан канат произволу зыбей.
Станешь ли ты между смелых, как воин,
Скал чарователь, Орфей?..

Слава Язону! Руно золотое
Жаждет вернуть он отчизне своей.
В день, когда вышли на подвиг герои,
Будь им сподвижник, Орфей!

Счастливы школьники, когда слышат на уроке истории такие стихи! Высокая романтика подвигов волнует сердца. Волшебные строки славят отчизну героев.

Мифы мифами, сказки сказками, но за всеми мифами и сказками у Брюсова восхищение Человеком, его мужеством, силой, упорством, безграничными возможностями.

Школьники находят в стихах Брюсова удивительные откровения. В стихотворении «Хвала человеку» (1906 год) они читают:

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!..
Верю, дерзкий! ты поставишь
Над землей ряды ветрил.
Ты по прихоти направишь
Бег в пространстве, меж светил.

Смотрите, как угадал поэт! «Бег в пространстве, меж светил» из фантастической мечты на наших глазах стал обыденной реальностью.

Да, Брюсов верил в Человека. Он знал, что нет таких препятствий, которых не осилил бы человеческий труд. Он сам был великим тружеником и не хотел преуменьшать свое место в поэзии. Он писал в стихотворении «Памятник»:

Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен.
Кричите, буйствуйте,— его вам не свалить!
Распад певучих слов в грядущем невозможен,—
Я есмь и вечно должен быть.

И станов всех бойцы, и люди разных вкусов,
В каморке бедняка, и во дворце царя,
Ликуя, назовут меня — Валерий Брюсов,
О друге с дружбой говоря.

Поэт мечтал не только о покорении Человеком пространств вселенной. Он мечтал о всемирной дружбе людей. Хотел, чтобы его творчество сближало бойцов всех станов — от каморок до дворцов.

А в жизни, чтобы вернуть беднякам царские дворцы, Валерий Брюсов вступил в Коммунистическую партию и после Великой Октябрьской социалистической революции стал работать в Народном комиссариате просвещения.

В его стихах появились новые темы. Таинственно-загадочные стихи все больше уступали место стихам ясным, торжественно победным...

К юным читателям пришел замечательный поэт. Мастер, труженик, романтик, сказочник, провидец, коммунист...

Ты помнишь, наверное, в шестом номере журнала «Пионер» мы объявили конкурс для участников экспедиции «Моя Родина — СССР» на лучший рассказ, стихотворение, фотографию, рисунок о своем путешествии.

И вот на этих страницах путешественники опытные и те, кто путешествует впервые, рассказывают о своих походах.

Эмблемой конкурса стал рисунок из туристской газеты пионеров школы № 28 г. Ашхабада.

Наш знаменитый Айхал

Если вы захотите узнать, где находится мой поселок Айхал, то не ищите его на старых картах: ему только двенадцать лет. Наш поселок знаменит тем, что здесь добывают алмазы.

Раньше за нашим поселком едва заметно текла небольшая речушка Соксоолох — «Мертвый ручей». Мелкая, совсем никчемная речка, даже рыба в ней не водилась. Но вот построили дамбу, и все изменилось: Соксоолох стал многоводным. Я сам часто сижу на берегу с удочкой, но главное — воду стали использовать для промывки алмазов. Природа у нас на первый взгляд не очень богата, но мы любим свой край и изучаем окрестности Айхала.

Андрей ХИЖНЯК, ЯАССР.

Платье из сухих стеблей

Мы побывали на Оршанском льнозаводе, познакомились с теми, кто там работает.

Когда мы увидели сухие стебли льна, то не верилось, что из них может получиться платье или костюм. Нам показали, как получают серое волокно, потом волокно отбеливают. Льняное полотно окрашивают в разные цвета и отправляют на швейные фабрики.

С завода мы поехали на поля, где выращивают лен. Нам показалось, что по полю бегут то голубые, то серебристые волны. Каждый цветок льна, словно кусочек неба, нежный, с белыми разводами, дунешь — облетит. Несколько цветков — букет, а поле льна — это вагон рубашек, платьев, кепок и всякой другой одежды.

Таня АВДЕЕНКО, г. Могилев.

Сладкий, сладкий сахар

Мы пришли на львовскую землю по маршруту экспедиции «Моя Родина — СССР». Наш трудовой десант работал на прополке сахарной свеклы в селении Добряны.

Теперь, когда мы будем пить азербайджанский чай с украинским сахаром, он, наверное, покажется нам особенно сладким.

Адым МЕХТИЕВА, г. Баку.

Рябина

Я не видела войны, я живу в мирное время, но то, что я узнала во время похода Боевой славы о советском разведчике Николае Кузнецове, я запомню на всю жизнь.

Кузнецов родился на Урале, сражался на земле Смоленщины и Украины. У его могилы я думала, как много успел сделать этот человек. На могиле растет рябина, ее привезли с родины разведчика. На ветках рябины повязаны десятки пионерских галстуков. Я тоже оставила здесь свой галстук.

Валя ДОЛГУШЕВА, г. Ленинград.

Искали редкие растения

Представьте себе: глубокая чаша и в ней — лазурная вода. Это — озеро Синевир. Маленький островок среди воды, словно зрачок огромного глаза. По берегам — стройные ели...

Мы пришли сюда не только полюбоваться озером. Мы искали здесь редкие растения, записывали на магнитофонную ленту голоса птиц, изучали подводный мир озера.

Лейла РОСНАДЗЕ, г. Тбилиси.

А потом будут говорить, что «выдохлись» в походе.

Однажды...

...Я пошла по тропинке к ручью и вдруг увидела норку. Раскопала ее и ахнула: там лежали грибы и ягоды брусники. К норе подполз ежик. Он грустно посмотрел на меня. Я поняла, что поступила плохо, и быстро поправила ежиков домик и набрала ежику много грибов и ягод.

Инна СТРАВИНСКАЯ, г. Уфа.

Поднимаясь в гору, каждый думал о своем.

На этой странице рисунки из походного дневника эстонских ребят

Этюд с натуры

В три часа утра на Волге начинается самый настоящий клев. Заберешься в тростник, закинешь удочку и ждешь...

Тяжелые ветви плакучих ив, ясени, как сторожевые башни, нежные изгибы синих черемух отражаются в воде. Ветер гонит по реке пенистые волны. Волге тесно, она готова вылиться из своих берегов и течь повсюду!

Света ФОМИНА, г. Москва.

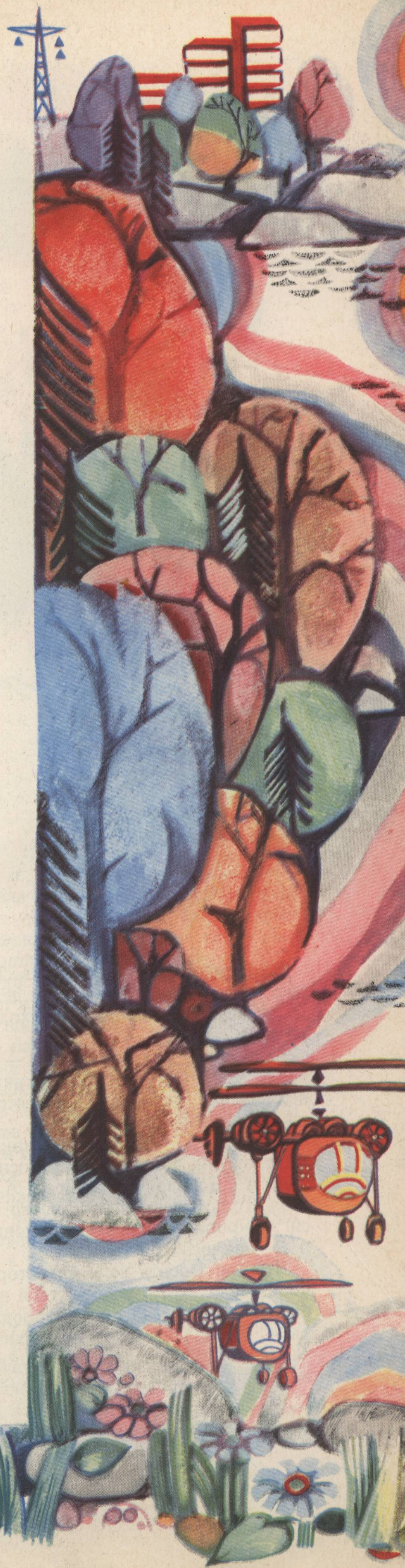
Находчивость — лучшее лекарство в пути.

Холодно смотрели звезды

Я тихо вышел из палатки. Луны не было, холодно смотрели звезды. Я сделал несколько шагов, и ноги мои подкосились... Раздался тихий хохот. В ужасе я обнаружил, что лагерь наш исчез. Вдали загорелся огонек и погас, прокричала ночная птица. Из кустов потихоньку стали выползать чудовища и подбираться ко мне. Я бросился бежать, ветки хлестали меня по лицу, в висках стучала кровь. Собрал последние силы и... проснулся.

По крыше палатки барабанил дождь. Начиналось утро. Я выглянул из палатки и увидел... чудовищ: забытые кеды стояли в луже, распустив шнурки.

Саша ШИЛИН,
Назийская средняя школа № 7,
Ленинградская обл.

От весны

Татьяна ПОЛИКАРПОВА

Рисунки П. БАГИНА.

Как носят воду

Да, изменилась наша жизнь. Теперь все дела, растянутые раньше на целый день (крапива, вода, трава для коровы), приходилось делать в кучке.

— Ах ты, моя работница! — встречала меня после «веников» бабуся и прижимала к себе, похлопывая по спине. — Настоящая хозяюшка — с работы и на работу.

— Дашут, — сказала мне как-то раз мама, — тебе сегодня придется воду носить для огорода, пока я с коровой управлюсь. А потом я сменю тебя. Только возьми коромысло, на руках не носи! — крикнула она мне вдогонку.

Я уже бежала.

Что вы! Носить воду для огорода, да еще на коромысле, — это значит, тебя признают совсем большой. Вода далеко от огорода — «за две горы». Надо подняться из оврага, где ключ, — там же и колодец для «грязной» воды, той, что не на питье, а на полив и для скота, — а потом еще через овраг, за которым огороды. Это тот самый овраг, где мы весной кубарем по снегу катались.

У нас воду на огороды носят дружно — все женщины и старшие девочки. Шурка уже второе лето носит вместе с матерью, а мне еще не разрешали. Правда, коромысло для меня не новость. Я уже ходила по воду с коромыслом, но очень у меня плескались ведра, мотаясь и качаясь на крючках, и я старалась таскать ведра на руках.

— Ты гляди, как я! — кричит мне Шурка и мелко-мелко перебирает босыми ногами. Вода в ее ведрах стоит, как припаянная.

В гору я еще ничего. Но через второй овраг, через глубокое его место переброшена мостиком толстая доска, она пружинит; вообще-то это понятно, но сейчас вода в моих ведрах просто разбушевалась. Я донесла до грядок едва побольше половины ведер. Во второй заход я пристроилась за тетки Анны дочерью, Олей. Оля

Начало в № 9.

ПОВЕСТЬ

Окончание

До осени

красивая. Подтянутая, высокая, не похожая на других совхозных девушек — они все как на подбор толстые и поэтому кажутся мне неуклюжими. Тонкая Олина фигура плавно покачивается, но, странное дело, вода не шелохнется в ее ведрах! Не могла я разгадать Олиного секрета: когда я начала раскачиваться, как она, ведра чуть коромысло с меня не сорвали, а в третий заход пришлось мне идти за Шуркиной мамой. И вот она-то и выдала мне тайну коромысла! Шурина мать высокая, идя за ней, невольно глядела я на ее поясницу. И вот что заметила: как шагнет она правой ногой, обширная ее юбка плавно качнется влево, как шагнет левой — плывет юбка вправо. А ведерочки в полном покое! «Ага, — думаю, — а Оля?»

В следующий заход пристроилась я за Ольгой опять. И точно! Гибкая Ольгина талия, узкая спина в стройном согласном движении, так что в общем-то и незаметно, как здорово бросает она свой зад вправо-влево, в такт шагам.

Попробовала и я. Когда наладишься — ничего, но только отвлечешься, снова неувертливая спина принимает толчки шагов, раскачивает плечи, и размахиваются ведра, того и гляди свалят с ног. Постоишь, успокоишь воду и пойдешь, строго следя: шаг правой — хвост влево, шаг левой — хвост вправо. Шурка за мной идет и хохочет. Воду носить — не то что веники резать. Скоро ноги начинают дрожать, между лопатками ломит, на плечах косточкам больно от коромысла. Самый приятный момент — когда на огороде возле мокрой бочки, присев, поставишь ведра наземь и вылезешь из-под коромысла. Тут уж бабуся спешит на помощь: она берет ведро, я — другое, и дружно опрокидываем мы их в бочку. И меня обдает выметывающийся из бочки холодный, влажный воздух с привкусом размокшего дерева, плесени и немного огуречного рассола, — в этой бочке, видать, огурцы раньше солили.

Когда бежишь с пустыми ведрами, чувствуешь себя такой легкой, а ноги такими сильными, что кажется, оттолкнись от земли посильнее — и перемахнешь овраг с берега на берег. В два летящих прыжка — доска меня так и подкинула — миновала я весь овраг, только ведра победно дзенькнули, как тарелки в оркестре, —

хорошие, легкие, звонкие ведерочки! Ээ! А навстречу — мама!

— Дашутка! Ах ты, моя радость, веселенькая! — Мама руки раскинула и поймала меня в охапку. — Думаю, что это там гремит-звенит, а это моя лягушонка в коробчонке скачет! А ну, давай мне ведра. Устала, хоть и скачешь.

Я для форсу поупрямилась, а сама была рада изо всех сил: очень косточки болят на плечах от коромысла.

Что бы ты стал делать?

Я хотела пойти домой, но не знала, что мне там сейчас делать, и остановилась подумать. Огляделась. И пошла в ту сторону, откуда с неба лился теплый свет. Солнце то ли село совсем, то ли за лесом притаилось, но розовый рассеянный свет еще не ушел с неба, и мягкие серебристые листья глухой крапивы, покрывавшей склон оврага, отсвечивали розовым.

Я шла себе первый раз за день совсем праздная и, подумав об этом, даже удивилась, что думаю просто так, ни о чем. Что слушаю не то, как плечи ноют, а как где-то далеко катится телега или, может, тарантас, как еще звякают ведра на близком огороде и слышны голоса, а по совхозу мальчишки кричат. Все это здесь слышно, и все равно как будто совсем-совсем тихо. Замерло все. Может, это от глухой крапивы? Потому ее и назвали глухой. А еще есть куриная слепота. Говорят, если ее съешь, ослепнешь. Но кому же охота есть ее? Цветок у нее хоть и очень изящно висит, изогнув лебедем тонкий стебель, но какой-то все же неприятный: желтый цвет его лепестков нечист, а сердцевина раздутая, словно опухоль, коробочка. Кто ж его будет есть!

Я вышла к своему «Артеку», но в нем уже лежали тени вечера. И я пошла дальше, к меже, где у нас с Шуркой и Аськой было птичье кладбище. Под кустом ракитника, круглым, словно нарочно подстриженным, где мы закапывали погибших птичек, когда их находили, я и уселась лицом к розовому небу. И услышала, что грохот телеги, который я слышала издали, совсем рядом, уже слышны и мягкие удары копыт. Я тихонько выглянула. Ба! Это папина Пчелка! Сердце у меня забилось: сейчас я тихо, как разведчик, прицеплюсь сзади, а потом ка-ак напугаю папу!

Вот тарантас — точно, в нем папа и Николай Михайлович, агроном, — миновал межу, и я, как тигр, мягкими прыжками нагнала их и вскочила на запятки. Хорошо, что тарантас не рессорный, не директорский — там за корзиной, где сидят, просто стальная перекладина, а по бокам рессоры; невзначай попадешь пальцем под пружинящую пластину — оторвет.

А тут удобная и просторная площадка, сядешь и ножки свесишь, колеса гремят, копыта стучат, плетеная корзинка поскрипывает, седоки разговаривают, ничего не слышат! А я еду! И только я приготовилась закричать страшным голосом, как Николай Михайлович сказал такое, что я аж язык прикусила.

— Слышь, Сергей Григорьевич, — сказал он, — а что бы ты стал делать, если б вот сейчас из ложка нам навстречу вышли фашистские танки? Понимаешь, какое положение? Ты как на столе, — ни тебе куста, а на тебя — танки!

«Вот это да!» — подумала я и выглянула сбоку, посмотрела кругом и вперед: там слева и уже сзади «Артек», справа поле, межа давно позади, а на всей этой меже один мой малый куст, а впереди — танки! Ах, как я ждала, чтобы папа спас нас! Что он скажет! Должен же он знать, что делать!

А папа не спешил. Помолчав, он заговорил:

— Ну что же, Николай Михайлович, какое-нибудь оружьишко есть у нас? Какие твои условия?

— Хм, — говорит Николай Михайлович, — если б они и впрямь были мои... Ну, личное оружие, винтовка, скажем...

— Стрелять надо... Остается в твоем примере одно — стрелять...

— Ну, а если вот сию минуту — вот мы, а вот они, танки?

Этого я уж не могла выдержать.

— Это нечестно! — заорала я, вскочив на ноги и обняв папу за шею, и почувствовала, как оба, и папа и Николай Михайлович, вздрогнули, а папа весь напрягся. Но я продолжала: — Это нечестно, папа, — там танки, а вы без оружия... И потом здесь танков не бывает!

Они уже смеялись, обернувшись ко мне.

— Вон откуда на нас напали — с тылу, — говорит Николай Михайлович, — а мы навстречу ждем.

А я все думала, как же воду носить, чтоб не плескалась.

И вдруг вижу: это папа едет!

— Ты откуда взялась?! Никого же не было на дороге! — удивляется папа.

— Я из-под кусточка!

— Ну, перелезай к нам.

— Нет, я уж здесь доеду, здесь хорошо.

Они еще немного поглядывались на меня, улыбаясь и покачивая головами, и опять заговорили, но, хоть все слова были вроде русские, смысл от меня ускользал. Я только поняла, что разговор продолжается о том же: что делать, когда вот такая внезапная беда.

— «Неконт... неконтролируемый импульс», — слышала я, — «ситуация», «реакция», — и скоро перестала вслушиваться.

Мы подъезжали к совхозу. И все пространство наших волнистых, сейчас темнеющих полей убегало вдаль от меня, подымаясь плавно и незаметно к горизонту, будто огромная теплая, чуть-чуть согнутая в горстку ладонь. И мы с нашей Пчелкой, и тарантасом, и совхозом были на самой ее середке. А сверху нас заботливо прикрывала другая ладошка — небо, и было так надежно меж двух этих добрых ладоней. И как это может быть, думала я, что они разомкнутся и пропустят сюда к нам чужие, железные танки? Я думала, что это невозможно.

Когда я засыпала вечером на своей терраске (там с первого тепла до первых морозов стояла моя кровать), мне мешали, толкаясь и тревожа, непонятные слова из сегодняшнего разговора в тарантасе: «импульс»... «неконтр»... «неконтр», «неконтр», «не-ко-нтро-ли-ру-е-мый импульс»... И когда ко мне подошел папа — проверить, сплю ли, я изменила правилу, которому научили меня индейцы Фенимора Купера: «Поменьше спрашивай — побольше знай», — и спросила, не открывая глаз, почувствовав, что папа смотрит на меня:

— Пап, не-контр... — ну, этот — импульс — это что? — Мне почему-то было стыдно говорить вслух слово, которое я не понимала.

— А-а, ты вон о чем! А я смотрю, у тебя глазки не спят, лежит Дашутка и жмурится... Так импульс... От того, как человек воспитан, что у него за душой, что он ценит дороже всего — от многих разных причин, в очень трудных случаях (папа помолчал чуть), может, даже под угрозой смерти, он поступает, кажется, и не думая и не рассуждая, как ему поступить. Поступает, и все тут! Вот это побуждение, заставляющее человека поступать так, а не иначе, вот это и называется «импульс». Потом уже будешь обдумывать, взвешивать, жалеть, почему поступил так, а не по-другому, или оправдывать себя, — это тоже легко потом... бывает легко, — поправил папа себя, — некоторым людям, но поступок совершен, он живет и говорит о человеке...

Да вот твоя Таня с волком! — воскликнул папа обрадованно. — Ты же сама рассказывала: она пошла против волка. Маленькая девочка. Вот тебе и импульс!

— Очень хорошее слово! — сказала я. — Значит, и против танков можно найти импульс.

Это я так хотела пошутить новым словом, которого больше не стыдилась. Но папа не засмеялся.

— Лучше, — сказал он, — против танков хорошие пушки... Ну, спи спокойно! Есть у нас пушки и все другое.

Папа погладил меня по голове, бережно, чуть касаясь волос. Я вздохнула и будто вдохнула в себя сон: больше ничего не видела и не слышала.

До утра.

„Ты садись на танк!"

Я не знала, что у папы в кармане пиджака уже лежала повестка. Утром мы его провожали.

У нас никто не плакал. Мама с бабусей укладывали рюкзак для папы, все старались побольше теплых носков положить. А папа говорил,

чтоб не больше двух пар. Сам он сидел у стола, держал Толика на коленях. И Толик его спрашивал:

— Ты будешь стрелять? — И не слушал, что говорит ему папа, отвечал за него: — Буду!.. Немцев? — И отвечал: — Немцев! — И еще спросил: — Ты сядешь на танк? — И сказал:

— Ты садись прямо на танк! И так воюй!

Потом ему, видно, показалось, что на руках у папы ему неудобно разговаривать про войну. Он слез с папиных колен, пыхтя, притащил стул, поставил его против папы, залез на стул и, взмахнув толстенькой короткой ручкой, как Наполеон, еще раз сказал:

— Ты садись прямо на танк и так воюй! И танк побежит быстро-быстро, и ты убьешь войну!

Толик любил залезать на стул и отсюда рассказывать стихи или просто говорить речи. Это их в детском саду на разных утренниках приучили: они маленькие, так их, чтоб все видели, ставили на такой ящик. Вот Толик и сейчас, видно, почувствовал, что все ждут от него стихов. А, наверное, ему хотелось боевых стихов, про танки, про войну и самолеты. Но таких тогда еще не было. Не рассказывать же: «Муха-муха Цокотуха»... И вот наш Толик вдруг сам сочинил стихи. Он потоптался, потоптался и сказал гордым голосом:

— И вот прилетел самолет! — Еще потоптался и опять сказал, очень радостно:

— И вот прибежал собачонок!

Совсем обрадовался и протянул ручки к папе:

— Папа! И вот прибежал собачонок!

И вот прилетел самолет!
И вот собачонок красный!
И вот собачонок зеленый!
И вот собачонок синий!

И вот собаче... собаче... — забормотал Толик, забормотал и умолк, будто у патефона кончился завод и пластинка медленно остановилась.

И папа так сильно засмеялся и подхватил Толика на руки, подкинул его вверх:

— Ах ты, мой дорогой! Конечно же, прибегут все собачонки, и я сяду на танк, и прилетят самолеты, и война кончится! И Толик будет вот какой большой!

И еще раз высоко поднял Толика над головой. А мне стало завидно, и, наверно, от этой зависти захотелось плакать. И чтоб не заплакать, я ткнулась головой папе в живот и обняла его. И в это время с улицы закричали:

— Сергей Григорьевич! Готовы?

И папа подошел прямо с Толиком к окну и закивал головой, мол, сейчас...

Тут мне расхотелось плакать, и я держалась до тех пор, пока все они — папа и еще трое незнакомых мне дядек — не стали усаживаться на телегу (грузовиков больше не осталось, наверное), чтоб ехать на станцию, на железную дорогу.

Я изо всех сил вспоминала Зульфию, как она строго разговаривала со своей мамой, но слезы сами собой бежали по щекам.

— Папа, я не плачу и ни за что не буду плакать, — твердила я, — это не считается, — говорила я, тряся головой, чтоб смахнуть слезы, — потому что это только глаза, а не я сама.

— Конечно! Я же знаю, ты мужественная девочка, — улыбался папа. — Ну, — он приподнял мою голову обеими руками, — держись! Береги маму, помогай. Ты старшая ведь у нас...

А вот наша мама совсем не плакала. Ведь она теперь оставалась главным зоотехником всего совхоза. Вместо папы. Ей никак нельзя было плакать.

Телега долго еще гремела, и пыль долго не садилась — ветра не было — по дороге к моему лесу, по дороге на войну. И я думала, что вчерашний день, когда по этой же самой дороге мы ехали домой и Николай Михайлович говорил с папой про танки, мне, наверное, приснился. Не может быть, чтобы так быстро все менялось на одной дороге. Или может?

Тихо-тихо кругом — папа уезжает на войну.

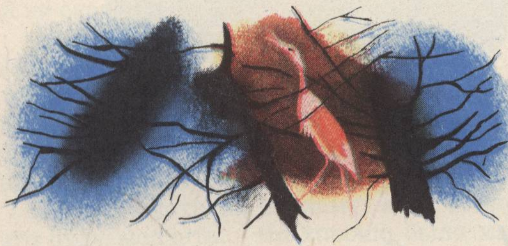

Отец воевать ушел,
В сады, за старый вокзал,
Он дедушкино ружье
И шашку с собою взял...
Уехало много их
На красном грузовике.
И зарево впереди
Пылало невдалеке...

Я твердила эти старые стихи потому, что было мне плохо, так, будто я потерялась и осталась одна.

Эти стихи мне помогали — слова в них были хоть и печальные, но крепкие. И так уже было, и не у меня одной... Отец воевать ушел... Толик не знал этих стихов про Испанию.

А то мог бы сегодня их рассказать. «В сады, за старый вокзал»... Нет, просто на далекую станцию Кукмор, и оттуда еще поедет по железной дороге, потому что война далеко от нас. Не слышно выстрелов, не видно зарева. Только тетка Анна может принести бумажку, которая называется «похоронка». Такую бумагу она принесла уже в семью Вазыха: Равиля, его брата, убили. Но об этом я запрещаю себе думать. Это вон Митя-дурачок не понимает. Ходит и твердит свое: «Мишка — куркам», — а Мишка на войне давно. Митя же ничего не понимает, вдруг это Мишке повредит? А у Вазыха убили брата Равиля. И никто не знает, как его убили. А тетка Анна говорит, что, может, его еще и не убили. Просто по ошибке могли написать. Там ведь очень много сражается людей. Может, перепутали гимнастерки, когда утром в спешке собирались в бой... А в гимнастерках в кармашках — документы. Из одного нашего совхоза вон сколько ушло народу. Вечером у клуба одни пацаны толкутся. Наш Вазых, да Колька Зайкин, да вроде них, кто ходит учиться в семилетнюю школу в Пеньки... «Ой! — вдруг вспомнила я. — Завтра же первое сентября! Завтра в школу!» И я побежала домой, от одной этой мысли вдруг снова почувствовав себя и уверенно и обычно. Будто только немного подержали меня в какой-то пустоте, где одиноко и нет опоры, и снова поставили на землю обеими ногами.

Беда

Я не знала, что как раз завтра, первого сентября, случится беда. Такая беда, что закроет от меня белый свет, заставит биться с ней один на один, без помощи и надежды на подмогу.

Когда утром мама провожала меня в школу — все равно ей было по дороге к конторе, — нам навстречу вышла тетка Анна и отдала маме письмо.

— От Дуси! — радостно воскликнула мама, глянув на адрес. И на ходу распечатала конверт.

Я знала, почему она обрадовалась. От дяди Вани, маминого брата, не было писем с фронта уже больше месяца. Наверное, письма три от него получили с тех пор, как он ушел на войну, и все. «Как обрезало», — говорила бабуся печально.

И вот теперь что-то сообщает тетя Дуся, его жена!

Я бежала рядом с мамой, чуть не вывернув шею, — так старательно глядела ей в лицо, чтоб догадаться, о чем письмо.

И, увидев, как мама вдруг закрыла глаза и остановилась, сразу поняла, что о плохом. А мама вдруг как-то воровато огляделась, оглянулась на наш дом, будто убеждаясь, не следят ли за нами, и, взяв меня за плечо, шагнула за угол дома, мимо которого мы шли, и прислонилась, словно без сил, к стене.

— Дашенька, — зашептала она, склонившись ко мне. — Дай мне слово, что ни за что, никогда ты не проговоришься об этом бабусе.

Она смотрела на меня гневными глазами, без слез. Она смотрела на меня, будто заколдовывая меня взглядом. Я даже не могла мигнуть и так же неподвижно смотрела ей в глаза. Было мне страшно — и оттого, что нет больше дяди, и оттого, что я и сама понимала: узнает об этом бабуся — может и она умереть. Очень больное было у нее сердце. И страшно было за себя: вдруг нечаянно проговорюсь? Писем не было от дяди Вани так давно, что бабушка могла догадаться по какой-нибудь мелочи.

Но мама смотрела так, что я почувствовала: нет, не проговорюсь! Ни за что! И сказала маме:

— Ни за что! Никогда!

И тогда мама заплакала. И сказала: «Хорошо, что Сережу вчера увезли. Хоть мне можно плакать над Ванечкой... Не подозрительно будет ей...»

С этого утра бабуся вдруг выросла в моих глазах и заняла собою все. О чем бы я ни думала, что бы ни делала, она была видна мне. А ведь я всегда ее любила и очень жалела. Все домашние дела мы делаем с ней вместе, потому она была мне даже ближе мамы. Понятней, будто подружка. И все-таки она была мне, как все люди. А теперь стала, как книжные главные герои: вдруг гораздо выше и больше всех. Это я однажды нечаянно открыла, что о главных героях думаю, как о великанах. Читала «Принца и нищего». Ту сцену, когда Том Кэнт первый раз в одежде принца едет по улицам Лондона. И его узнает его бедная мать. И, прорвавшись сквозь охрану, она подбегает к лошади Тома, и обнимает его ногу, и целует его. Я поразилась: «Как же она могла достать до ноги Тома?» И тут только поняла, что думаю о Томе и о

«Пик-пильдык... Пик-пильдык...» — кричал перепел нам вдогонку.

принце как о каких-нибудь Гаргантюа, великанах, чьи одни башмаки выше обычного человека. А ведь Том — обыкновенный сын этой обыкновенной женщины!

Сейчас такой великаншей стала в моих мыслях бабуся. И я удивлялась, какая она хрупкая и невысокая, всякий раз, как смотрела на нее теперь.

Если б не ее больное сердце! Такое чуткое, что чувствовало даже еле заметный уклон дороги. «В горку идем», — тяжело дыша, говорила она и останавливалась передохнуть. А я удивлялась: никакой горки и в помине не было.

Но весной талая вода обнаруживала «горку»: она текла в ту сторону, куда бабусе идти было легче.

С горки ей хорошо было ходить, поэтому и мне весело. Хоть я привыкла к ее болезни, но всякий раз, когда она задыхалась на самых чуточных подъемах, мне было очень ее жалко.

Да разве можно говорить ей о гибели дяди Вани!

И в этот день на уроках я сидела, как пришибленная, хотя никто этого не заметил. Если бы мы не встречались почти все лето «на вениках», может, и заметили бы, а так все привыкли уже друг к другу, и было обычно, что мы сидим первого сентября совсем спокойно и не болтаем, «как сороки над падалью», — так любила говорить наша учительница.

Бабуся всегда была где-то рядом со мной, и как-то отдельно я про нее не думала. И все, что она ни делала, было обычным. Теперь я видела ее хоть и рядом, но отдельно от себя: ведь она могла умереть, а я остаться. И показалась она мне совсем необычной! Ни на кого не похожей! Она на себя-то не всегда походила. Разной бывала дома и в лесу или в поле. Дома она и прикрикивала на меня, если я где-то мешкала или делала не так. В хорошем настроении становилась озорной. Мы, когда сидели за столом, так и смотрели ей в рот, ждали, когда она что-нибудь такое скажет, чтобы тут же прыснуть. У нее всякие поговорки были, присловья смешные.

Но когда шли в лес, она уж ничего смешного не говорила, а становилась такая вся восхищенная, тихо всему радовалась.

— Ах, красота-то какая! — приговаривала она. — Так вот легла бы тут и померла. — И тут же говорила: — Жить-то как хорошо на белом свете! Господи!

Ни на кого из нашей семьи она не походила. Темная была: глаза карие, а волосы черные, с сединой.

Мама очень хотела, чтобы кто-то из нас родился в бабусю. Но все получались светлые, сероглазые. Только один человек походил на нее — как раз дядя Ваня, ее младший сын. Вот у него были карие глаза. Да, большие — больше бабушкиных! И толстые, добрые губы.

И даже такой же веселый и озорной был, как бабушка!

В это лето по дороге в лес мы чаще всего и разговаривали про дядю. Особенно с тех пор, как началась эта проклятая война и дядя с первых же дней ушел на фронт.

Закричит перепел во ржи, и бабушка его передразнивает:

— Пик-пильдык! Пик-пильдык! Помнишь, — скажет, — Даня, как Ванятка по-перепелиному кричал?

А я смеялась, потому что сразу представляла, как дядя вытаращивал глаза и быстро проговаривал «пик-пильдык».

И я тоже говорила бабусе:

— А знаешь, как он нас в лесу пугал?! Из-за кустов ка-ак заверещит по-страшному! А потом говорил, что это зайцы так кричат! А мы думали — волк!

И мы с ней смеялись. Потом вспоминали, как мы с дядей Ваней набрали двенадцать стаканов земляники и все на одной маленькой полянке. Он целый месяц прошлым летом гостил у нас со своими дочками, моими двоюродными сестрами.

И так мы с ней прекрасно разговаривали, что дорогу до леса будто и не замечали.

Чья война страшнее

Как раз там, где дорога входила в лес, были самые наши с ней грибные места. Совсем небольшие пятачки вправо и влево от дороги и возле самого края леса, почти по опушке. И вообще-то было много грибов в нашем лесу, но этим первым военным летом грибы будто соревновались, так и лезли наперегонки: и вол-

нушки, и белые, и грузди всяких сортов — сухие и мокрые.

А разноцветные сыроежки мы и не брали... Подосиновики — только самые молодые, у которых красная шляпка не отошла от ножки, а сидит на ней крепко, как колпачок.

— Это к войне грибы идут, — вздыхала бабушка. И, прислонясь к какой-нибудь осине, задумывалась.

А я в такие ее минуты садилась где-нибудь и ждала, пока бабуся кончит думать. Я старалась что-нибудь пристально рассматривать, чтоб не думать про войну.

Вокруг меня бесшумно жил маленький, самый маленький лесной мир — лесная земля. Стебли травы и редких цветов прошивали насквозь бурые палые листья. Молодые ростки приподнимали те из них, что не поддались их нежным остриям; глянцевитые блюдечки копытника держали по росинке, а кое-где новыми заплатками по старому покрову светился первый нынешний лист паданец — желтые зазубренные сердечки, слетевшие с березовых ветвей.

Красно-коричневые каленые муравьи хозяйничали здесь. Они неистово суетились, бестолково карабкаясь по вздыбленному травой павшему листу, переваливая, как через горную вершину, через сухие катыши заячьего помета. А ведь им ничего не стоило обойти сторонкой все эти преграды. Но муравьи шли на штурм, как солдаты. Так я все равно возвращалась к войне. Я невольно взглядывала на бабушку, но она уже вздыхала порывисто (мама говорила, так все сердечники вздыхают — в два приема) и окликала меня.

Я не хотела думать про войну при бабушке, чтобы к ней не перешли мои думы.

«Моя» война была страшнее бабушкиной.

У меня летели самолеты, падали бомбы, а под бомбами среди черных взрывов бежали бойцы и кричали (но крика я никогда не слышала — это было как немое кино).

А бабушка мне говорила, что войну она представляет так: среди чистого поля на жаре под солнцем лежит красноармеец, он ранен, и ему хочется пить. Но некому дать ему воды.

Какая-то очень тихая война была у бабуси. Я ей сказала про это. А она и говорит:

— Зато уж у тебя очень страшно, — и вздохнула.

Поэтому я с тех пор при бабусе о войне даже думать не хотела. Нельзя было расстраивать ее, у нее от этого сердце изнашивалось... А теперь вот не то что просто война, а дядя Ваня...

Когда я смотрела на маму, я не сомневалась, что буду молчать... Но хорошо было маме! Она весь день не видит бабуси. А я весь день с ней. Особенно в выходной, когда мама оставалась по хозяйству, а мы с бабусей шли в лес. И ведь по-прежнему разговаривали о дяде Ване! О живом...

«Пик-пильдык... Пик-пильдык...» — кричал перепел нам вдогонку.

Солнце светило. Цветы росли. Лес шумел впереди. Плыли облака, и ветер раздувал наши волосы. Мы шагали, и пыль, мягкая, бархатистая, чуть веяла над нашими следами. Все кругом жило. А я хранила тайну. Дяди-Ванина смерть пряталась во мне и все время шла рядом с бабушкой. Бабушка обнимала меня за плечи, заглядывала мне в лицо, разговаривала со мной. И мой язык выговаривал разные слова и мог выговорить слова про ТО.

И я иногда вздрагивала от бабушкиных прикосновений и старалась как-нибудь не смотреть ей в лицо: вдруг она увидит то, что прячется во мне.

Но язык мой был хороший, послушный язык, он болтал обо всем и не проговаривался.

И было только одно страшно: если бабушка спросит прямо:

— А что вы знаете про моего Ванечку? Не убит ли он?

Но она никогда не спрашивала так и никогда не говорила: «Может, убит», «Может, погиб», — когда удивлялась долгому молчанию дяди Вани. Не говорила она слов о смерти.

«Как это она? — думала я даже с какой-то досадой. — Писем нет уже третий месяц, а она даже не думает, что, значит, может, он погиб?.. Ведь война...»

Я прислушивалась, как она ходит там за кустами, напевая про свое сердце:

Ой ты сердце, сердце девичье,
Не видать мне с тобой покою.

Раньше я так и понимала, что покою сердцу нет от его болезней, а теперь мне стало казаться, что бабушка все знает и только притворяется, чтоб ей не надо было плакать и убиваться, чтобы не повредить своему сердцу.

Солнце светило. Цветы росли.
Лес шумел впереди.

Это было так страшно, как бывает только во сне, когда не можешь ни бежать, ни кричать. Лес покачивался кругом, как заколдованный, то ли друг, то ли враг, а там близко ходило чудовище, а я была совсем одна. И одно спасение было — закричать, чтоб проснуться. И я кричала, опасаясь, и бежала навстречу чудовищу, чтоб скорей, скорей все кончилось.

— Ба-бу-ся-а!!!

Но стоило кустам и веткам открыть передо мной милое, встревоженное ее лицо, с приоткрытым от легкой одышки ртом, как кошмар кончался.

И стыда даже не оставалось за гнусные мысли, такое было счастье уйти от страха. Я утыкалась лицом в бабушкин живот, терлась об ее руки и бормотала:

— Это я так! Чего-то напугалась! Просто я соскучилась! Ты ушла куда-то.

Она меня крепко обнимала и смеялась.

— Ну и дурочка! Ты же не трусиха!

А мне было хорошо.

Мне теперь надо было на солнышко, на ветер из зеленого света лесных сумерек, мне хотелось видеть ясную даль поля, чтоб глаза отдохнули от путаницы ветвей, и я вела бабушку на опушку.

Мы садились там перебрать грибы или просто так. Я тесно прижималась к ней.

Дни стояли золотистые от стерни уже убранной ржи, от нестерпимо жаркого солнца, ярко-желтого цвета сурепки, зацветшей второй раз по отаве. Опушка уже пестрела оранжевыми пятнами рябины.

Мы с бабушкой смотрели на все это, и спокойно становилось, тайна моя притихала, не толкалась, не рвалась наружу...

Кто скажет бабушке

Но когда вечером я оказывалась одна в своей постели, видения дня снова, как в яви, вставали перед глазами. Колыхалась лесная земля, кричал перепел дяди-Ваниным голосом, бабушкино платье двигалось между стволов и кустов, солнечное желтое поле дрожало в мареве.

...Жар, жар над полем. А в поле ничком лежит солдат в зеленой гимнастерке. Он уже не хочет пить, это убитый солдат. Это наш дядя Ваня. Это война... На наше поле пришла война. Бабусина, не моя война пришла на наше поле, но теперь она стала моей.

А бабуся не знает.

Я же смотрела и смотрела в эту войну, и невозможно было закрыть глаза.

А бабушка не видит. Ей все хочется дать воды раненому красноармейцу...

Больше всего меня мучило то, что мы ее обманываем. Она живет и думает, что все так и есть, как она видит. Она письма пишет дяде Ване. У нее душа о нем болит: может, ему холодно или тяжело нести свой миномет. Или он, раненный, пить хочет, и ему больно. А там уже ничего нет. А мы все врем и врем, каждый день больше. И никто не горюет, что убит наш дядя Ваня, и не проклинает фашистов, которые его убили. Будто мы заодно с ними против одной нашей бабуси. Они убили, а мы молчим.

— У-у, гады! Гады, гады фашисты! — Я отчаянно ворочалась под своим одеялом, зарывалась головой под подушку и, не в силах больше терпеть эту ложь, выпрыгивала из кровати и бежала к окну, выходящему на террасу.

Сейчас я скажу маме, что нельзя так. Но перед окном я остановилась. Комната была освещена, словно сцена. И мама с бабушкой сидели за столом, как артистки. Мама что-то писала, какие-то свои бумаги, а бабушка читала, как всегда, при этом надменно закинув голову и далеко отставив книгу. У нее были дальнозоркие глаза.

Нет, я не могла туда ворваться.

Содрогаясь от холодного ветра, чувствуя теперь, как замерзли мои голые ноги, я забиралась в постель и прислушивалась: мама с бабушкой вдвоем, не заговорят ли...

По террасе гулял ветер. Темный тополь надо мной был еще темнее неба. Когда ветер долетал до него, его листва вдруг подымала говор, возмущенное бормотание. Оно сбегало от вершины к нижним веткам, а оттуда — вниз на землю и там затихало на время. Пока не достигало гусей (они жили под нижней террасой), и тогда гуси тоже затевали нежное булькающее лопотанье, будто успокаивали друг друга на сон грядущий. Иногда тихий их лепет оживлялся, становился быстрее, громче, кто-нибудь резко вскрикивал: «Ка! га! — и тогда на крикуна набрасывалось несколько возмущенных голосов, но гусиная перепалка длилась недолго и всегда кончалась тем же неясным ропщущим лопотаньем, похожим на беглый шепот ночной листвы.

Так переговаривались тополь и гуси каждый вечер, и, когда их голоса касались наконец моего внимания, ненависть и боль оставляли меня.

Нет, ничего такого не произошло особенного, что заставило меня открыть все бабусе. Ничего не случилось. И бабуся была ни грустнее, ни веселее обычного. И разговоры велись все те же. Все-все было обычным.

Мы сидели с ней друг против друга за не убранным после завтрака столом и мыли чашки. Бабушка мыла и подавала через стол мне. А я вытирала. Самовар еще сипел тоненько, над ним клубился тонкий парок. Солнце заливало всю комнату, и она, полная солнцем, и еще от этого теплого самоварного сипенья казалась

уютнее, чем на самом деле. Была эта комната длинной, с одним окном на восток да другим — на террасу, и поэтому всегда темноватой и мрачной.

Тихо было после утренней суматохи, когда все спешат, разбегаются на работу, разговаривают быстро, коротко, торопясь скорее проглотить завтрак и бежать, бежать по своим делам. Тишину усиливало редкое позвякивание посуды, когда мы брали ее или ставили — блюдце на блюдце, чашку в чашку.

Наверное, все-таки поэтому и сказала я. Это ведь не в лесу, где все таинственно, тревожно.

Здесь стены надежно окорачивают мир, и никаких загадок. Покой, тишина.

Комната, притворившись доброй, убаюкала меня, уняла осторожность, и, когда бабушка привычно вздохнула: «И что ж это Ваня не пишет», — я, чувствуя, как остаюсь одна на всем свете, как лечу в пропасть, ответила в тон бабушке, будто передразнивая ее и фальшивя от страха: «И не напишет он больше, бабуся...»

Я сказала это тихо, и она, может быть, даже и не расслышала слов, но она сидела прямо против меня и смотрела мне в глаза, виноватые, испуганные глаза нашкодившей девчонки.

Бабушка меня не переспрашивала. Она ничего не спросила — ни как, ни когда, ни откуда это.

Вроде бы она давно знала и только ждала сигнала. Она рывком, будто ее толкнули в спину, встала из-за стола и, держась за угол его, стала падать. Она падала, казалось мне, страшно долго, ей мешал стол, она его не выпускала, словно хотела опрокинуть на себя. Она не кричала, а только хватала воздух открытым ртом, как рыба, а когда уже повалилась на пол, сумела выдохнуть:

— Ох, Ва-аня-а...

Вот как это случилось.

Все, что было дальше, помню уже какими-то отрывками.

Не помню, что я кричала, что делала, живо только это ощущение: я бьюсь, стучусь к бабушке, я тереблю ее, а она закрылась передо мной, глухая, слепая, не пускает, не замечает, уходит, — совсем чужой человек.

Наверное, на мой крик прибежала соседка. Меня оторвали от бабуси и отшвырнули, как собачонку, к порогу.

Не знаю, кто бегал за фельдшером тетей Шурой, может быть, даже я сама.

Снова уже помню эту комнату, полную народу. Но бабушка была жива! Она была жива, вот что!

Только я теперь не смела подойти к ней. Не смела даже заплакать, я была предательницей. Взрослые люди, теперь они были нужны бабушке. Мама, фельдшер тетя Шура, соседки хлопотали вокруг нее, переговариваясь озабоченными голосами. Теперь они были у места, они спасали бабушкино сердце, делали ей уколы, растирали ей ноги и руки.

Жар, жар над полем. А в поле ничком лежит солдат...

А там бабуся моя лежит...

Но она жива, бабушка жива... Только бы жила...

Присев на корточки возле дверного косяка, я провожала глазами каждого, кто проходил из комнаты в кухню и обратно. Никто не смотрел на меня и не собирался меня наказывать, и никто не прогонял.

Но вот мама отошла от бабушки, повернулась, и я увидела ее лицо, с глазами совсем тусклыми, болезненно светлыми, казнящими.

Я сжалась вся, поняв, что она меня наконец увидела. Глаза ее вдруг испуганно расширились, словно вздрогнуло все лицо, и она пошла ко мне, пристально глядя на меня. Я зажмурилась.

Нет, я не боялась, что она меня ударит. Меня никто никогда не бил. Я боялась ее презрения, каких-то ужасных, уничтожающих слов, после которых мне невозможно будет жить.

Но я почувствовала ее руки, ласково и крепко поднимавшие меня, и услышала шепот, как всхлип:

— Доченька, девочка, тебя-то за что! Ты-то за что мучаешься...

Но я еще крепче зажмурилась, отталкивала ее руки, не смела я принять ее ласку, выкрикнула:

— Мама. Ты не знаешь! Ведь это я сказала.

— Знаю я, знаю! Успокойся, не надо, — шептала мама. И руки ее жадно ощупывали меня — мою спину, плечи, руки, вот они поднялись к шее, к волосам, прошлись по лицу моему, вот снова замкнулись за моей спиной, прижали к себе, вызволяя из одиночества, отворяя слезы.

Я плакала, захлебываясь в слезах, избывавших мою вину, мое жалкое маленькое тело все приникло к маме, ощущая, как наполняется оно ее теплом и крепнет, становясь сильнее и больше. Это было так сладко, что я плакала все сильнее, и мама не уговаривала меня, давая мне волю.

И еще я помню, как над кроватью бабушки из-за чьих-то спин и голов, склонившихся над ней, поднялись вдруг худые, все закрученные бечевами синих жил бабусины руки, поднялись и упали. И голосом не своим, хриплым и низким, бабушка выкрикнула тремя толчками: «Будь... проклят... Гитлер...»

Бабушка осталась с нами. Она очень ослабла, губы ее совсем полиловели, пальцы то и дело «обмирали» — холодели, теряли живой цвет, но она жила! И понемногу крепла. Иногда я ловила на себе ее ласковый через слезы взгляд. Однажды вечером, когда я читала в маленькой комнате и мама не знала, что я дома, а бабушка, видно, забыла, они заговорили про это. Бабуся говорила маме:

— Спасибо Дашке, а то бы так и маялась его душа неоплаканная, матерью заброшенная.

— Что вы, мама, — говорила моя мама, — разве ж вы его забросили: ежеминутно ведь о нем только думали, я же знаю! А мне-то каково было смотреть на вас?! Как только сердце мое вынесло! Ведь обманываем маму, думаю... Спасибо Дашке. Девчонка-то извелась...

А мне они ничего не говорили. Только ласковые были. И хоть от их «спасибо Дашке» легче мне стало, про себя-то я знала правду: просто не выдержала я тайны...

«Мама мне не простит! Не простит обмана! Это так несправедливо!» — говорила моя мама. И все же молчала, потому что больше любила бабусю, чем я! Она знала, что поступает несправедливо, но она жалела бабусю! А мне, значит, не так было жалко, раз я не удержалась! Мне, чтоб скорей справедливо стало! Чтоб услышать, как бабуся крикнет проклятье Гитлеру! И ведь легче, легче мне стало, когда я услышала! Вот тогда-то и почувствовала, как успокаивается, распрямляется во мне что-то, что было раньше стиснуто, сжато, сильнее почувствовала это, чем когда плакала у мамы на руках! Да что же это, что же, как мне понять, где хорошо, где плохо...

Несправедливо это, несправедливо! Как же может получиться от плохого хорошее? От несправедливого — справедливое? И вдруг страшная мысль пришла мне в голову: вот если бы бабуся умерла, все было бы по правилам, не было бы никаких непонятных вопросов. Я поступила плохо, и от этого случилось бы страшное горе всем. И как бы я тогда стала жить? Вот

тогда бы всем про меня все стало ясно до капельки. Но бабуся жива, и поэтому я запуталась... Вот что хорошо-то! Уж пусть не понимаю, да путаюсь, главное, жива она!

Я выбежала в ту длинную комнату, где лежала бабуся, остановилась возле ее кровати, — мама сидела на краешке, — и они обе улыбались мне, а я бросилась к ним, уткнулась лицом бабусе в грудь. Бабуся поглаживала меня по голове и приговаривала: «Две матери, две дочери да бабушка со внучкой. Это сколько же всех?»

— Это все мы! — крикнула я в бабушкину шею.

— Ой, ты меня щекочешь! — слабо-слабо засмеялась бабуся. И сразу же заплакала.

Мама послала меня спать, шепнув: «Не бойся, я ее сейчас успокою. Это она первый раз засмеялась, вот и слезы. Иди, иди».

«Колоски»

Я пошла на свою терраску. Не очень-то веселые были последние дни. Но в эти же дни мы и учились и ходили на работу: колоски собирали. Как покланяешься каждому колосу, который остался после уборки (а надо было набрать десять килограммов), так вечером никакие грустные мысли не мешают уснуть. Вытянешься всем усталым телом на постели, на холодных простынках и чувствуешь, как мгновенно погружаются в сон руки, и ноги, и спина: они как-то замирали сразу и уже не хотели шевелиться. Дольше всех не засыпали глаза. Стоило только прикрыть веки, как близко перед лицом возникала и начинала покачиваться бархатисто-серая, с комками и неровностями, сглаженными дождями, земля. Земля, разгороженная ровными заборчиками стерни на полоски-ленты, местами подернутая тонким разноцветным лишайником, похожим на радужную нефтяную пленку на воде. Кое-где блестели яркими пятнами розетки вновь отрастающих сорняков — сурепки, молочая. И всюду, всюду, прямо на земле, застряв в стерне длинными цепкими усами, запутавшись в проволочных петлях подсыхающей «березки», повиснув на надломленной, но не срезанной соломине или гордо раскачиваясь на уцелевшем стебле, — всюду, куда ни погляди, как по волшебству, возникали усатые серые колоски. А в мозгу, как бы сопровождая эти видения, и, кажется, совсем некстати, толклись стихи: «На цвет небес ты долго нагляделась. И цвет небес в очах нам принесла». Это были стихи Пушкина. Они запомнились мне какой-то неправильностью: разве можно «долго наглядеться»?! Наверное, наглядываться можно долго! Или уж надо было сказать «вдоволь нагляделась», но Пушкин сказал «долго», и стало можно. Я вот тоже «на колоски я долго нагляделась». Чего же вам в очах я принесу? Колоски? Ха-ха... Чтоб заснуть, я начинала считать колоски, счет путался со стихами. Приходил сон.

После работы сон, как в сказке: «Закрой глаза, добрый молодец, и открой глаза. И ты уже в тридевятом царстве, в тридесятом государстве». И я так: закрыла глаза и открыла глаза — и вот уже новый день. Уже завтра наступило. Хотя спать так хочется!

Первыми уши просыпаются. Сама спишь, а уши слышат. Интересно, у всех так или только у меня? Папа рассказывал, что зайцы так спят: сами спят, а уши во все стороны поворачивают, слушают, не крадется ли враг. Чуть что — прыг заяц! А я ушам не подчиняюсь. Они себе слушают, как все кругом стучит-гремит, двери хлопают, терраска ходуном ходит, весь дом на ногах, а я сплю! Но когда просыпаются глаза, улежать невозможно. Хоть все тело ужасно сопротивляется, и руки, и пальцы, и сердце, и ноги кричат, что они не в силах шевельнуться, глаза глядят и велят вставать. И получается как-то само собой: вот, кажется, никакая сила не заставит меня шевельнуть пальцами, а вот я уже на ногах, одним движением, как ванька-встанька.

Сейчас в школу. Проучимся три урока и пойдем по колоски. Сегодня ржаное поле мы кончим. Уже у самого леса собираем.

А потом, говорила учительница, пойдем горох теребить. Во наедимся! И, наверное, учиться не будем: горох далеко за совхозом посеян. Но в этот последний день «колосков» к нам пришли новенькие.

Новенькие

Мы их еще и раньше видели, этого рыжего мальчишку с лицом, как румяный, золотисто-коричневый каравай от веснушек, и большую белолицую и толстогубую девчонку. Да такая большая, «упитанная», как сказала бы моя ба-

бушка, но все равно видно, что девчонка, может, только на год постарше меня или Шурки.

Мы даже знали мать этой девчонки: у нее было очень красивое лицо, и звали ее тетя Ася. Она стала работать в столовой, талоны на обед продавала. Поэтому ее все сразу узнали и как зовут — тоже. А девчонка эта иногда с ней бывала.

Про них говорили: эвакуированные. Это значит, они раньше жили в тех местах, куда теперь пришли немцы, а они не хотели там с немцами остаться. Пока фашистов не прогонят, они поживут у нас в совхозе. И это было хорошо! Ведь чем больше разных ребят, тем лучше. Мы все стеснялись с ними познакомиться, да и видели их всего раза два. И вот они пришли в наш класс! Все на них глядят. Нынче ведь мы почти все лето не расставались с классом и учительницей, работали все вместе, все знали друг про друга. Так что новенькие стали от этого будто еще новее. И вот Анфиса Петровна стала их спрашивать: «Петя Вайсман, третий класс!» Рыжий встал, а все сказали друг другу: «Петька!»

— Ты к нам откуда?

— Из Гомеля. Из Белоруссии.

— О-о-о! — сказали мы друг другу.

Для нас Белоруссия была все равно, что Африка, только, конечно, без негров. Знали, что есть у нас такая республика, и все. Никто там не бывал. И вот здрасьте: Гомель!

Анфиса Петровна посмотрела на девчонку, и та встала и бойко сказала сама, не дожидаясь, пока ее назовут:

— Вера Зозуля! Я с Горловки, с Украины!

Она сказала «Хорловки», у нее звук «г» получился не жестким и острым, как у нас, а пушистым и мягким, как легкий одуванчик.

И мы все повторили про себя: «Зозуля! Ха! «С Хорловки»! Я переглянулась с Танюшкой Зуевой, и та прыснула и зажала рот ладошками. Мы поняли друг друга сразу. «Вот воображала! Сама выскакивает!» — значило наше переглядывание.

Анфиса Петровна так и посмотрела на нас! А потом говорит:

— Молодец, Вера, хорошо, четко сказала. (Это она нам назло стала хвалить Зозулю, чтоб мы не смеялись!) Что ж, ребята, были вы далеко от нас, не знали мы друг о друге, а теперь вот познакомимся. Наши ребята добрые, веселые (Анфиса Петровна почти по складам растянула это слово «ве-се-лы-е», глядя на нас с Танькой, и мы с ней поняли: выговор нам за смешки), и вам с нами будет хорошо. Еще посмотрите, как жалко будет уезжать от нас, когда Красная Армия прогонит фашистов с Украины и Белоруссии!

И мы все до одного как-то повернулись, подвинулись на своих местах, как-то ноги переставили или, может, локтем кто или ладошкой пристукнул по парте от таких боевых слов нашей учительницы, так что в классе получился небольшой, но победный шум, короткий такой, будто внезапный ветер пролетел.

И мы все почувствовали — я-то про себя точно скажу, — как полюбили сразу наших новеньких и захотели, чтоб им у нас очень-очень было хорошо. Не хуже, чем там, где остался их дом и прежние школы. Фашисты хотели, чтоб им было плохо, а мы сделаем, чтоб было наоборот!

В переменку мы все окружили Петьку и Верку.

— Петь! А речка у вас есть?

— Есть!

— Во! Счастливчики! И купаться можно?

— А что ж?

— Видала?! Купаются!

— А еще что есть?

— Все у нас есть! — Петька удивленно пожал плечами. — Все, что захочешь, то и есть.

Мы замолчали, соображая, что бы нам хотелось. И Вазых спросил:

— И цирк есть?

— Бывает! — важно кивнул Петька.

— А мороженое?

— И мороженое.

— И кино каждый день?

— Еще бы! Не то что каждый день, а каждый день да в разных местах. В день можно десять разных кин поглядеть.

И я знала, что Петька не врет, а если и врет, то совсем немного. Я ведь тоже раньше жила в городе, правда, маленьком, но зато на большой реке, на Каме. И мы ездили на лодке в луга, и кино было каждый день, хочешь — в городском саду, хочешь — в кинотеатре на главной улице. А еще в клубах при заводах. А на улицах продавали мороженое. Мороженщица стоит при тележке с ящиком, там лед и мороженое. А в руках у тети круглая металлическая коробка с подвижным дном, ко дну ручка припаяна. Тетенька-продавщица потянет ручку, опустит дно и в коробочку положит кругленькую вафельную лепешку, потом набьет коробочку мороженым, зачерпывая его ложкой, прикроет сверху второй вафлей и — шпок! — надавив на дно, вытолкнет из формочки круглое колесо, зажатое вафельными боками. И лижи его белый, холодный, сладкий обод! Двадцать копеек все удовольствие. Я смотрю на рыжего Петьку и представляю, как он ест свое гомельское мороженое на гомельских улицах, только улицы эти почему-то похожи на улицы моего камского городка.

Плохо, может, будет Петьке без мороженого? И я говорю ему:

— У нас зато знаешь сколько всяких ягод! И на лошади верхом можно покататься, еще, может, и на трактор кто-нибудь посадит.

— А весной увидишь, какой сладкий сок пойдет березовый! — Кто-то вспомнил еще, и пошли все вспоминать! И какие у нас овраги — во в войну играть! И какие на полянах в лесу есть повалы — сваленные ветром деревья, на них тоже играть здорово и в корабли, и в конницу, и в самолеты, во что придумаешь!

А кино тоже бывает! Иногда даже два раза в неделю... Но тут звонок, все стали садиться,

и я увидела, как Вазых взял Петьку за рукав и что-то ему шепнул. Петька кивнул, и тогда Вазых спросил учительницу:

— А можно он сядет со мной?

— Садись, Петя, с Вазыхом, — сказала Анфиса Петровна ласковым голосом, — он у нас парень спокойный.

А Вера Зозуля на парте одна осталась. А у нас девчата все друг с другом сидят. И тогда я сказала Зульфии тихонько: «Давай, ты будешь с ней, а я одна посижу?» Зульфия остро на меня взглянула: дескать, не врешь? Самой ведь охота с новенькой сесть? И я подтвердила: «Правда, правда! Я одна посижу!»

— Ага! — согласилась тогда Зульфия. Но я медлила поднимать руку: показалось мне, когда дошло до дела, что после Вазыха будет смешно просить, чтоб нас рассадили, что это будет попугайство.

— Знаешь, лучше в перемену, — шепнула я Зульфии.

Весь урок мы оглядывались на Веру — не грустно ли ей одной. Но она выглядела совсем спокойной, урок, правда, слушала плохо, все разглядывала почему-то свои растопыренные ладошки, поглаживала пальцы. Будто играла в какую-то игру со своими руками. Мы с Зульфией переглядывались и пожимали плечами. Не понимали.

Вера, хлопцы и война

Но нам не пришлось пересаживаться, мы сразу пошли в поле. Сказали, что после обеда ожидается дождь.

Пока мы собирали колоски, разговаривать было некогда, норму — десять килограммов — я могла набрать только при самом большом старании. Хотя колосков осталось на поле немало. Я даже ведро с собранным колосом тащила к мешку бегом, бегом возвращалась на свои рядки. Было бы стыдно перед новенькими опозориться, не сдать нормы. Я только успела узнать у Веры, что Горловка в Донбассе.

Этого было достаточно, чтобы я смотрела на Зозулю, как на свою ожившую мечту. Донбасс — ведь это то самое, что мы с Шуркой хотели увидеть, устроить здесь у нас! Ради чего рылись в оврагах, ходили в экспедицию, мечтали найти полезные ископаемые. А там, в Донбассе, их полна земля. И Вера должна знать, как их ищут и добывают. Она жила такой жизнью — в большой школе, с пионерскими отрядами, с Дворцом пионеров, какая нам только снилась.

С поля мы шли с ней вместе, и я немного стеснялась Веру, стеснялась ее расспрашивать. Мне даже казалось, что невежливо ее спрашивать. Что, может, ей тяжело будет вспоминать здесь, у нас, ту прекрасную жизнь, которая была у них в Горловке. А Вера молчала! Она вообще-то разговаривала, но не про то! Не про то! Какие-то пустяки мы с ней обсуждали. Она говорила, что тетрадок нет, я ей обещала принести завтра. У меня прошлогодние еще остались. Она спрашивала, кого как зовут из девчат и кто где живет.

Но я думала, думала, пока шли, и придумала, как разговорить Веру.

— Завтра пойдешь со мной, я тебе покажу, где мы играем, ладно? — сказала я.

Она согласилась.

Я повела ее в «Артек» и в «Каменный овраг», показала дорогу «на Салотопку» мимо круглого куста, на меже, под которым мы хороним погибших птичек, потом мы пошли и на большую поляну, где дерево, вывернутое бурей вместе с корнем, лежит, опираясь на сучья и растопыренные, как сучья, корни. Это дерево похоже на корабль.

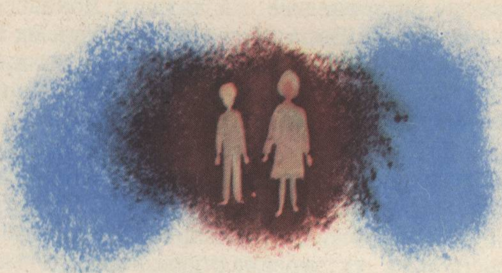
По толстой ветке взбираешься на ствол, как по крутому трапу. И ствол под ногами пружинит, будто палуба на волне. Наверное, так. Точно не скажу, не была на море. И на этом дереве стоишь, держась за ветки, как за штурвал, а трава внизу под ветром, будто зеленые океанские валы...

Я все это показывала Вере, втайне надеясь, что она станет рассказывать, как было у них под Горловкой. Но она не рассказывала. У меня было до мучения сильное желание подумать хоть немного — на минутку! — ее головой, поглядеть ее глазами. Что она помнит, что знает?

Никогда раньше я не думала, что так может быть с людьми. Про тополя, про дом я думала так, а люди ведь могли все рассказать, если они что знали. Папа вот мой. Или бабуся. Она много видела. И рассказывала, какой был взрыв на пороховом заводе в Казани еще до революции. Или какие были барыни, которым она шила платья. Или как она первый раз в театр попала, в оперный, когда там ставили «Кармен», такую замечательную оперу!

«Золото, — говорила она, — и малиновый бархат; люстра драгоценная, дамы в шелках, все блестит. А когда ударила увертюра, я подпрыгнула и будто в рай попала».

Я знала по радио эту музыку — увертюру к опере «Кармен» — и очень хорошо видела бабушкиными глазами театр и понимала, почему она «подпрыгнула и будто в рай попала». И тогда я даже не задумывалась, что гляжу бабушкиными глазами.

Верка же — моя ровесница, может, на год старше, а я ничего не могу от нее добиться!

Вера ходит со мной по полянам, по оврагам, поглядывает на все рассеянным, веселым взором и ничего не рассказывает!

Когда я ей сказала, что дерево на Большой поляне похоже на корабль, она пожала плечами: «Дерево як дерево!» Конечно, подумала я горько, у них там, наверное, из мрамора дворцы пионеров, и настоящие корабли для игры в особых бассейнах, и, может, даже самолет есть настоящий. И парашютная вышка... Поэтому она и смотрит так на все, как вежливая принцесса,— вдруг попала из дворца в хижину, но не хочет обидеть бедняков и молчит. Когда, наконец, уже устав и отчаявшись, я привела ее в Каменный овраг и мы уселись, чтоб отдохнуть и поиграть в камешки, я ее все-таки спросила: «А вы там у себя, вы как играли?» (Потом я удивлялась: чего бы мне сразу не спросить?) — Вера легко и охотно откликнулась:

— Ой, по-всякому! В «горелки» (хорелки), в лапту! В «горелки» лучше всего! Знаешь, «Гори-гори ясно, чтобы не погасло!» (Хори-хори...)

— Да мы тоже так играли! — сказала я с досадой. Опять не то!

— Ну, у вас (она говорит «в вас») хлопчики таки маленьки! У нас хлопцы были гарны (харны)! Хорошие, большие!

— А у нас мальчишки и не играют в горелки. Только мы!

— Та я ж и говорю (ховорю), что в вас зовсим мальцы, а не хлопцы. — И захохотала, как-то обидно, словно свысока. Словно что-то она знает, чего я не знаю. И я покраснела от непонятного мне самой стыда или от обиды, может, за наших мальчишек?

Я смотрела на белую, раздутую от смеха Веркину шею, и мне было неприятно, что она у нее, как у взрослой женщины, полноватая, а не тонкая, как у всех моих девчонок.

— Еще вырастут! — сказала я ей обиженно про наших мальчишек. — Хлопцы, хлопцы, — передразнила я ее. — Ты лучше скажи, как там было у вас, про шахты расскажи, про каменный уголь.

— А що про уголь (ухоль)?

— Ну вот как его находят? Ну, вот степь, пока еще шахт нет, как узнают, что под землей уголь? Не будешь ведь всю степь копать?

— Ха! — сказала Вера.— Дывытесь на нее! Вже давно: где уголь, там шахты. Чого его искать? Его добывают, выдают на-горá (на-хора).

Какие дивные слова сказала Вера! Они для меня были как пароль: «уголь на-горá!» Значит, правда жила Вера в таких краях, о которых мы мечтали! Я даже сразу не обратила внимания на то, что она думает, будто уголь не ищут, будто сразу известно, где его брать. И я повторила за ней:

— Уголь на-горá!.. Ну, Вер, ну, расскажи, как это бывает! Как там, в шахтах? Расскажи про них!

— А що за них говорить, шахты як шахты! Я ту не забиралась. Та в самой Горловке их нэма. Так, видала терриконы, пустая порода, что из шахты идет. Уголь увозят, а породу в такие горы свозят, в терриконы. — И Вера показала куда-то вбок.— Ось, такый!

Я глянула и снова покраснела: я и забыла уже, что однажды сложила здесь из самой красивой гальки холмик — я его сложила, представляя себе, что это будет жертвенник, как у древних греков, в честь нимф, покровительниц оврага, которые помогут мне найти драгоценные руды или камни. Когда я приходила в овраг одна, клала на «жертвенник» венок из васильков или ромашек или просто несколько цветков. Особенно хорошо было смотреть на шиповник, как он лежал на холодной пестрой пирамидке, будто пламя пробивалось. И сейчас видно было несколько засохших, съеженных, некрасивых венков и скрюченных смертью ромашковых стеблей. «Фу! Как нехорошо! Вот детство-то!» — сказала я про себя. Моя тайная игра вдруг показалась мне жалкой, ненастоящей. Как хорошо, что Вера ни о чем не спрашивает!

— Вот такой терриконч‎ик, только ух какой большой! До неба! Наверх два дня будешь лезти.

— Ну, а дальше? Ну?

— Что «ну»? Все! Дальше эвакуация. У мамы брат в Москве, но он сказал, чтобы мы уехали дальше. Щоб мы до села подались.

— А как вы ехали? Вас бомбили? Немцев видели?

— Ехали как ехали! Народу — ого сколько! Тесно в поездах. Немцев не видали. А бомбить бомбили. Знаешь, стра-ашно! — шепотом вдруг сказала Вера. И зрачки ее глаз стали расширяться, затопляя чернотой золотистый цвет глаз.

Кругом железо летит, воет! Жар кругом! Как вдарит бомба в землю, земля, знаешь, туда-сюда качнет, так подвинется. — Вера ладошкой двинула слой гальки, она сгрудилась горкой, посыпались верхние камешки. И я вздрогнула, представляя, как сталкиваются люди с круглой поверхности земного шара, потревоженного взрывами.

Знаешь, голова от этого кружится... Можно умереть зовсим... Только я не бачила мертвых. То мама на мне лежала, а как стихло, мама платок мне на лицо — гоп! Подхватила за обе руки, держит, не дает платок скинуть, не велит глядеть, так и тащила меня до вагону.

— Да-а, — сказала Вера протяжно и жалобно, как взрослая, — прийшлы до вагону, а вещей наших нема! Ни постели, ни чемоданов! А там платье было мое новое! Жалко! Знаешь... Когда я то платье надевала, хлопцы так меня ловили, так ловили!

Господи! Опять она про своих хлопцев! Такое рассказала... Как она может все это вместе держать в голове! Но пусть хлопцы! Пусть! Я смотрела теперь на Веру и чувствовала, немного я уже стала ею: она все-таки дала мне пережить, как под тобой шевелится прочная земля! Только вот жалко, мать не позволила ей поглядеть, что было после бомбежки! Надо бы ей сорвать платок... Но тут мне почему-то вспомнился мой Бобик, и невольно я зажмурилась...

Мы выбрались из Каменного оврага, карабкаясь вверх по отвесной почти стенке, выцарапывая в глине ямки для ног, цепляясь за редкие бурьянины. Запыхались, перемазались.

Дальше мы шли с Верой молча. И я уже видела темные макушки тополей, видневшихся над садом, со стороны которого мы подходили к дому. Кто другой и не понял бы, что это они, подумал бы: это все деревья сада. А я знала точно и шла на них, как на маяк.

Вот будто и приблизились к нам дальние страны: Гомель, Горловка, терриконы. Новые ребята. Как было бы хорошо, если б не война! А ведь это все война. Беда. Горе. Бомбы. Если б не это, не приехали бы в нашу даль Вера и Петька. Хорошие ребята. Только Вера немного надоедает со своими хлопцами. Странная. Но это тоже, наверное, от войны и от той бомбежки?

Мы вошли в сад, и тополя пропали за поднявшимися вершинами деревьев.

Вера вдруг сказала:

— Знаешь, сколько мы до вас ехали! То поезд, то в Москве чего-то ждали, а от Москвы еще больше! Снова поезд, потом пароход, потом машиной, потом на лошадках, ой-ё-ёй! «Мама, — кажу, — чи мы не на Дальний Восток едем?» А мама говорит: «Какой тебе Дальний Восток? Дальний Восток — это край нашей земли, а тут тебе самая серединка!».

Мы вышли из сада. И тополя шагнули нам навстречу. И дом глянул всеми своими окнами.

КОНЕЦ

Давид КУГУЛЬТИНОВ

В ОЖИДАНИИ САМОЛЕТА

Апрельский день был синь и бел,
Гудел народом зал,
Где я во Внукове сидел
И самолета ждал.

Мы рано прилетели.
Провел я час в безделье,
И все ж, по правде говоря,
Провел его не зря.

Вносят с собою летний жар,
Одеты ярко очень,
Показывали свой загар
Приезжие из Сочи.

Привычные к земле во льду,
К полярному молчанью,
Снимая шубы на ходу,
Входили норильчане.

И степняки и дети гор,
Художники, рабочие...
Великой Родины простор
Увидел я воочию.

Перевела с калмыцкого
Юлия НЕЙМАН.

Леонард КОНДРАШЕНКО

ПЕРВЫЙ СНЕГ

А с неба падал, падал белый снег.
И, словно смех, он был подобен чуду:
Явился он неведомо откуда,
Тот первый снег — пушистый белый мех.

Он сразу все вокруг заколдовал,
Мелькал, сверкал и весело кружился,
Не утихал и не переставал,
На землю ослепительно ложился.

Она просторна стала и светла,
Как к празднику, она принарядилась.
Нагнула ветки старая ветла,
Дорога в чистом поле заблудилась...

Одни стога темнели на снегу,
И было так торжественно и тихо,
Что, лапками выбрасывая лихо,
Зайчиха танцевала на снегу!

Приглашаем на концерт

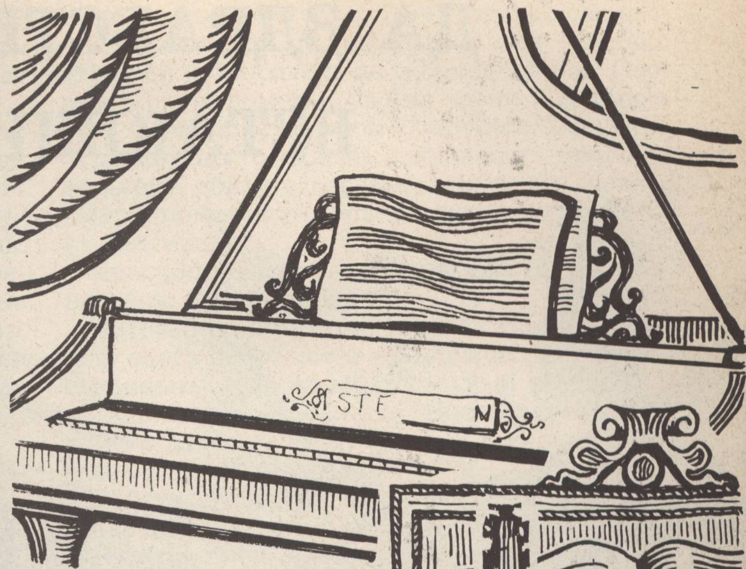

Музыкальная школа в селе Калинине создана семь лет назад. Сначала ребята постигали музыкальную грамоту в простой крестьянской избе, а сейчас для юных музыкантов колхоз построил по типовому проекту специальное здание с классами, библиотекой, концертным залом. Вот оно — на фотографии внизу.

Начинали учиться в музыкальной школе всего восемь человек, теперь в ней восемьдесят.

Как раз в то время, когда организовывалась эта школа, в те края приехал по своим депутатским делам композитор Дмитрий Борисович Кабалевский. Вот с тех пор и дружат с ним юные музыканты. Дмитрий Борисович не раз приезжал в село Калинино, посылал ребятам из Москвы бандероли и посылки с нотами, учебниками. Я сфотографировал композитора в один из его приездов к ребятам. Конечно же, был концерт. Ребята показали, чему они научились. Дмитрий Борисович — замечательный рассказчик; многие из вас, наверно, слышали его замечательные беседы о музыке по радио. И ребята слушали его, как завороженные.

Фотоочерк
Р. ТАРХАНОВА.

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

В заключение он сказал:

— Сегодня вы еще совсем юны, многого не понимаете. Признайтесь, что иногда занятия музыкой кажутся скучноватыми. Это естественно. Не всегда труд кажется праздником, бывают и будни, когда нужно заставлять себя заниматься. Но поверьте мне, что потрудиться стоит. Приобщение к культуре важно и нужно. Намного, намного станет ваша жизнь интересней, разнообразней, полнее.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ЛЮДИ, ВСТАЮЩИЕ РАНО!

В поселке Красная поляна, Краснодарского края, я встретился с учительницей, пионервожатой Линой Николаевной Ситниковой. Такие люди, как Лина Николаевна, не забываются, они полны неожиданностей, и каждая новая встреча раскрывает их с новой стороны. Я хочу рассказать об этих встречах.

*

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ— С АРХЕОЛОГОМ

У нас в стране раскопки доверяются только археологам, которые получают для этого специальное разрешение. И когда я узнал, что в Красной Поляне открыты стоянки первобытных людей, отправился туда. Я был уверен, что встречусь с солидным ученым, автором этих открытий. Как же я был удивлен, встретив археолога самодеятельного! Оказалось, что открытые листы для проведения раскопок Лине Николаевне Ситниковой дают в виде редкого исключения.

...Однажды приехал в Красную Поляну известный московский ученый Владимир Иванович Марковин. Он познакомился, подружился с Линой. Они вместе ходили в горы. Владимир Иванович рассказывал о своих поисках и находках, объяснял, как нужно вести раскопки, и его подопечная заболела археологией. Долина Мзымты — золотое дно для археологов. Здесь можно найти и наконечники стрел первобытного человека и осколки древнегреческих амфор...

Марковин уехал, а через некоторое время пришла телеграмма от Лины Николаевны: «Вылетайте срочно. Найден дольмен...»

...На обомшелый камень, торчавший из-под земли, мало кто обращал внимание. Но Лина Николаевна заметила на нем следы обработки.

Плиту раскопали. Подняли автокраном и увидели под ней глиняный горшок, бусы из сердолика... Позже определили, что находка — захоронение женщины бронзового века.

За этим открытием последовало другое, потом еще... За несколько лет ребята во главе с Археологом, учительницей Линой Николаевной, открыли четыре стоянки первобытного человека, двенадцать крепостей, пять ранних христианских храмов, несколько десятков ацангуара (загоны для скота) и древний караванный путь из Хосты в Красную Поляну...

*

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ— С ЛЕСНИКОМ

Лесник ведет ребят в горы. Вот гриб на коре векового бука, красивый, похожий на подкову. И погладить приятно — замшевый. Но это враг. Он вытягивает соки. Лесник учит

ребят лечить лес, находить лекарства. В прошлом году они собрали более тонны лекарственных трав для детского госпиталя в Ханое...

А однажды ребята отправились в поход и не взяли с собой никаких продуктов. Когда устали и проголодались, лесник предложил нарвать одуванчиков и пастушьих сумок, нарыть корней лопуха. Обед был удивительный. Салат из одуванчиков. Уха из форели (ребята наловили в Мзымте). Пюре из лопуха не хуже картофельного. А на десерт повидло. Оно получилось из лопуха, запеченного со щавелем. Удивительное дело, щавель ведь кислый, а повидло оказалось душистым, сладким!..

Лесник, который устраивает для ребят такие походы,— тоже Лина Николаевна.

*

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ— С ХОРЕОГРАФОМ

Зал клуба полон. Тут и местные и гости с турбазы. На сцене выступают школьники и взрослые. Песни, стихи, танцы. Особенно хороши танцы. Спрашиваю, кто их поставил, мне отвечают: «Сейчас увидите».

— Испанский танец! — объявляет ведущий.

Под ритмичный перезвон гитар на сцене появляется танцовщица. Волосы длинные, черные, как смоль. И глаза черные, большие. Гибкая, пластичная, она танцевала легко и красиво.

Надо же!.. Узнаю Лину. Археолог и Лесник оказался еще и прекрасным Хореографом.

На смотре художественной самодеятельности в Сочи краснополянцы всегда завоевывают призы за свои танцы.

— Танцы можно находить в книгах! — говорит Хореограф.— Вот, скажем, Горький рассказал, как танцевала бабушка. Характер танца, настроение переданы до того ярко, что танец так и просится на сцену. И вы видели, как ребята его исполняли. Да и в жизни можно найти немало любопытных сценок, которые могут стать основой жанрового танца...

*

ВСТРЕЧА ЧЕТВЕРТАЯ— С ПИОНЕРВОЖАТОЙ

Однажды в Красной Поляне выпал большой снег. Старики не помнили такого снегопада. Рушились крыши домов, ломались деревья. Ни одна машина не могла ни въехать, ни выехать из поселка. Тогда тимуровцы разделили поселок на двенадцать зон (столько отрядов) и бросились на помощь людям. Первым делом помогли своим давним подопечным — бабушке Иванюк и бабушке Павловой. Сгребли снег с крыш, прокопали проходы во дворе, сбили с деревьев снежные шапки. Потом помогли откопать школу, клуб, аптеку, магазины...

Краснополянские пионеры быстры и оперативны в любом деле.

Летом, когда в иных школах тишина и покой, здесь работают и тимуровцы, и красные следопыты, и детский кукольный театр. Тренируются волейболисты, гимнасты. Многие ребята даже не хотят ехать в лагеря: «У нас здесь лучше, интереснее!..»

Ребята души не чают в своей вожатой. Мальчики уважают ее за то, что она совсем не боится змей, на лошади скачет лихо и мотоцикл водит, как заправский мотогонщик. Девочки влюблены в нее за то, что она прекрасно поет, танцует, рисует. С любым найдет общий язык. Одного она увлечет археологией, другого — танцами, третьего научит распознавать деревья и травы...

У Археолога, Лесника, Хореографа и Вожатой одно и то же имя — Лина Николаевна Ситникова... Я спросил, как у нее на все хватает времени, она ответила:

— Да здравствуют люди, встающие рано!

Владимир БАРАЕВ,
Красная Поляна,
Краснодарский край.

Рисунки П. ПАНЧЕНКО.

Когда все ребята собрались у елки, примчался на шахматном коне и Пешкин. В его большой сумке было полным-полно новогодних подарков — «Грамот ферзя и ладьи», справок о спортивных разрядах.

Конечно, не все участники конкурса пришли на елку. Тем ребятам, которые не смогли побывать в гостях у Пешкина, свои награды он пошлет по почте.

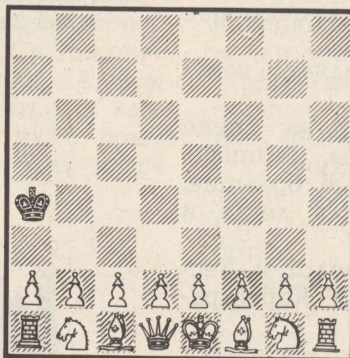
А потом вспыхнули на елке разноцветные огни.

— Новый конкурс начнется в первом номере 1974 года. Всех приглашаю участвовать. Пешкин,— прочитали ребята.

Весело было на новогодней елке. Но что за праздник в стране шаха без шахмат? И тут случилось непредвиденное...

Володя из тридевятой школы, которого Пешкин попросил принести шахматы, так торопился на елку, что захватил с собой только полкомплекта фигур. Белые были все, а вот у черных присутствовал только один черный король.

Что делать? Хорошо, что Пешкин не растерялся. Он показал ребятам смешные позиции, в которых все силы белых сражались с одиноким черным королем.

— Представьте себе, ребята,— сказал Пешкин,— что вы расставили на доске все фигуры и пешки, готовясь начать игру. Можно ли за шестнадцать ходов получить такую позицию?

— Невозможно,— зашумели ребята.— Как же так? Ведь это значит, что белые должны конем забрать все фигуры и пешки черных и успеть вернуться назад.

— Невозможно, говорите,— засмеялся Пешкин.— В шахматах и не такие чудеса бывают... Сейчас я вам продиктую партию в шахматные «поддавки».

1. Кb1—c3 b7—b5 2. Кc3 : b5 Кg8—f6 3. Кb5 : a7 Кf6—e4 4. Кa7 : c8 Кe4—c3 5. Кc8 : e7 c7—c6 6. Кe7 : c6 Кc3—b1 7. Кc6 : b8 Лa8—a3 8. Кb8 : d7 g7—g5 9. Кd7 : f8 Фd8—d6 10. Кf8 : h7 Крe8—d7 11. Кh7 : g5 Лh8—h4 12. Кg5 : f7 Лh4—c4 13. Кf7 : d6 Крd7—c6 14. Кd6 : c4 Крc6—b5 15. Кc4 : a3 Крb5—a4 16. Кa3 : b1.

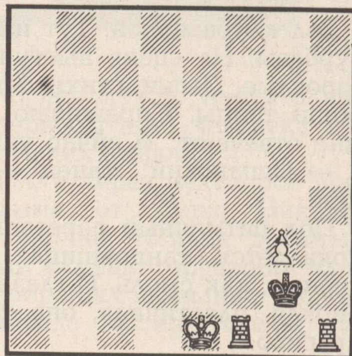
Вот и появилась перед вами пустынная позиция, приведенная на этой диаграмме.

А теперь давайте переставим короля a4 на h4. Это уже будет задача-трехходовка, в которой, как обычно, игру начинают белые.

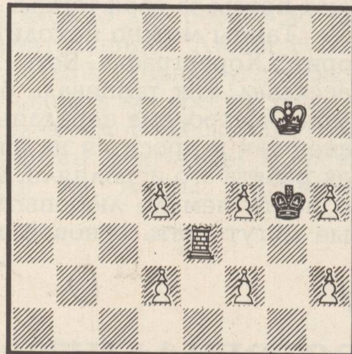
Как решить эту задачу? Ребята разобрались быстро, и первым показал решение Володя.

— Надо играть так,— сказал он: 1. d2—d4 Крh4—g4 2. e2—e4 + Крg4—h4 3. g2—g3 мат. Черные могут уйти королем на h5—1... Крh4—h5. Тогда хитрый ход ферзем 2. Фd1—d3 вынудит беглеца вернуться на h4 или g4, и король получит мат после 3. Фd3—h3.

— Молодец, Володя, правильно решил!— сказал Пешкин.— А теперь, друзья, всем своим гостям и всем читателям журнала я предлагаю две задачи, которые составят мой новогодний конкурс. Всего два задания будут в нем, а так как других черных фигур под рукой у меня нет, то в обеих этих задачах черный король остался в одиночестве.

В этой позиции белые, начиная игру, дают мат в три хода. Чтобы решить задачу, надо помнить о всех правилах шахматной игры.

И здесь, брошенный своими защитниками, черный король сражается с армадой белых. Неважные у него дела. Если белые будут играть правильно, то, начав наступление, они могут дать мат в четыре хода черным.

Победители новогоднего конкурса Пешкина будут награждены «Грамотой ферзя и ладьи».

С днем рождения!

15 декабря поэту ЯКОВУ АКИМУ исполняется 50 лет.

Когда ему было почти в два раза меньше, в «Пионере» появились первые его стихотворения. Они сразу полюбились ребятам.

«Пионер» вместе со своими читателями поздравляет Якова Лазаревича Акима с днем рождения и печатает на этой странице его стихи.

Всегда готовы!

В приморском тихом городке
Она училась в школе.
Играть любила в драмкружке
Мальчишеские роли,
С ватагой школьников весной
Ходила на экзамен
Простая девочка
С косой,
С хорошими глазами.

Пришла война,
Сгорел дотла
И дом ее, и школа,
И девушка на фронт ушла
С путевкой комсомола.
Потом бои — не отдохнуть,—
Палатки медсанбата...
Тяжелый путь,
Геройский путь
Прошла она, ребята!

Уже покинула беда
Наш край освобожденный,
Уже во вражьи города
Врывались батальоны.
Цвела победная весна,
Когда на поле минном
Погибла Клава Шульгина
У самого Берлина.

Омыты утренней росой,
К земле склонились травы,
Умолкла девушка с косой,
Не стало нашей Клавы.

Но в красном знамени полка
Над Бранденбургской аркой
Осталась слава на века
О храброй санитарке.

...Спокойны летом вечера
У солнечного моря.
Сидел отряд вокруг костра
На пионерском сборе.
Мы говорили дотемна
Про битвы в дальних странах,
Где подняла в поход война
Героев безымянных.

И вот, когда отрядный строй
Равненье взял на знамя,
Я вспомнил девочку
С косой,
С хорошими глазами.
И я подумал, как чисты,
Прекрасны и суровы
Слова присяги и мечты,
Салют — «Всегда готовы!».

Улица

Я родился на зеленой улице,
В деревянном тихом городке.
А по улице гуляла курица,
И коза паслась невдалеке.

Там, за окнами, чернела осенью
От колес тележных колея,
А зимой скрипучими полозьями
Распевала улица моя.

Я гляжу на лошадей распаренных,
На подрагивающую дугу—
Рукавицы в руки, ноги в валенки
И к дверям, на улицу бегу.

Мимо занесенных палисадников
За санями весело бежать,
И возница, бородатый дяденька,
Может, даст мне вожжи подержать.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Сорок тысяч имен для кошки

А. РОЗЕНТАЛЬ

Первым на очередную встречу Трех Неизвестных явился Зет. За ним вбежал Интеграл, ведя за собой на поводке Игрека. Помните, Игрек назвал своего необычайно талантливого пса Интегралом? Потом вошел Икс. Из-за пазухи у него выглядывал любопытный котенок.

Игрек (снисходительно). Как же зовут вашего зверя?

Икс (вздыхая). Пока никак. Штук двадцать кошачьих имен вспомнил, и ни одно ему не подходит.

Зет. А как вы вспоминали?

Икс. Обыкновенно как. Из головы.

Зет. Разве так можно! Вы действовали ненаучно. Надо просто-напросто составить словарь всех кошачьих имен, а потом уже выбирать.

Икс. Как! Вообще всех имен?!

Зет. Ну, может быть, не всех, но, скажем, таких, как МУСЯ-ПУСЯ, где всего 4 буквы. Первая и третья согласные, а вторая и четвертая—гласные. В этом нам поможет интереснейшая область математики — комбинаторика.

Котенка зовут Буба? Быба? Бэбо?

Икс. При чем тут комбинаторика?

Зет. Комбинаторика изучает, как из данных объектов по некоторым правилам составляются различные комбинации, например, из букв — слова, из цифр и букв — номера телефонов, и подсчитывает число таких комбинаций.

Итак, беремся за словарь для вашего зверя, дорогой Икс. Первой буквой имени может быть любая из двадцати согласных: Б, В, Г, Д, Ж...— вы их знаете. Вторая буква — любая из десяти гласных: А, Е, И, О, У, Ы, Э, Ю, Я. Совсем легко составить **словарик первых слогов.** Если первая буква Б, получается 10 слогов: БА, БЕ, БЁ, БИ, БО, БУ, БЫ, БЭ, БЮ, БЯ.

Если В — еще 10: ВА, ВЕ, ВЁ и так далее. Всего в этом словарике $20 \times 10 = 200$ слогов.

Икс. Ну, теперь мне ясно, как действовать дальше. Составим **словарик первых трех букв имени.** Берем слог БА и к нему приписываем по очереди все согласные: БАБ, БАВ, БАГ, БАД, БАЖ и так далее. Получим 20 сочетаний. Затем то же проделаем со слогом БЕ, потом БИ, и так со всеми двумястами слогами. Получим $200 \times 20 = 4000$ сочетаний. И это только для трех первых букв!

Зет. Совершенно верно. Ну, а теперь можно составлять **словарь имен.** Берем первое из 4 000 трехбуквенных сочетаний и приписываем четвертую букву — гласную: БАБА, БАБЕ, БАБИ, БАБО и так далее.

Затем так же поступим с БАВ, потом с БАГ... Каждое сочетание превращается в 10 имен, а всего их получится 40 000!

Икс. Сорок тысяч?!

Зет. Да, порядочно, и среди них обязательно будут и МУСЯ, и ПУСЯ, и ВАСЯ, и ШУРА, и МУРА. Ну, и, конечно, масса не очень подходящих «имен» — МЯСО, БУКА, КИКУ, БЭШЭ... В общем, есть из чего выбрать.

Как это получается

Икс (в растерянности). Что-то я совсем запутался.

Зет. Сейчас разберемся. Можно было, конечно, сразу сказать, что получится 40 000, не выписывая слоги. Смотрите, для выбора первой буквы, согласной, у нас есть 20 возможностей, для выбора второй, гласной,— 10 возможностей. Комбинируя каждый способ выбора первой буквы с каждым способом выбора второй, получим $20 \times 10 = 200$ комбинаций. Комбинируя каждый из 200 способов выбора пары с каждым из 20 способов выбора третьей буквы, получим $200 \times 20 = 4000$ возможностей для первых трех букв. Для выбора четвертой буквы, гласной, тоже 10 возможностей. Комбинируя каждый из 4 000 способов выбора трех букв с каждым из 10 способов выбора четвертой, получим $4000 \times 10 = 40\,000$ возможностей выбора кошачьего имени. Этот принцип называют иногда «принципом перемножения возможностей». Он бывает полезен во многих задачах и посложнее этой... Вот посмотрите.

Флажки на мачте

Зет. Иногда запрещается дважды использовать один элемент. Например, составляются слова, где ни одна буква не повторяется. Как тут быть?

Предположим, у нас есть пять флажков: синий, голубой, красный, оранжевый и зеленый. Поднять на мачте 3 флажка можно по-разному: сверху синий, потом красный, а снизу зеленый. Или наоборот—сверху зеленый, потом красный, а снизу синий. Или сверху голубой, потом оранжевый и синий... Сколько же всего различных способов вывешивания трех флажков?

Будем обозначать цвета первыми буквами: синий — С, голубой — Г и т. д. Тогда задача примет такой вид:

Сколько трехбуквенных «слов» можно составить из букв С, Г, К, О, З? (Буквы в слове не повторяются.)

Вспомним «принцип перемножения возможностей».

Первую букву можно выбрать пятью способами. Каждому выбору первой буквы соответствуют 4 возможности выбора второй. Если, например, первая Г, то вторая — С, К, О или З. Пусть первая и вторая буквы уже выбраны. Тогда третью можно выбрать тремя способами (две буквы уже заняты). Всего получим $5 \times 4 \times 3 = 60$ комбинаций трех флажков.

Контрольные задачи

1. Поднимаем на мачте не 3, а 4 флажка.

а) Сколькими способами это можно сделать?

б) Сколько будет способов, если один из флажков синий?

2. Сколько способов поднять на мачте все 5 флажков?

3. На скамейке сидят 5 человек. Сколькими способами можно рассадить в ряд а) 5 человек; б) 10 человек.

Совет трех неизвестных

Хочешь больше узнать о науке комбинаторике? Достань в библиотеке книгу известного советского математика Н. Я. Виленкина «Комбинаторика» (изд. «Наука», 1969 г.). Там много хороших задач!

Так как же его назвать?

Тем временем котенок оказался на столе. Про него совсем забыли и вспомнили, когда он начал довольно успешно выковыривать чернильницу из чернильного прибора.

Зет. Брысь, как тебя там! Все-таки надо же его как-то назвать!

Икс. Вы же сами сказали — надо действовать методично, составить словарь. Я пока дошел до сотни, мне еще 39 900 имен осталось — работы дней на десять хватит.

Игрек. Знаете что, назовем его просто Иксик! Хорошее имя, нестандартное, даже в словаре такого не будет. Согласны?

Зет и Икс (хором). Согласны! Иксик, брысь со стола!

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Игорь Ларионов, команда «Снежинка» (г. Воскресенск).

СЛОВО КАПИТАНАМ

Зима, в разгаре новый хоккейный сезон. А мне вспоминается сезон минувший, Череповец, финал турнира на приз «Золотая шайба». Было здесь много интересных встреч и было много интересных разговоров с ребятами. Вот некоторые из них...

О своих делах и заботах рассказывают хоккейные капитаны. А ты читай да, как говорится, на ус мотай. Ведь команды этих ребят сумели пробиться на Всесоюзный финал!

АНДРЕЙ ЕПИФАНЦЕВ, команда «Орленок» (ЖЭК № 5 г. Новосибирска).

Ребята с отличным настроением собирались в поездку на Всесоюзный финал, а у меня радости было мало. Леонид Петрович Ларичев, мой учитель, сказал, что не пустит в Череповец, пока не исправлю тройку по литературе. И тренеру нашему — Анатолию Ивановичу Воскобойникову — об этом сообщил. Пришлось попотеть: и тренировки и литература!..

Ради того, чтобы отправиться в дорогу на самые главные соревнования «Золотой шайбы», я засел за уроки. Леонид Петрович даже удивился моему ответу.

— По всему видно, большой ты, Епифанцев, любитель хоккея,— сказал он.— Так что давай отныне без троек учиться. Я об этом позабочусь...

Я-то что, а вот Сережку Тупицына вообще на тренировки не пускали. За двойки... Потом, конечно, исправился.

И родители тоже нашими хоккейными делами интересуются. Да еще как! Что ни тренировка, то «родительское собрание». Мой папа обязательно приходит, и отец Андрея Турова тоже, и мама Вадика Яковлева... А мама вратаря Вити Гвоздева: не бросайте, говорит, сильно по воротам, не толкайтесь... Мы уж помалкиваем...

ВИТЯ ОРЛОВ, команда «Орленок» (ЖЭК № 3 Тушинского района г. Москвы).

Когда мы выиграли решающий матч районного первенства на приз клуба «Кожаный мяч», то долго не уходили с поля. Сперва все прыгали от радости, орали хуже всяких тиффози, а потом уселись на траву и заговорили о спорте по-серьезному. Решили держать высокую марку не только в футболе, но и в хоккее.

Еще летом мы взялись за строительство хоккейной площадки. Работали как надо — и сами по себе и потому еще, что всегда рядом с нами была Раиса Алексеевна Макешина — педагог-воспитатель ЖЭКа. Она и на все соревнования с ребятами ездит. Вроде как наша хоккейная мама: и зажечь умеет и, если надо, успокоит. Играешь, а сам все поглядываешь на трибуну: там она? Там!.. В общем, и в хоккее мы тоже не ударили в грязь лицом.

Мне, конечно, повезло, что я стал капитаном в такой дружной и веселой команде. У нас, например, не бывает, чтобы кто-то не пришел на тренировку без уважительной причины. Зазнаек мы не терпим. Да их у нас и нету! Самое большое ЧП в команде — двойка. Выделяем в помощь провинившемуся сильных учеников из состава команды. Через неделю — полный порядок.

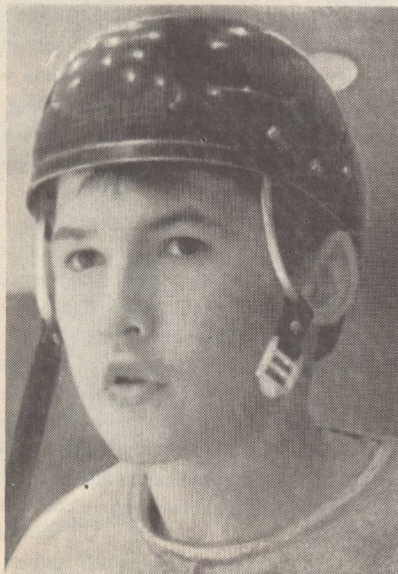
Не забываем и о своей смене. А чего? Мы уже вроде ветераны... Тренируем малышей. Даже тех,

Андрей Якушонок

Андрей Епифанцев

Витя Орлов

кто пока на коньках кататься не умеет. Наш «Орленок» славится мощными бросками по воротам. Не такими, конечно, как у Фирсова, но все же. Поэтому малышей мы начинаем обучать хоккею именно с бросков. В общем, смена подрастает!

ЮРА ИВШИН, команда «Вулкан» (г. Петропавловск-на-Камчатке).

В нашем городе нет да и не было никогда команды мастеров по хоккею. И серьезных соревнований по этому виду спорта тоже не было. Все началось с «Золотой шайбы». Знаете, сколько сейчас болельщиков собирается на наших играх!

Город наш тянется на двадцать километров вдоль Авачинской бухты. А длина всех вместе хоккейных площадок, наверно, тоже не меньше километров двадцати. Конечно, не все они настоящие — с бортиками, с электрическим освещением. Но не в этом же дело. Был бы лед!

В петропавловской «Золотой шайбе» выступают полторы тысячи ребят. Пока не очень много!.. В Горьковской области, например, пятьдесят тысяч ребят в хоккей играют. А мы пока не так сильны, на медали всесоюзных турниров не претендуем. Скажу честно, на финале мы в первых играх катались, словно фигуристы, проигрывали с двузначным счетом. Зато играли не как слепые котята, не психовали зазря, а учились у соперников. После игры разбирали ошибки, на тренировках разучивали новые приемы и комбинации. В общем, за Камчатку можно не волноваться! Камчатка себя еще покажет!

АНДРЕЙ ЯКУШОНОК, команда «Ракета» (пос. Западный, г. Инта, Коми АССР).

Нас трое братьев. Грише, старшему, девятнадцать. Он хороший хоккеист. А младшему, Вовке, девять. Мы с ним в одной команде играем. Гриша нам ко дню рождения всегда что-нибудь хоккейное дарит: клюшки, шлемы, коньки, книги про хоккей. Знает: это для нас самое ценное...

Первую клюшку Гриша подарил мне в 1968 году, когда я учился в первом классе. Не повезло мне тогда с этой клюшкой. Вышел на первую игру, и сразу поражение. Да еще с таким астрономическим счетом — 0:33. У некоторых ребят из нашей команды сразу пропала охота играть в хоккей. Но я только разозлился на себя. Попросил Гришу стать моим тренером. За других ребят из нашей команды взялись старшие ракетовцы Витя и Слава Оськины, Витя Жлуктов. Все они спустя несколько лет стали чемпионами Европы среди юниоров, сейчас играют в Москве за молодежную команду ЦСКА!

Юра Ившин

Тренируемся мы серьезно и, можно сказать, творчески. Даже есть в нашей «Ракете» психологическая подготовка, например, устраиваем шахматные турниры. Отлично помогает. За десять дней всесоюзного финала в Череповце сыграли 224 партии. Победа моего Вовки, который обыграл даже нашего тренера Михаила Филипповича Марьяшина, удивила всех, кроме меня. Я-то знаю, какой он шахматист,— не раз обыгрывал и меня и Гришу в наших домашних турнирах.

Почти десять лет назад со страниц газеты «Пионерская правда» прогремел клич «Все на хоккей!». Десять поколений мальчишек получили закалку в жарких сражениях на хоккейном льду.

Клуб «Золотая шайба» и сегодня говорит ребятам: «ВСЕ НА ХОККЕЙ!»

А. ИСАЕВ,
член Центрального штаба клуба «Золотая шайба».

Фото В. ШКОЛЬНОГО.

Рисунок А. БОРИСОВА.

УМЕЙ СНИМАТЬ И В ХОЛОД И В ЖАРУ!

Редко встретишь сейчас на улице человека с фотоаппаратом. Одни печатают летние снимки, другие и вовсе забросили это «летнее занятие». Но я уверен: настоящий фотолюбитель должен уметь снимать и в холод и в жару. Надо только не бояться холода и знать несколько секретов.

ФОТОАППАРАТ ЗА ПАЗУХОЙ

Прежде всего надо запомнить, что не со всяким аппаратом можно работать зимой. Не годятся аппараты со шторным затвором типа «ФЭД», «Зоркий», «Зенит». Шторка у них из прорезиненной ткани и легко замерзает на морозе.

Хорошо работают аппараты с центральным затвором — «Смена», «Любитель», «Чайка» — и аппараты с металлической шторкой («Киев», «Салют»).

Если ты долго снимаешь на морозе (—20—30°), может замерзнуть пленка. Тогда при взводе затвора она лопается. Недаром корреспонденты в таких случаях прячут аппарат за пазуху и вынимают только на время съемки.

С ФОТОАППАРАТОМ НА МАТЧЕ

А как передать стремительное движение? Зимой так много тем для спортивных снимков! Конечно, ни к чему бегать на стадионе с фотоаппаратом в руках и пытаться догнать игроков.

Заранее найди удобное место, займи позицию и жди. Не забудь определить расстояние, с которого надо снимать. сделать установку на резкость.

Особенно хороши снимки, сделанные крупным планом (когда в кадре не все, а несколько игроков). Снимать надо с короткой выдержкой: $^{1}/_{250}$ секунды, $^{1}/_{500}$ секунды. Диафрагма 8; 5,6; 4.

Кроме пейзажей и спортивных снимков, зимой можно делать любые репортажные съемки с места события. На этих снимках — празднование Октябрьской годовщины в Калининграде Московской области.

Ведет фотоурок наш корреспондент В. В. ПОСТНИКОВ.

Задание «Пионера»: сделать репортаж для школьной летописи «Каникулы-74».

КАК СНИМАТЬ СНЕГ

Вся красота зимнего снимка зависит от того, как у тебя получается снег— скучным куском белой бумаги или блестящим, искристым. Посмотри, как хорошо он проработан на снимке, сделанном во время похода ребят из Киева.

Вот несколько секретов:

Зимние пейзажи особенно хороши в солнечную погоду, утром или перед заходом солнца. Тогда на снег ложатся длинные тени, и он не выглядит однообразным и плоским.

Обрати внимание на передний план. Он обязательно должен быть на твоем снимке. Это могут быть небольшие кустики, следы ног или лыж. Лучше снимать его со светофильтром типа ЖС-18, ЖС-17. Для пейзажей не нужна короткая выдержка, достаточно $^{1}/_{60}$ секунды. Объектив диафрагмируется довольно сильно — 8,11.

Точно выбери экспозицию. Недодержка или передержка сведут на нет красоту зимнего снимка.

Если пришлось снимать в плохую погоду, снимки получатся вялыми. Отпечаток можно улучшить, взяв контрастную бумагу № 4 или № 5.

Олимпийские тигры

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Валерий МЕДВЕДЕВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

1

Было без пятнадцати семь. Влажный тихий ветер дул с моря. Пахло водорослями, прохладным песком и флоксами. В углу за гаражами мягко шумели листья старого платана. Остап и Женька сидели на скамейке в пустом пока дворе. Остап не спускал глаз с балкона Ларионовых.

Без семи семь тонкая штора на дверях балкона остро вздулась, как палатка, снова повисла, отлетела в сторону. Сначала показался шест, потом сам Гена Ларионов, белоголовый, загорелый, в роскошной белой майке с тремя красными полосами на груди. Гена почти никогда не выходит из дверей. Он просто спускает с балкона шест и соскальзывает по нему. Гоп-ля! Он на земле. Что ему стоит? Лучший прыгун во дворе, лучший прыгун на спортплощадке!

Размахивая авоськой, в которой лежал кошелек, Гена шагал в магазин. Теперь Остапу и Женьке нужно было как-нибудь обратить на себя внимание. Вчера их прогнали со спортплощадки, и только Гена Ларионов мог исправить бедственное положение: Остап и Женька больше всего на свете хотели научиться прыгать так, как он.

К Ларионову просто так не подступишься. Его надо было заинтересовать. А чтобы Женька-растяпа не помешал и не ляпнул что-нибудь глупое, Остап купил ему за воротами эскимо на палочке. Братья шагали, едва не наступая на пятки Гене.

— Ну, как тебе фильм «Черная гора»? — громко спросил брата Остап. — Понравился?

— Ерунда! — солидно сказал Женька, выбрасывая палочку. — Вообще в кино показывают ерунду. Я видел... эти рыцари, когда писали письма, потом брали перечницу и посыпали письма перцем. Зачем? Чтобы потом другие чихали?

Остап открыл было рот. Но вдруг в это время совершенно неожиданно расхохотался Геннадий Ларионов. Хохочет и ждет, пока Остап с Женькой догонят его.

— Ну, даете! — сказал он. — Привет, бычки! Куда это в такую рань? — И снова зашагал широким, спортивным шагом.

— Гуляем,— солидно сказал Остап. Сердце его переполнял восторг: сам Ларионов разговаривает!

Они уже подходили к магазину. Гена поставил свой шест возле витрины.

— Можно, мы покараулим? — робко спросил Остап.

— Ну, что ж,— великодушно, как показалось Остапу, согласился Гена,— караульте, раз вам охота,— и исчез в дверях.

За мутным стеклом, похожие на снегурочек, расхаживали продавщицы. Остап с восхищением смотрел, как Гена в своей прекрасной майке выбивал чек, а сам с блаженством ощущал ладонями гладкую поверхность шеста. Он уже представлял себе, как бежит по дорожке сам, как отталкивается сам, как летит, летит — сам! И приземляется, как космонавт в невесомости, угловато, но точно.

— Можно, мы шест немножко понесем? — краснея, спросил Остап.

У Гены было отличное настроение.

— Ну, несите... чудаки!..

По улице шли трое. Один высокий и тонкий, легкий и сильный в своей прекрасной майке. А за ним — два мальчишки ему по плечо. Со счастливыми лицами они оба с разных сторон держали шест в четыре руки. Милиционер посмотрел на них и улыбнулся.

2

Пудреница упала набок и закатилась под штору. Этого не заметили ни мама, ни Надя. Ронять — плохая примета. Особенно с утра. Мама верила в приметы. Возможно, поэтому ее старший сын Леонид стал психотерапевтом—из чувства противоречия. А Надя пошла еще дальше — она была намерена в будущем стать крупным врачом-психиатром со спортивным уклоном, конечно.

— Все,— горько сказала мама,— все... Сегодня я либо не успею сдать квартальный отчет, либо в нем будет ошибка. Только бы не случилось, боже упаси, чего-нибудь с Леонидом в командировке! Вот чего я боюсь...

Пудреница спряталась.

— Надя! — убито сказала мама. — Помоги же найти! Ничего не успеваю, а тут еще...

— Вот она! — воскликнула Надя.

И обе они остановились у окна. Мама с пудреницей и пуховкой в руках, а Надя просто так.

— Суп свари... — сказала мама.

— У нас же тренировка! А потом сегодня уезжают наши легкоатлеты на Олимпийские игры, мам! Я сейчас поеду на аэродром.

— Господи!.. — сказала мама и махнула рукой, продолжая собираться. — Нет, ты посмотри... Ты только посмотри...

Во двор входили Гена и его шестоносцы.

— С таких-то лет! Ведь он может просто зазнаться! С чего это вы вчера, например, вздумали кричать под его балконом: «Ларионов! Ларионов!»?

— Но, мамочка, он же вчера взял такую высоту... а мы просто так... ну, шутя кричали...

— Вы, может быть, и шутя,— ответила мама, надевая туфли,— а он, может быть, и всерьез...

— Вообще-то я и сама боюсь, что Ларионов может зазнаться,— сказала было Надя, но мамины каблуки уже стучали по лестнице. — Боюсь... — сказала Надя сама себе. — Даже очень боюсь...

С этими словами она бросилась к книжному шкафу. Там в зеленых, коричневых, серых папках, пронумерованных, как в суде, туго связаны были суровыми тесемками сотни судеб зазнавшихся спортсменов. Надин брат писал на эту тему научную диссертацию.

«А может быть, моя идея не такая уж и безумная,— думала Надя, вытягивая одну из папок и ощущая легкую дрожь в пальцах. — Ларионова нужно спасти! Нужно сделать так, чтобы он не зазнался... там... в своем далеком и прекрасном будущем. Поэтому нужно, чтобы он зазнался сейчас...»

Вот они мы — олимпийские тигры! А заяц сюда затесался случайно.

А ничего не подозревавший Гена Ларионов улыбнулся Антону Филимонову, своему другу, который делал на балконе вдох — выдох. И, оттолкнувшись шестом, легко приземлился на своем балконе вместе с авоськой. Остап и Женька, задрав головы, восхищенно смотрели вверх. Надя, увидевшая все это из окна, прижала к груди папку с фельетонами о зазнавшихся спортсменах и прошептала:

— Ларионова надо спасать! Спасать, пока не поздно!

3

Надя опаздывала. Первая группа атлетов уже поднималась по трапу на самолет. Грохал барабан. Гремели трубы. Дирижер вытирал платком потный лоб. Цветы качались над головами. Надя врезалась в толпу провожающих и увидела Юрку Гусева возле гимнасток сборной. Юрка говорил одной из них, самой юной, сахарным голосом:

— Извиняюсь, вас, конечно, в столице причесывали?

— Н-нет... — наивно ответила гимнастка, счастливо и растерянно глядя по сторонам,— дома... в Казани...

— А-а-х! — картинно удивился Гусь.— Надо же, плиз пардон! Уже и туда докатилось?!

Гусь презирал всякую беготню за автографами. «Подумаешь,— говорил он себе,— сегодня ты, а завтра я! Не обязательно в спорте, подумаешь!» И, глядя вслед юной гимнастке, представлял такую картину: она приходит к нему в парикмахерскую, с умильным лицом проталкивается через толпу истомившихся клиенток и говорит: «Юрий Михайлович! Я умоляю... я знаю, что только вы... мне через три часа на самолет...» «Какие могут быть разговоры! — восклицает он.— Гусев никогда не сорвет мировое мероприятие!» Он в белом халате, у него длинные ножницы — пальцы Паганини, как говорит дядя Женя, и этими «пальцами» он сделает чудо женственности, как говорит дядя Женя, из этой маленькой вихрастой головы! Вот это автограф!

Тут он увидел Надю.

— Олимпийцев пришла провожать? Как же! Они тут извелись... «А где Надя, где Надя?!»

— Где Надя? — спросили звонко. Из-за тумбы с афишами выбежала Лена Гуляева, красная, запыхавшаяся.

— Что я говорил? — сказал Гусь. — Проводы срываешь!

— Шестовики идут! — взволнованно сказала Лена. Она потащила Надю сквозь толпу, подальше от Гуся.

— Ой, что я тебе скажу, Ленка!.. Я такое придумала! — Надя быстро прошептала что-то Лене. Та всплеснула руками и вскрикнула:

— Безумная идея! Совершенно безумная! В духе Нильса Бора!.. Погоди!.. — Она посмотрела в ту сторону, где Гена Ларионов брал автограф.

— Это Бузынин,— сказала Лена,— узнаешь?

Надя не сводила глаз с Ларионова. У Гены было спокойное, ясное лицо. Такое же, как у Бузынина. С ума можно было сойти, до чего все складно получалось! «Можно начать!..» — подумала Надя и сказала Лене:

— Чтобы он не зазнался, надо, чтоб он зазнался...— и подошла к Бузынину. — Простите... Это не просто школьник, товарищ Бузынин. Это ваша смена, растущая.

— Красота! — шепнула ей Лена. — Ленька Толкалин снимает!

Надя увидела: из-за щита с плакатами Леня Толкалин высунул свой киноаппарат. Он снимал тот самый момент, когда знаменитый шестовик говорил пока еще не знаменитому:

— Честное слово? Прыгаешь?

— И знаете, как прыгает! — вскричала Надя. — Выше всех во дворе, выше всех в школе, два метра пятьдесят сантиметров!

— Молодец!— восхитился олимпиец, высокий и прекрасный, как олимпийский бог. — Молодец! Только тебе с шестом еще рановато...

— Да я не с шестом,— сказал Гена,— я с палкой с бамбуковой.

— У него такая техника прыжка... такая... Талант!

— Сначала через планку прыгай,— посоветовал чемпион.

Сквозь толпу протиснулся репортер:

— Постойте, молодой человек, вы кто?

Ларионов жаждал исчезнуть немедленно.

— Наша растущая смена,— ответил олимпиец охотно,— наше ближайшее будущее!

— Чемпион двора,— подсказала Надя.

— Прекрасно! — воскликнул репортер. — Великолепно! Чемпион Союза и чемпион двора! Эстафета поколений!

Леня Толкалин работал — киноаппарат трещал упоенно. Вот олимпиец подает руку Гене... Какой сюжет! От «а» до «я»! Какие у них лица! И тут в объектив вплыла цветущая весельем физиономия Юрки Гуся.

— Привет! — сказал Юрка. — Ну, как вписываюсь?

— Что ты натворил! — завопил Леня плачущим голосом. — Теперь у меня нет концовки! Ты испортил исторический кадр!

— Как знать,— многозначительно сказал Гусь. — Как знать... Может быть, украсил!

Леня только и услышал, как олимпиец сказал, уходя:

— Счастливо оставаться, коллега-чемпион!

А Ларионов закричал вслед:

— Высокого вам шеста!

Гусь отошел. Снимать уже было нечего. Леня Толкалин расстроенно прислонился к щиту. Такие кадры погибли! Через несколько лет им цены бы не было! Законченный сюжет...

«Какой удачный день!» — подумала Надя с ликованием.

4

В ту минуту, когда Лена Гуляева безрезультатно звонила в квартиру Толкалиных, Надя выбежала из подъезда с криком:

— Форум на кворум!

За дверями надрывался звонок, и больше ничего не было слышно. Лена решила, что Леонид проявляет пленку, а когда он это делает, можно разбиться у его порога в мелкие дребезги, он не выйдет. Надин крик «Форум на кворум!» еще никому не был понятен, кроме Антона Филимонова, Вениамина Капитончика и самой Лены.

Она влетела в беседку, когда Надя раскладывала на столе свои папки.

— Его нет!

— Он опять где-нибудь что-нибудь снимает, — снисходительно сказал Антон.

— Он сейчас не имеет права снимать что попало,— холодно сказала Надя.— У нас первое заседание с двумя вопросами. Он нужен нам! Веня, фиксируй... то есть веди протокол, раз так.

Надя подтолкнула по столу карандаш и тетрадь. Капитончик вздохнул и взял, он не умел отказываться.

Капитончик был худ, длинен и очень неуклюж. Он никогда и нигде не мог толком разместиться, он мешал себе сам и всем другим рядом. Однако он был добрым, и это терпели. Надя мягко сказала:

— Ты только не толкайся, а то у меня папка из-за тебя падает... На повестке дня два вопроса... — Надя встала, сдувая со лба давно не стриженный чубик.

— Толкалин идет... — спокойно сказал Филимонов,— со скрипочкой. Полюбуйтесь!

Леня шагал через двор рядом с Виолеттой Левской. Он шагал и что-то такое ей рассказывал, у него очки сползли на самый кончик носа, а он не замечал. Виолетта смеялась, и два локончика прыгали над ушами, как пружинки.

— Леонид! — ужасным голосом сказала Надя. — Мы же тебя ждем!

Леня и не подумал остановиться.

— Толкалин, ты что, глухой?

— Сейчас,— сказал Леня облаку в небе и поправил очки.

— Это что еще такое?

— Я всегда помогаю ей нести скрипку,— вежливо сказал Леня,— у нее пальцы...

— Толкалин, ты кворум срываешь! А ты, Вита, не строй, пожалуйста, из себя лауреата международного конкурса!

Пружинки подпрыгнули над ушами Виолетты.

— А что мне строить? Я и так лауреат международного детского конкурса в Брюсселе!

Это могло убедить кого угодно, но только не Надю. Она сказала сухо·

— Это ничего не значит. Другие тоже лауреаты, но не строят из себя, а ты строишь. Толкалин, иди заседать!

— Все я... — уныло сказал Леня. — И снимай, и записывай, и заседай...

— Вита, скорее, тебе Федор Федорович звонит! — послышалось сверху.

Леня грустно посмотрел ей вслед, вздохнул, втиснулся между Капитончиком и Филимоновым, обреченно открыл магнитофон.

Надя молча посмотрела на всех по очереди. Потом таинственно похлопала по самой толстой папке.

— Здесь законспектированы все взлеты и падения чемпионов Олимпийских игр с до нашей эры. Не каждый выдерживает испытание славой...

— Ну и что? — спросил Антон, хмуря широкие брови и трогая пальцем собственный бицепс на правой руке; у него такая была привычка — проверять свои бицепсы, как будто они могли куда-то исчезнуть.

— Я предлагаю... зазнать Ларионова! — очень тихо сказала Надя и оглянулась кругом, не подслушивают ли.

— Это еще зачем? — удивился Антон.

— А затем, что лучше зазнавать его сейчас, пока бацилла славы не пустила корни. Пусть он лучше переболеет славой теперь, чем в будущем! Еще сам же потом и спасибо нам скажет!

— Ну уж нет,— сказал Филимонов. — Я не позволю вам портить нашего сызмала-рекорд-бея! Друг я ему или не друг?

— Не друг! — вскричала Лена. — Не друг, раз не хочешь помочь ему зазнаться! Кто лучше всех прыгает? Ларионов! Кто надежда нашего дома? Ларионов! А кто, может быть, в двадцать лет станет надеждой нашей страны? Ларионов, может быть...

— Мы должны его сохранить для большого спорта,— сказала Надя. — Толкалин, записывай!

— Записываю,— запоздало сказал Толкалин и записал сам себя. — Вон что придумали! Безумная идея!..

— Ерунда какая-то! — кивнул Антон и проверил бицепс на левой руке.

— Нет, в этом что-то есть...— сказал Капитончик.

— Вот! — обрадовалась Надя. — Вот именно! Мой брат что говорит? Он говорит, что все идеи, и безумные тоже, проходят три этапа: первый —«Бред какой-то!», второй — «А в этом что-то есть!», третий — все кричат «Ура!» и говорят, что помогали.

— Ура! — крикнул Леня Толкалин и записал сам себя.

— Да у него на пять лет вперед расписан план атлетическо-аскетических тренировок! — вскочил со скамейки Антон и стал пробираться к выходу. — Я все эти ваши штучки и слушать не хочу.

— А я сегодня ни в какое кино не пойду,— сказала вдруг Лена загадочным голосом и принялась накручивать на палец прядь своих прекрасных русых волос.

Антона Филимонова это остановило.

— Да ты послушай! — крикнула Надя. — Мы же с Леной изучили все Олимпийские игры с семьсот семьдесят шестого года до триста девятьсот третьего, а потом начиная с девятнадцатых Олимпийских игр. И мы законспектировали все взлеты и падения чемпионов мира по разным видам спорта... Ты знаешь, Филимонов, я вдруг выяснила, что многие спортсмены всех народов и разных времен и состояний... это я говорю про физическое состояние, конечно... справлялись и выдерживали любые перегрузки, ну, физически выдерживали... а морально — нет! Слава, знаешь, скольких погубила? Но если Ларионов сейчас зазнается...

— Да я бы на его месте уже давно зазнался,— простодушно вздохнул Капитончик. — Я бы и ждать не стал...

— Вот,— сказала Надя,— Капитончик всегда прав. Мы и не будем ждать. Мы проведем в нашем дворе свои олимпийские игры по прыжкам в высоту... Лентописец, записывай!

— Да записываю я. — И Толкалин снова записал самого себя.— Олимпийские, это я понимаю, а насчет Ларионова не совсем допонимаю, и зачем записывать, тоже недопонимаю...

— Потому что это научный опыт, — сказала Надя, — первый опыт в истории спорта. Мой брат на эту тему диссертацию пишет. А такого опыта у него нет. А у нас будет! Полезный!

— Полезный? — нерешительно спросил Антон Филимонов, поглядывая на Лену.

— Конечно, полезный! — воскликнула Лена. — И для Ларионова... и вообще... для спорта!

5

Как настоящий спортсмен, Гена Ларионов просыпался раньше всех. Еще спали родители. Из полуоткрытой двери другой комнаты слышалось вежливое похрапывание отца. Его портфель смотрел на Гену деловито ярким замком, похожим на круглый глаз.

Тихо делая легкую разминку, Гена приблизился к дверям столовой и замер. Все стекло балконной двери было заклеено большущими буквами и даже целыми строчками, как будто вместо газеты типография выпустила сегодня эту дверь. Буквы кричали в комнату: «Ура чемпиону двора и школы!», «Слава покорителю воздуха!», «Живая ракета земля — воздух!», «Будущий чемпион мира!» — и разные другие слова.

С одной стороны, Гене сразу стало очень приятно. С другой — он пришел в ужас: просыпается отец и все это видит... У отца было три ордена Славы. Но он, бывший разведчик, прикалывал их к пиджаку только в День Победы, а во все остальные дни выходил из дому, как самый обыкновенный человек. Гена бросился на кухню, налил кастрюлю горячей воды, схватил нож и тряпку... Он старался вовсю, смахивал пот со лба, тяжело дышал — никогда не было у него такой зарядки. И кто же это все тут написал?! Только бы узнать!

Стекла сияли невозможной чистотой. Прозвенел будильник. Потирая ладонями щеки, папа заспанно вышел из спальни.

— Физкультпривет? — спросил он.

Мама тоже вышла, зажмурилась и охнула:

— Нет, Сережа, ты только посмотри на наши окна! А Клавочка еще говорила, что этот порошок никуда не годится!

«Скорее всего это сделал Гусь... — думал Гена. — Из пакости. После того, как ребята устроили этот «крик восторга»...

Гусь тогда вышел на свой балкон, который вообще-то тот же самый, что у Ларионовых, только лестничкой перегорожен. Он вышел, ничего не сказал, но очень уж посмотрел и очень как-то плюнул... через перила.

Можно было бы вообще-то не смывать, пусть бы мама устроила этому Гусю шум. Конечно, со вчерашнего дня только и разговоров, что об олимпийских играх—своих, в своем дворе... Вот Гусь и издевается...»

Гена отставил чашку и вышел на балкон. Если Юрка сейчас там, он ему скажет... два слова! Папа спокойно развернул свежую газету, а мама пошла включать утюг.

— Позвольте, позвольте! Так как же ваша фамилия, юный чемпион?

Все балконы цвели майками, купальниками, плавками. Только он, Ларионов, один сегодня не делал физзарядки. Лена Гуляева крутила хула-хуп. Она была в красном и черном. Она крутила красный обруч, держа в руках развернутую газету. Хула-хуп вертелся, как бешеный, то у колен, то почти под мышками. Лена почему-то перестала последнее время заплетать косички, и теперь волосы ее летели, летели... Она смотрела то в газету, то на Гену. Странно, но это было именно так. Хотя в это время на нее смотрел Филимонов, тоже почему-то с газетой в руках. Он приседал и вставал. Очень охотно вставал и не очень охотно приседал. Лену было не видно. Но Лена смотрела все-таки на него, на Ларионова... Гена не выдержал и сделал стойку на перилах.

— Ах! — сказала Лена, и красный обруч упал к ее красным тапочкам.

— Автограф, пожалуйста! Автограф, пожалуйста! Автограф, пожалуйста!. — Гена Ларионов тяжело вздохнул.

В ту же минуту сделал стойку и Филимонов. И сразу же на балкон вышел Гусь, тоже с газетой в руках. Он посмотрел на обоих, стоящих вниз головами, и сказал:

— Ну и ну!.. Мир перевернулся! Тоже мне... подумаешь!..— и начал засучивать рукава. Гусь засучивал их решительно, пока они совсем не кончились.

— Ну и что? — спросили сразу Гена и Филимонов.

— Ничего...— проговорил Юра,— жарко...

— Золотая молодежь... — насмешливо сказала Лена.

Гусь вежливо поправил:

— Не молодежь, а молодец. Золотой молодец! — И удалился.

— Мать! — вдруг крикнул отец из столовой. — Иди-ка сюда... Сегодня мы с тобой именинники. Геннадий, что же ты молчал?

Газета лежала, распластанная, на столе. Чемпион Союза жал руку чемпиону двора.

— Антон! — шепотом крикнула Надя, стараясь не высовываться из-за балконных дверей. — Что ты, Антошка, делаешь?

— На голове стоит ваш Антошка, — добродушно сказала бабушка Филимонова, вынимая из букета на столе завядшие георгины.— Чем ему еще заниматься?

Филимонов был чуть грузноват, но лучше него никто стойку не делал. Даже Гена.

Антон встал на ноги:

— Я теперь что? Вообще ничего не могу?

— Ничего!— сказала Надя.— Ты теперь должен все делать так, как будто тебе вообще не дотянуться... Понимаешь?

Антон пожал плечами.

— У меня план... — опять шепотом сказала Надя. — Нужно сегодня Ларионова от тренировки отвлечь...

Звонок раздался оглушительный. «Ну и утречко!» — обреченно вздохнул Гена и пошел открывать. На лестничной площадке стояла Надя с газетой в руках.

— Примите привет и поздравления! — Она посмотрела на Гену, словно сравнивая газетное изображение с ним самим. А у того внутри просто все замерло. Он чувствовал, что вокруг что-то происходит, только вот что?

— Я на минутку... — нерешительно сказала Надя.

— Нет, проходи... Слушай, это ты все придумала?

— Что я придумала? — испуганно спросила Надя. — Кто сказал?

— Весь двор говорит. Все говорят.

— Как? — упавшим голосом проговорила Надя.— Уже весь двор?

— Ну да, Надя придумала свои олимпийские!

— Ах, олимпийские! Ну, конечно, я! И Лена еще, и Капитончик, и Филимонов...

— И молчите?! Только чур и с шестом! То есть с бамбуковой палкой, — поправил себя Ларионов.

— У нас спортплощадка маленькая! — Надя покачала головой.— Надо на стадион идти, директора упрашивать, а как тут без твоего авторитета?..

— А что? Это мысль! Я сейчас на тренировку, вот вместе и зайдем...

— Конечно! — беспечно согласилась Надя. — Только сначала в кино. Надо и отдохнуть. Ты же живой человек, хоть и чемпион... Там внизу Лена и Филимонов. Им будет приятно в компании такого человека...

— Культпоход, значит?.. Ну, ладно, нам по пути.

— Хороший фильм,— вздохнула Лена. Они уже стояли возле щита с афишей.

— Нестареющий...— сказала Надя.— Человек преодолевает смерть — эта тема никогда не устареет. Тебе полезно посмотреть.

— Я уже видел, — сказал Гена. — В первом классе...

— Тоже мне, видел! Что ты тогда понимал! — возмутилась Надя. — Тебе для воспитания воли...

Филимонов на все это взирал молча.

Гена не замечал, что за деревом стоит Толкалин с киноаппаратом и чуть дальше от него — малышня с газетами. Гена не заметил, как Леня махнул рукой. И малыши, размахивая газетами, окружили Гену: «Автограф, автограф!»

Остап взял Гену за локоть и попросил негромко:

— Автограф, пожалуйста!..

— Но я... Но... у меня ручки нет! — растерянно выпалил Гена, оглядываясь на Надю. — И вообще... что это за глупости!..

— У меня есть... — Надя с готовностью протянула ему ручку. — Стыдно, Гена!

— Конечно, стыдно! — вскричал Ларионов.

— Стыдно, — повторила Надя. — Не тебе стыдно, а за тебя стыдно. У тебя поклонники твоего таланта автограф просят, а ты отказываешься! Привыкай!

Гена виновато посмотрел на Антона и торопливо расписался на всех газетах. Толкалин снимал. Объектив его проследовал за малышами, которые, ликующе вопя и размахивая газетами, мчались теперь к белому ларьку с мороженым.

— Ну, вот... — вздохнул Ларионов, — теперь я совсем опоздал...

— Ничего... — утешила его Надя. — Ты известный...

— Популярный человек... — сказала Лена. — Можешь себе позволить... небольшой физ... культ...

— Да что вы, сговорились, что ли! — Гена взорвался. — Известный! Популярный! Талантливый! Ты-то чего молчишь, Антон!

— А чего? Они правильно говорят...

— Идем в кино.— Надя твердо взяла его за локоть.

— Ладно... — И Ларионов сунул шест под кусты газона, что-то, по-видимому, придумав.

Кинотеатр был новый. Он весь сиял стеклянно, а внутри можно было ходить, как по музею изобразительных искусств. Лена с Филимоновым уже сто раз тут были, Надя раза три, а Гене до сих пор было некогда. И, с любопытством оглядываясь по сторонам, Ларионов сам купил билеты, усадил друзей на места, но когда свет начал гаснуть, сказал: «Пока!»

— Ты куда? — растерялась Надя.

— На тренировку. Хоть я и талантливый и... какой там еще?.. А иду на тренировку.

— Дот! — с удовольствием сказал Филимонов.

— Какой дот? — спросила Лена.

— Железобетонный. Все отлетает снаружи.

— Тогда... Тогда...— сказала Надя упрямо.— Мы его взорвем изнутри.

6

Вечером удрученный событиями кворум снова собрался в беседке. Вся обстановка была в этот вечер такой, что Надина затея казалась чистейшей фантастикой. Доминошники бомбили стол, а джазисты разучивали новые ритмы. Молодые мотоциклисты, счастливые обладатели «Уралов», «Ижей» и «Панноний», кружились возле владельца собственной «Волги» Ивана Иваныча. Моторы стреляли, рычали. Дым застилал эту часть двора, как поле боя.

— Мы допустили ошибку, — сказала Надя. — Мы были слишком эмоциональны... Пусть Ларионов не поддается. Я предлагаю выработать для него перечень конкретных поступков, по которым будет ясно, что он зазнался. А ты, Филимонов, перестань «чуйствовать».— Она сказала это, как Райкин.— Тут думать надо. Я тебе сказала, что потом Ларионов скажет тебе спасибо.

— По-моему, — сказал Леня, — надо начать с того, чтобы он переоценил свои возможности... на сегодняшний день... и стал нарушать режим.

— Пока не получается!.. Для этого нужны какие-то внутренние сдвиги. Мы должны их организовать.

— Правильно,— Леня включил магнитофон,— он должен со своими старыми друзьями вести себя как-то иначе... свысока!

— Мысль хорошая, — одобрила Надя.

— С ним все дружат, — сказал Филимонов. — Что же, он должен со всеми рассориться, что ли? И вообще он дружит со мной...

— Дружил, — сказала Надя. — А сегодня он на тебя уже рассердился.

— Ерунда! Я вот сейчас к нему приду, и он рад будет...

— А ты не приходи. Потерпи.

— Мы с Генкой с четвертого класса дружим.

— Ты должен общественные интересы ставить выше собственных. У меня есть в папке такой случай... В общем, давайте за это голосовать!

— Могу я быть против?— спросил Филимонов.

— Можешь, — ответила Надя, — но руку все равно поднимай «за»! Не нарушай кворум!

Филимонов нехотя поднял руку, глядя на профиль Лены, сурово поднятый, как у королевы на старинной монете. Она посмотрела на то, как он поднял руку, и улыбнулась. И сказала:

— А изнутри все взрывает только одно...— Лена задумчиво посмотрела вдаль, где уже по-вечернему пустело небо и птицы летали так, как будто над домами не было никакого воздуха. Розовые тонкие облака прилипли к небу над горизонтом. Крохотные черные буксирчики ползли по морю, как черные жучки. — Изнутри все взорвать может только любовь!

— Гвоздь вопроса! — вскричал Толкалин. — Гениально!

— Серьезней, Леонид, — строго сказала Надя. — Мы и сами знаем силу любви. Но сейчас все рассматривается с научной точки зрения. — Надя открыла папку и вынула брошюру.— Вот, кандидат педагогических наук. «Как правило, подросток впервые влюбляется в двенадцать тире четырнадцать лет»... Как правило, ясно? «Чаще всего она — одноклассница или соседка по дому». Соседка, ясно? «Не надо пугаться, что подросток забрасывает все свои прежние увлечения»... Забрасывает! «Противоречит, становится ироничным, высокомерным»... Высокомерным! — Надя ликующе захлопнула брошюру. — Вопросы есть?

— Есть! — хмуро сказал Филимонов. — А в кого он должен влюбиться? Я что-то не вижу... В Зинку из пятого подъезда?

— У нее нос длинный, — поморщился Капитончик.

— А в твою сестру? — подсказал Антон. — Она кудрявая и открытки киноактеров все время покупает...

— Ей только в куклы играть... — засмеялся Капитончик.

— Может, в меня? — сама себя спросила Надя.

— Нет, ты не подходишь, — сказал Леня. — Ты у нас интеллигентный, эрудированный человек. Тут надо про разные там облака и луну говорить, а ты парапсихологией напичкана.

— Я не обиделась, — обиженно сказала Надя. — Ты такие приятные слова говоришь... А может, пусть в Виту Левскую Ларионов влюбится. Она у нас и знаменитая, и красивая, и вздыхать умеет...

Леня покраснел и помрачнел в одно и то же время.

— Не влюбится! Она человек цельной натуры. Она не может любить сразу двоих. А надо, чтоб на правду было похоже.

— Тогда я влюблюсь! — решительно сказала Лена. — Я никогда еще не отказывалась от общественных поручений. — Филимонов потемнел. — Ну, не влюблюсь, а как бы влюблюсь, — пояснила Лена.

— Не понимаю! — хрипло проговорил Антон.

— Эх, ты, она же красивая!.. — Леня поправил очки, глаза его светились.— Она самая красивая девчонка во дворе.

— И к тому же налицо будет следующее, — сказала Надя. — Он как бы отобьет Лену у своего друга. Такие случаи очень типичны в спорте. Я могу привести примеры...

— Не надо никаких примеров,— сказал Филимонов. — Что ж, она так и скажет ему: я тебя люблю...

— Не скажет, а как бы скажет... Но лучше всего пусть она сперва пишет записки. Таинственные.

— Но не пишет, а как бы пишет... — покраснел Филимонов, все его лицо кричало: что вы со мной делаете!

— «Как бы» не получится, — сказала Лена, — писать придется по-настоящему. Если хочешь, давай вместе...

— Записывай, Толкалин. Ларионов должен влюбиться в Лену Гуляеву. А ты, Филимонов, успокойся, все настоящие научные опыты проходят в тяжелой обстановке и требуют жертв. Ты теперь принадлежишь не себе, а науке.

— Кинохроника! — танцевал Леня.— Ларионов зазнался, мы все от него отвернулись, он с горя попадет в плохую компанию. Тут небольшой танчик «Мистер Твистер». А потом...

— А потом,— сказала Надя,— Ларионов ставит все рекорды: пионерский, юношеский, взрослый, всесоюзный, европейский, мировой! Дадим стране чемпиона по прыжкам в высоту с прочным иммунитетом против звездной болезни! Ура!

7

Гусь открыл один глаз. Второй был закрыт подушкой — Юрка любил спать на животе. Дома было тихо. Браты-акробаты Остап и Женька еще спали. Солнце ковром лежало на стене.

Юрка вскочил и выглянул из окна. Надя прилепляла здоровый лист ватмана с какими-то рисунками к забору. Гусь торопливо влез в брюки и помчался во двор. Надя вешала стенную газету. Гусь тихо встал за ее спиной: вся газета была посвящена Ларионову. Передовица называлась «Наша надежда», стихотворение называлось «Ввысь», вполгазеты были нарисованы «Три богатыря», как у Васнецова, только вместо Ильи Муромца Гена Ларионов с шестом наперевес, как с пикой... Надя приклеила газету, потом достала из карманчика фламастер и чуть поправила прическу у Гены и гриву у его коня.

— Неплохо, — сказал Гусь и взял из ее рук фламастер. — Сама рисовала?

Надя растерянно молчала.

— А это ты о себе? — Гусь показал на передовицу.— Наша надежда! Ах, я и забыл, у нас теперь две надежды — ты и Ларионов.

— Сорвешь? — спросила Надя.

— Возможно... Я против тайн мадридского двора...

Из подъезда выбежал Филимонов.

— Отойди! — крикнул он.

— Пожалуйста! — пожал плечами Гусь. — Я могу отойти, могу и подойти! Вы часового поставьте.

— Пошли, Надь... — Как сказал древнегреческий философ Сенека: «Не мечите бисер...»

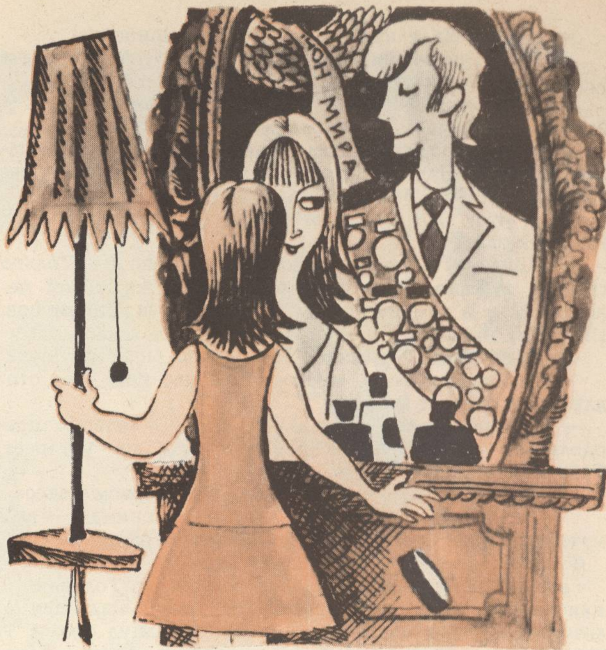
— Чего вы с Ларионовым носитесь? — спросил Гусь. — Думаешь, если он всем нравится, так и мне тоже должен?

— Почему ты так груб? — мягко спросила Надя.

— Мне про бисер, а я груб? — воскликнул Гусь.— У меня голос такой.

И не успели Надя с Антоном опомниться, как Гусь одним движением пририсовал Гене залихватские усы.

Вечером Гена вышел на балкон. И остановился, с изумлением глядя на маленький шахматный столик, который давно выставили за ненадобностью и который еще вчера вечером был покрыт пылью. Сейчас столик был чисто вытерт, на нем лежал лист белой бумаги, прижатый камешком. На бумаге очень красивый цветок, под цветком открытка. С нее прямо Гене в глаза, загадочно улыбаясь, загадочно смотрела Незнакомка Крамского. Гена повертел открытку. На ней ничего не было написано. Незнакомка не спускала с Гены прекрасных глаз. Зимний Петербург за ее спиной был окутан дымкой. Как, впрочем, и то обстоятельство, каким образом она тут очутилась... Может, опять Гусь?

А рядом с нею стоит Ларионов!..

Гена спрятал открытку за пазуху и принялся рассматривать цветок. На длинном стебле несколько нежных сиреневых колокольчиков. В цветке должен был таиться какой-то намек, и к тому же такой цветок Гена где-то уже видел, только не мог припомнить, где именно. Мама была дома. Гена осторожно прошел в комнату и так же осторожно воткнул цветок в букет, который мама вчера купила после работы. Он постоял какое-то время тихо, потом сказал:

— Очень хороший букет... Особенно вот этот цветок.

— Ах, — сказала вошедшая мама, — его вчера не было! Расцвел за ночь.

— А ты не скажешь, как он называется? — спросил Гена.

— Наперстянка!

И Гена вспомнил: он видел этот цветок в книжке о Циолковском. Наперстянка — ее любил Циолковский! «Живая ракета земля — воздух!» Он окончательно запутался в своих разбирательствах и в очень смущенном состоянии отправился к Антону Филимонову.

— Привет! — сказал Гена и протянул Антону открытку.

Антон посмотрел на нее, как на пустое место.

— Ты чего, коллекционированием занялся?

— Хорошенькое дело! — воскликнул Гена. — Тут что-то вокруг непонятное все время творится, а ты... Я говорить тебе не хотел... знаешь, как-то так было... но мне какой-то дурак всю балконную дверь исписал разными восклицательными предложениями, а сегодня вот это подсунули...

— Слава пришла, — пожал плечами Антон. — Со всеми знаменитостями так поступают... разные почитатели... То-то я тебя не узнаю... какой-то ты не такой стал.

— Какой не такой? — ошарашенно спросил Гена.— Я такой! Я очень даже! И всегда буду таким!

— Ну, не такой... стал о себе много думать...

— Это когда я о себе стал думать?

— А что, нет, что ли? Вот спортплощадку не хочешь расширять...— Антон все это говорил какими-то чужими словами и с чужим выражением лица.

— Как это не хочу! — крикнул Гена.— Да я хоть сейчас!.. Хоть сию минуту!

— Тише,— сказала бабушка из комнаты.— Тут такая песня, а вы кричите...

«Это что же? — с ужасом подумал Гена. — Или я на самом деле не заметил, как стал совсем не такой? Ведь все вон с каким уважением ко мне относятся, а я... а я только знаю, что торчу на стадионе. Сегодня же пойду к Наде и скажу, что готов стать на спортплощадке главной рабочей силой!»

8

Лена вышла из подъезда в белом платке с золотистой вышивкой, и все, кто видел ее, замерли: Антон, читающий в шезлонге,— глаза его наполнились страданием, Гена, переживавший разные противоречивые чувства, вдруг обо всем забыл, Гусь, стоящий в окне в новой бешеного цвета рубахе, и даже Капитончик, сам с собой игравший в баскетбол на спортплощадке, будто весь сломался и стал походить на палочника — есть такое насекомое, словно бы состоящее из палочек, такое неуклюжее, длинное и тонкое.

Лена проплыла под конвоем Нади до окна Гуся и к изумлению всего двора сказала чарующим голосом:

— Георгий! Спустись на минутку.

У Филимонова сделалось такое лицо, как будто ему в научных целях стали отпиливать руку.

Из дверей подъезда Гусь вышел важно. У него, оказывается, не только рубаха была новая, но и брюки сиреневого цвета и туфли с тупыми носками. С заднего кармана брюк на весь двор кусок коричневой кожи сообщал, что выпустила их фирма «Райфл». Лена ждала его под платаном.

— Ну, чего тебе? — Гусь потупил глаза.

— Иди сюда... — сказала Лена. — Не правда ли, какой прекрасный день?..

Гусь оглянулся по сторонам. День был действительно прекрасный.

— Ничего... — сказал Гусь. — Вполне.

— Ты знаешь... — сказала Лена. — Я вот давно хотела с тобой поговорить... Почему бы тебе не заняться спортом?

— Чем?!

— Спортом! Вон какие у тебя перспективные ноги!

Гусь с интересом посмотрел на свои ноги.

— А какой мне хозрасчет бегать и прыгать? — усмехнулся он.— Я человек занятой...

— Ну, а если... — Лена посмотрела прямо в глаза Гусю, и он взгляд ее не выдержал.— Если я тебя очень попрошу?

Гена почувствовал себя совершенно по-дурацки, стал смотреть куда-то через собственное плечо.

— Мы бы тебя главным хранителем олимпийского огня сделали! — принялась уговаривать Лена.

— Дымовым, значит?

— Лично для меня значит, а что значит, не скажу.— Тут Лена сделала вид, что оговорилась. — Для всех нас! Для всего двора, что ли, не можешь?

— Вот тут, — Гусь постучал пальцем по голове, — мужики сумлеваются... Ларионова же все равно не перепрыгнешь.

— Не стараться, так и не перепрыгнешь!

Она схватила его за руку и потянула в сквер через дорогу. Гусь застеснялся...

— Ты тайну хранить умеешь? — горячо спросила Лена.

— Хоть две! — гордо заявил Гусь.

— Ну смотри же! — И тут Лена страшным шепотом все рассказала ему про Ларионова, которого надо зазнать... для будущей славы. Гусь долго думал.

— Ладно, — проговорил он, наконец. — Я согласен. Я-то думал, что ты... а ты... ладно... Это дело по мне! Люблю разыгрывать!

9

На стадионе было пусто. Один Ларионов беспощадно гонял себя по гаревой дорожке.

— А вот бегает наш талантливый, наш незаменимый, — сказал Гусь.

Ларионов остановился.

— А вот он перестал бегать... — сказал Гусь.

— Ну? — нахмурился Ларионов. — Чего тебе?

— Научи прыгать!.. — Гусь умоляюще сложил ладони. —Сам видишь, ноги у меня перспективные. Возьми меня в ученики... Такой, как ты, должен после себя оставить...

— Все дурачишься? Уйди с дороги!..

Гусь встал на колени:

— Геня, от слова «гений», конечно. Возьми меня в ученики!

— Ты что, за дурака меня считаешь?

— Таков закон. — Гусь поднялся и отряхнул брюки.— У каждого мастера должны быть ученики!

Ларионов, закусив губу, помчался на него с шестом наперевес. Гусь не сдвинулся с места, глядя на Гену, как на приближающийся поезд.

Ларионов легко перемахнул через него, промчался дальше и взял высоту. Юра подбежал к стойкам.

— Три метра семьдесят один сантиметр... — почти шепотом восхищенно сказал он и завопил: — Гениально! То есть Геня-ально!

Ларионов, недовольно оглянувшись, увидел в глазах Гуся неподдельное восхищение и смягчился.

— Да что там! — сказал он. — Олимпийский рекорд Кука и Джильберта тысяча девятьсот восьмого года.

— Девятьсот восьмого? — удивился Гусь. — Так недавно?.. Поучи меня, я тебя прошу, честное слово! Я могу с двумя чемоданами забор перепрыгнуть... Я раньше недопонимал, а теперь...

— С двумя чемоданами? — недоверчиво спросил Гена.

— Честное слово! Я у бабушки в деревне...

— А почему с чемоданами?

— А потому, что у нее собака злая. Я как приеду, так с чемоданами через забор. А знаешь, какие чемоданы? Там даже тушенка в банках — мама посылала.

— И как ты бежал?

— А вот так я бежал... — Гусь поставил планку на высоту бабушкиного забора, разбежался и — прыгнул!

— А ну-ка, покажи еще раз...

Гусь показал и спросил:

— А когда тренироваться-то будем?

— А мы уже тренируемся!

Домой они шли, дружно разговаривая...

А двор преображался. Капитончик красил зеленой краской скамейки для зрителей. Дворник мастерил чашу для олимпийского огня — оказывается, до пенсии он работал сварщиком. Металлическая круглая чаша цвела фиолетовыми огнями. Ни одного бездельника: кто таскал, кто копал. Все происходящее венчал лозунг, приклеенный на забор: «Даешь олимпийские! Равняйтесь на Ларионова!».

— Возьми меня в ученики!

Гена засучил рукава. Рукавов, конечно, не было, но было такое движение.

— Где моя лопата? — громко спросил он.

— И моя? — спросил Гусь.

— Твоя вон там, возле песка, — сказала Надя Гусю. — А ты, Гена, иди домой! Ты работать не будешь. Нас много, ты один. Отдыхай, набирайся сил! Тренируйся...

Ларионов некоторое время болтался по площадке без дела. Потом постоял несколько минут рядом с дискоболом, выпиленным из фанеры (он открывал будущую аллею греческих героев), и поплелся нехотя домой, сопровождаемый сочувственным взглядом Гуся.

10

Был вечер. Был тот час, когда настоящий спортсмен должен уже спать. Филимонов сидел на диване, мрачно глядя на бабушкину спину. Интервидение передавало репортаж о международном турнире по боксу.

«И все-таки непонятно, почему они решили зазнавать одного Генку, — думал Антон. — Я же не собираюсь бросать прыжки! Значит, и я могу заболеть звездной болезнью! Ну и что из того, что я прыгаю на двадцать один сантиметр ниже? В конце концов на пьедестале почета, кроме первого места, есть и второе!»

Он не стал пить чай. Он поставил чашку и подошел к окну. На своем балконе Виолетта Левская устроила скрипичный концерт, возможно, услаждая слух Ларионова, который, возможно, тоже еще не спал...

А Ларионов уже почти спал. Вообще-то он должен был в этот час спать совсем. Но под подушкой у него лежала открытка с Незнакомкой. Он чувствовал рукой прохладную поверхность картона и видел, борясь со сном, сиреневые ее глаза, глядящие прямо на него... Гене казалось, что молдавские мелодии звучали из тех окон, которые были за спиной Незнакомки. Когда он заснул, мелодии превратились в прозрачные голубые волны, в какие-то большие теплые цветы над морем...

В своей маленькой комнате стояла перед зеркалом Лена. Она взяла мамин голубой карандаш и накрасила своему отражению веки голубым. Потом черным карандашом она удлинила своему отражению глаза. Потом взяла сиреневую помаду и нарисовала на зеркале свои губы. Она подняла волосы вверх — не понравилось. Она положила их над ушами широкими кольцами. Ах, как хороша была Лена в зеркале!

Лена стояла, замерев, и воображала там, в зазеркалье, рядом с собой Гену! Гену, с его широкими плечами, глазами зеленоватого цвета, с его будущим волевым, спокойным лицом. Она воображала какое-то будущее время, и в зазеркалье она была старше, и Гена был совсем взрослым, и на груди его на широкой ленте медали, медали, медали, медали... И он стоит с ней рядом, и медали эти позванивают, позванивают...

Надя закрыла окно. Было душновато, но лирические напевы, которые с таким старанием исполняла Вита, мешали ей работать. Она погрузилась в одну из папок, держа в это время руку на раскрытой странице новой книги, купленной братом. Надя смотрела то в книгу, то в папку на конспект, потом взяла лист и написала: «Звездная болезнь должна подкрадываться к человеку незаметно, постепенно, поражая...» Что поражая?

Скрипка еще играла, и Надя с удовольствием подумала о том, что Вита Левская — хоть и легкомысленная внешне девочка, на самом деле работоспособный и деловой человек.

11

Забавная штука, думал Гена, шагая по стадиону за Гусем, все было как-то как положено, все было спокойно и хорошо. Но почему-то сейчас стало как-то не так, совсем не так, но тоже хорошо, хоть и по-новому, по-другому... Что-то такое внутри появилось теплое, совсем не спортивное.

— Эх, Гусь, давай! Давай, Гусь! Смотри, Гусь!

Гена побежал, Гена оттолкнулся, Гена взлетел.

— Гениально! — завопил Гусь.

Гена взял еще одну высоту. Гена летел на крыльях своего непонятного настроения...

— Теперь ты! — крикнул он Гусю.

Гусь долго и забавно примерялся, с некоторым страхом глядя на планку, которая была значительно выше бабушкиного забора.

— Три тридцать... — сказал Гена. — Не подкачай!

Гусь прыгнул — сбил планку. Прыгнул еще. Опять сбил!

— Давай, давай! — крикнул Гена. — Не раскисать!

Гусь отчаянно ринулся на третью попытку.

— Взял! — заорал Гусь, валясь на спину и дрыгая ногами.

— Еще не совсем чисто, не совсем! — сказал Гена.— Смотри, как надо...

Гусь смотрел, стоя почти на четвереньках возле дорожки. Смотрел... и увидел: на заборе Леня Толкалин и еще какие-то личности с киноаппаратами снимали этот великолепный Генин прыжок.

— Не мешайте! — нарочно завопил Гусь, хотя Толкалина привел сам, только оставил за забором.

Гена приземлился — он был в воздухе, как в воде дельфин. Не техника — ювелирная работа!

— Чего вам опять? — спросил он, загораживаясь от кинообъектива.

— Делаем кинограмму твоих прыжков, — невозмутимо ответил Толкалин. — На сегодня довольно.

— Ну, старик, — сказал Гена Гусю. — Знаешь, старик, из тысяча восемьсот девяносто шестого года ты, пожалуй, вырос, подумай теперь о тысяча девятьсот четвертом... об олимпийском рекорде Дворака в Сент-Луисе.

— А сколько это? — перетрусил Гусь.

— Три пятьдесят пять...

— С трех тридцати сразу три пятьдесят пять? — ужаснулся Гусь.

— Не сразу, а постепенно, — сказал Гена. — У тебя, старик, действительно перспективные ноги... Ну, начинай... Разомнись еще немножко...

Гусь с готовностью побежал по кругу. А Гена вдруг рядом с брюками и рубашкой увидел... открытку с Незнакомкой. Сердце его горячо стукнуло. Он поднял открытку. Внизу было написано чертежным шрифтом: «Таинственная незнакомка»...

Ларионов оглянулся. Никого... Он задумчиво побрел по дорожке.

— Действует... — сказала Надя, глядя на все это через щель забора. — Пиши новую незнакомку! Теперь он будет раздражаться, станет высокомерным, станет рассеянным... Влюбится, одним словом...

— А вдруг он влюбится в открытку, а не в меня?— сказала Лена.

Гусь старательно бегал по кругу, а Ларионов сидел на опорном ящике и задумчиво смотрел в никуда. Потом достал из кармашка карандаш и что-то написал. Затем попытался прыгнуть, взлетел тяжело, сбил планку... Какое-то время простоял, глядя на море. И, положив шест на плечо, ушел со стадиона, рассеянно улыбаясь.

Надя и Лена ждали минут двадцать, забыв про Гуся. Надя перелезла через забор, взяла открытку. Внизу было написано: «Как вас зовут?»

— Влюбился... Все... — сказала она. — Назначай свидание... в парке у фонтана.

— А вдруг он придет на свидание с незнакомкой, а не со мной? — снова забеспокоилась Лена.

Гена засыпал, расслабляясь по системе йогов, не зная, что Гусь подглядывает через реденькую штору, как Гена успокаивает себя. При этом и Гусь сам себя успокаивал. Надя поручила ему нарисовать спящего Ларионова, но не ночью же было подглядывать, как Гена спит. Кроме того, Гусь не очень был доволен таким поручением: все-таки Гена его учит... Но тема была такая, что Гусь решил это поручение исполнить. Надо было нарисовать Гену во сне и назвать эту картину «Олимпийское спокойствие». За спиной Юры трепетно ждали Филимонов и Надя. Занавески шевелил ветер.

— Спит... — сказал Гусь. И они все тихо вошли в комнату.

Ларионов вдруг дрыгнул ногой и сказал во сне:

— Левая нога... должна быть... как стрелки на часах... в положении без пяти шесть...

— Тренируется! — восхитился Гусь. — И во сне тренируется!

— Вот именно, — мрачно сказала Надя. — Надо разбудить. Это не сон — спать так спать.

— Пусть хоть во сне никто ему не мешает.

— Сейчас возьму... рекордную... Шесть метров девяносто...

— Надо будить, — повторила Надя. — Если уж срывать тренировки, так срывать до конца!

— Погоди, — попросил Гусь. — А вдруг возьмет?!

Ларионов сдвинулся всем телом, так что ноги протиснулись сквозь прутья спинки. Затем резко надвинулся на подушку и замер. Все переглянулись.

— Интересно, взял или нет? — прошептал Гусь. — Шесть девяносто еще никто не брал... даже во сне...

— А ты спроси! — съехидничала Надя.

— Ларионов, — тихо окликнул Гусь, — взял рекордную?

— Не взял...— спокойно ответил спящий Ларионов.

— Честный человек и во сне честный, — с уважением сказал Гусь.

— Сейчас, со второй попытки, — забормотал Ларионов.

— Да разбудите же его! — приказала Надя.

— Гена! — рявкнул Гусь.

От такого вопля Ларионов прямо-таки взвился над кроватью. В комнате никого не было. «Переутомление,— с некоторым испугом подумал он. — Надо размяться». Он вышел на балкон. На шахматном столике снова лежала открытка. «Завтра после двенадцати у фонтана в городском парке».

Во дворе по-прежнему строили, копали, сыпали песок. Дворник дядя Саша устанавливал спортивных греков вдоль главной аллеи. Антон подпиливал дискоболу слишком большой нос. И в это время во двор вошла группа мальчиков и девочек с барабаном и красным флажком, промаршировала туда, где Надя с Леной обкладывали кирпичами клумбу. Все бросили работу.

— Мы делегация, — громко сказал мальчишка лет одиннадцати, которого Гена встречал в соседнем дворе.

— И мы, — сказала девочка, которую Гена никогда не видел.

— И мы... — Оказалось, что тут было целых три делегации. Девочка сказала голосом председателя, рапортующего пионервожатой:

— Прослышав о вашем почине, мы вам заявляем, друзья, что это уже не причина, присваивать игры нельзя!

— Наши олимпийские игры вызывают ваши олимпийские игры на соревнование! — сказал мальчик из соседнего двора.

И спортплощадка превратилась в спорплощадку.

— Выискались на готовенькое! Зря пришли!

— Почему это зря?

— Потому что чемпион олимпийских игр у нас во дворе живет!

— Как это чемпион... как это у вас... и как это живет? Он, может быть, вовсе даже у нас!

— Покажите! — заорал форум.

— Мишка, покажись! — заорали гости.

— И как можно показать? — снова заорали гости.— Его покажут соревнования, — сказал тот самый, которого звали Мишкой.

Форум раскатился хохотом и свистом.

Тогда Надя, все время о чем-то думавшая и смотревшая на все молча, вдруг сказала:

— Ребята, тихо!

Из подъезда выскочил Леня с киноаппаратом. Надя строго посмотрела на делегатов.

— Вызов принят! — сказала она.— Но чемпион живет у нас во дворе.— И она показала рукой на Ларионова.

— Ну, что ж,— солидно ответил мальчик из соседнего двора.— Пусть живет. А пока мы готовы принять участие в работах на вашем стадионе.

— Поможем! — закричали делегаты.— Где инструмент? Куда становиться?

Толкалин метался, снимал, снимал...

— А может, все снова повторим? — умолял он.— А? Ну... снова!.. Какое начинание! Какой вызов!

Ах, вот как?!. Ну, до СВИДАНИЯ!

12

«Идти или не идти? — думал Гена, уже приближаясь к парку.— Идти или не идти?» Однако ноги несли его сами и донесли до кустов сирени возле фонтана и остановились. Гена с жадностью стал всматриваться во всех, кто там был.

Девочка! Она шла медленно, в красном платьице, волосы у нее были черными. Она ела мороженое и загадочно смотрела по сторонам... Нет, прошла мимо!

И вдруг! Красивая желтоволосая девчонка с красными бантиками, заносчиво держа голову на высокой шее, до невозможности тоненькая, подошла к фонтану, ступая носками в первой позиции, как балерина.

Гена начал перемещаться к ней, скрываясь за кустами. И... внезапно налетел на Лену, которая также, прячась, напрасно высматривала у фонтана его.

— Здравствуй!— испуганно воскликнула Лена.— Ты что?

— Здравствуй! — растерянно сказал Гена.— А ты что?

— Гуляю...— сказала Лена, поправляя оборку на новеньком платье.

— Я тоже... гуляю...

Лена перехватила его взгляд в сторону «балерины».

— Ну, до свидания! — вспыхнув, сказала она, подчеркивая слово до СВИДАНИЯ.

— И никакое не свидание! — слишком горячо воскликнул Гена и добавил жалким голосом: — Гуляю я...

— Не выдумывай! — Лена с ненавистью посмотрела на «балерину», хотя при чем тут она...

А «балерина», взглянув на часы, рассерженно топнула ножкой и пошла к выходу из парка, ступая ногами, как обыкновенные люди, без всяких позиций.

Настроение у Гены было совсем неважное, когда он пришел во двор, уже гудевший приготовлениями. Сегодня должны были состояться показательные соревнования.

Свой двор стал похож на чужой — столько понашло ребят! Над зрителями уже взлетали кепи, тюбетейки, панамы, платки с козырьками.

Первым разбегался Гусь. Прыжок — планка сбита. Еще прыжок — сбита опять. В третий раз Гусь взял высоту! По просьбе Филимонова планку установили выше. Разбег — высота взята. Болельщики зашумели. Миша пошел на ту же высоту, что и Филимонов. И взял! Раздались вопли: «Мы говорили! Чемпион у нас живет! Миша! Поднимай выше!»

Подняли. Миша взлетел над ней!

— Ура! — вопили соседи.

— Гена! — орали свои.— Не подкачай! Дай фору! Тоже мне, Миша!

Гена разбежался... И не взял.

— Поднимите планку! Ларионов прыгает все-таки! — крикнул он в отчаянной тишине. Планку подняли. Гена закусил губу и помчался вперед.

— Гена! Гена! Генка-Геночка-а-а!..

Снова слетела планка. Ларионов растерялся, долго лежал в яме с поролоном, потом поднялся и сказал небрежно:

— Еще попытку! Четвертую! Лично для Ларионова...

— А ты кто такой, чтоб тебе четвертую? — вдруг завопил Антон.— Всем три, и тебе тоже... Ишь какой нашелся!

— Да я Ларионов! — закричал Гена.— Ларионов! — И он еще долго кричал на всех, какой он Ларионов.

И когда на стадионе стало тихо, Лена громко сказала:

— Ты, я вижу, зазнался, и мы тебя за это дисквалифицируем.— Потом она пошепталась с кворумом и добавила: — И вообще... отстраняем от соревнований!

— Чихал я на вас и на ваши игры! — крикнул зло, по-настоящему зло, Ларионов и зашагал со спортплощадки.

13

Уже после соревнований, после того, как вымели мусор, кворум собрался в полном составе, но с разным настроением. Филимонов на этот раз был счастлив, все остальные подавлены.

— Вот, что я вам говорила!..— сказала Надя.— Я не ошиблась... Только как-то все равно его жалко...

— Ну,— сказал Филимонов.— Теперь надо зазнавать меня! Немедленно зазнавать!

— Хорош гусь! — воскликнул Гусь.— И этот туда же.

— Ты серьезно... Или шутишь? — сказала Лена.

— Шучу? — горячо вскричал Филимонов.— Я шучу? Вы ему вон как, а мне? Что я, хуже? А если я потом зазнаюсь? Я сейчас хочу зазнаться! Чтобы потом...

Лена сказала грустно:

— А ты уже зазнался...

— Ты уже тоже зазнался,— сурово проговорила Надя.— И, кажется, не сегодня. Это я виновата... просмотрела... Я теперь жалею, что все это придумала... Мы все, кроме вон Капитончика и Гуся, зазнались...

И они подтащили его к стене города...

— То есть? — удивилась Лена.— Это как же?

— А так же...— сказала Надя.— Я решила, что самая умная, ты — что самая красивая, Ленька — что самый-самый из всех кинооператоров. Один Капитончик нормальный остался да Гусь: вообразил, что он хороший и может прыгать, и стал хорошим и прыгнул...

— Значит, так? — сказал Антон.— Значит, на попятную? Значит, меня побоку? Тогда я тоже выступать не буду!.. Даю вам двадцать четыре часа на размышление! Вы без меня провалитесь! У них Мишаберивыше вон какой! Не хуже Ларионова!

С балкона лились молдавские мелодии. Вита продолжала трудиться на научный опыт.

— Ты ей скажи, Леонид, чтоб она перестала,— попросила Надя.— Уже хватит... Олимпийские мы теперь проиграем. Ларионова нет, Филимонова нет...— Кворум уныло и постепенно расходился. Надя одна осталась на скамейке.

Спустя минут двадцать чья-то тень замаячила на асфальтовой дорожке. Надя всмотрелась — к беседке шел Гена.

— Послушай, я тебе открою секрет...— начала было Надя.— Мы хотели, чтоб ты зазнался... в педагогических целях: чтоб ты не зазнался...

— Я все уже знаю,— перебил он ее.— Ладно уж... Раз так...

— Эх ты... а ты по-настоящему...

— Я сам виноват. Я не знал, что я такой. Ты понимаешь, не предполагал... Вот жалко, что на олимпийских не буду выступать. Получается, живешь и не знаешь, какой ты на самом деле... Так, что ли?

Гена засмеялся, хотя на глазах у него были настоящие девчонские слезы.

— Ты чего? — спросила Надя.

— Ничего...— сказал Гена.— Вот я уже и в отставке.

— Не в отставке,— сказала Надя,— а как бы в отставке.

— А вы тоже... я вам кролик, что ли?

— Скажу тебе честно: была у меня надежда, что бы мы ни делали, а ты все равно не зазнаешься... а ты... Эх, ты!.. Видно, моя идея была слишком безумной!.. Ты кролик, а я думала, что тигр... Олимпийский тигр...

Поздним вечером Гена шел по парку, одиноко постоял у фонтана. Становилось все темнее. Далеко позади остались огни главной аллеи. Ветви деревьев грустно шелестели над головой. И вдруг впереди мелькнул огонек. Появился странный столбик света, словно кто-

то нажал кнопку карманного фонарика и зачем-то направил его в небо. Быстрый, легкий бег, звенящий шлак дорожки — мимо Ларионова пронеслось какое-то чудное видение, на миг мелькнувшее в свете фонарика, поднятого, как факел,— девочка, стремительная, как полет стрелы, снопом света проструились светлые волосы... Все это произошло быстро, мгновенно! Потом луч вдруг ударил ему в лицо, раздался вскрик, Ларионов закрыл глаза... Только затихающие шаги услышал он вдалеке. Глаза опять привыкли к темноте, различили контуры деревьев и что-то маленькое, темное на дорожке. Гена нагнулся и поднял... тапочку с шипами.

Тихо было в аллее, лишь шелестел листьями заблудившийся в деревьях ветер. Ларионов долго стоял с тапочкой прекрасной незнакомки, как спортивный принц со спортивной туфелькой спортивной Золушки...

Гусь бегал, бегал, бегал... Ларионов сидел рядом и не спускал с него глаз.

— Куда у тебя нога пошла? — кричал он.— Руку выше!.. Вот так!.. А ну, еще!..

Тапочка и прекрасная незнакомка не выходили из головы. Не выходили, потому что сегодня он снова нашел под опорным ящиком такую же открытку. На ней было написано: «Эх, ты!..» — и как-то совсем уже грустно, точно прощаясь с ним, смотрела Незнакомка Крамского.

14

Толпы мальчишек и девчонок, взрослых и даже стариков из всех переулков шли в этот день во двор, где через час должны были начаться олимпийские. Гремел праздничный джаз. В углу двора стояли озадаченные и расстроенные Надя и Лена.

— Все продумали, а где возьмем олимпийский огонь? Чем зажжем факел? Ведь мы не в Греции!

— Ах, Надя, Надя!..— сказала Лена, просияв.— Как где? Он везде! Он светит нам, как и древним грекам! Огонь Олимпа — солнце! Лупа нужна!

И вот лучи солнца ударили в одну точку... Факел вспыхнул!

Одинокий Ларионов стоял недалеко от них и смотрел. Он смотрел на Лену так, как будто не верил своим глазам...

— Ой! — сказала Лена.— Забыла! У меня же только одна тапочка!

— Возьми мою... мою... мою!..— окружили ее девочки. Но ни одна тапочка не подходила. Ну совсем не впору была!

Тогда Ларионов сказал:

— Возьми... свою...— И поставил перед Леной маленькую тапочку с острыми, как у розы, шипами.

Лена медленно подняла голову и сказала:

— А где ты был? Мы же тебя обыскались!

— Я же не знал...— сказал Гена.— Я же не знал, чья тапочка...

— Да мы не про тапочку! — деловито сказала Надя.— Мы про Гуся! Прыгун тут, а тренера нету!

— Так разве мне разрешили?

— Разрешили! — закричала Надя никому не знакомым, веселым человеческим, ненаучным голосом.— И во-о-о-б-ще!

Загремела труба.

Лена подняла факел, рванулась, помчалась мимо дискобола, мимо Зевса-громовержца, мимо, мимо... В «олимпийской чаше» вспыхнул огонь. Зашумели зрители, пополз по флагштоку «олимпийский флаг» — пять колец, пронзенных шестом!

Начался парад. Прошла улица Достоевского, двор детдома номер один, двор работников автобазы, седьмой «Б» класс второй школы. «Иностранные» команды: спецшкола номер три — за Великобританию, спецшкола номер один — за Францию, маленький испанец с плакатом «Внук республиканца». И даже Африка — маленький негритенок с табличкой «Гость города, турист». Его где-то Гусь разыскал.

Стадион ревел так, как будто он был настоящий. Лицо Нади сияло невероятно гордой радостью. Планка не на рекордной высоте. Чуть ниже, но все же, если Гусь возьмет, то второе место ему обеспечено... Разбегается. Высота взята!..

А из своего угла на все это мрачно смотрел Филимонов. Он смотрел, как Гена расцеловал Юрку, как, обнявшись, они пошли в его сторону, как они все приближались и приближались. Антон попятился. Он бы сейчас с удовольствием сквозь землю провалился. Антон не выдержал и... улыбнулся.

— Поздравляю,— сказал он,— поздравляю... Победителей не судят.— Он со злости хотел еще добавить, что «победителям подсуживают», но... удержался. «Второе место не стоит афоризма»,— так подумал Филимонов.

Леня проявлял пленку и смотрел пока ее сам. Он смотрел, как поднимается на первое место пьедестала почета тот самый Миша из соседнего двора, как на второе место встает счастливый Гусь. А на третье место — кто-то из «французов».

Он наслаждался своей работой, когда вдруг заиграла на своей скрипке Вита. Она снова заиграла молдавские мелодии. «Зачем? — воскликнул про себя Леня.— Вот бестолковая!»

Он подбежал к телефону, набрал номер Витиной квартиры и попросил Витину маму позвать ее.

— Витка! Прекрати играть эти мелодии! Уже не нужно.

— Это всегда нужно,— сказала она и положила трубку. Красиво сказала, между прочим. И трубку на рычаг опустила тоже красиво. Изящно так.

Леня выглянул во двор. Ларионов и Лена стояли возле дискобола. Судя по их позам, они ни о чем не говорили. Они просто стояли. А усталый Гусь в это время спал. Спали его счастливые братья. И Филимонов тоже спал. Ему снился такой вещий сон: Надя ему будто бы говорит: «Таких, как ты, в Древней Греции изгоняли из города!». При этом она стоит в хитоне, словно Афина. Потом два стража в милицейских фуражках, в хитонах и сандалиях на босу ногу провели его, Филимонова, куда-то в одежде, похожей не то на саван, не то на смирительную рубаху. Повели, повели его в дом с колоннами, на котором висела вывеска «Древнегреческий жэк». И управдом, тоже древнегреческий, в кепочке из льна и набедренной повязке, достал домовую книгу и вычеркнул из нее Филимонова. Он брел к городским воротам, которые были закрыты на засов. Греческие ремесленники, подпоясанные ремнями с пряжкой ПТУ, пробивали в стене узенький лаз. Филимонов ввинтился в этот лаз... Перед ним лежала темная степь... Он оглянулся: ремесленники заложили за ним в дыре последнюю щель. Филимонов остался один... И зарыдал...

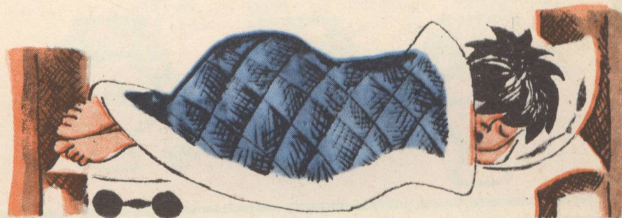
— Что с тобой? — Бабушка тряхнула его за плечо.— Что с тобой, Антон?

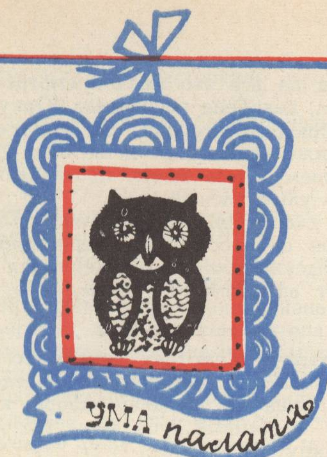
— Греки...— сказал он со сна.

— Какие греки? Господи, до чего довели ребенка!

Бабушка открыла окно, и вплыла Витина музыка. Она вплыла вместе с ветром, сама такая же ласковая, как ветер. Антон потер лоб... Хорошо, что он не в Древней Греции... Хорошо, что только приснилось...

А для кого играла Вита? Может, для всех, кто сейчас устал, кто перестал быть самим собой или стал самим собой... Вита играла долго, так долго, что ее никто уже не слышал. Потому что все спали. Спали олимпийские тигры. То есть какие еще там тигры — пока тигрята. А в будущем не тигры, а Тиграны Петросяны, в будущем не львы — Львы Оборины, Львы Яшины, Майи Плисецкие... Спали те, кто был убежден, что в олимпийских играх важно не только участвовать, но и побеждать. И спали те, кто был убежден, что в олимпийских играх важно не только побеждать, но и участвовать...

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

БАЛ-МАСКАРАД

Бал-маскарад		костюмы			
		Л.	М.	В.	З.
звери	Лиса				
	Медведь				
	Волк				
	Заяц				

Каникулы в школе птиц и зверей начались большим карнавалом. Медведь, волк, лиса и заяц явились в маскарадных костюмах медведя, волка, лисы и зайца. На балу зверь в маскарадном костюме зайца выиграл в лотерее банку меда и остался этим очень недоволен. Известно также, что медведь не любит лису и никогда не берет в лапы картинок, где она нарисована. Зверь в маскарадном костюме лисы выиграл в лотерее пучок моркови, но это тоже не доставило ему никакой радости.

Не могли бы вы сказать, какой маскарадный костюм смастерил себе каждый из зверей?

Совет Деда Буквоеда. Нарисуйте вот такую табличку, заполните ее, и вам все станет ясно.

Они — как я заметила —
Везде и всюду есть,
В реке их только четверо,
Зато в кармане — шесть.
Я семь их вижу в вазочке,
И если сосчитать,
То вы и сами скажете,
Что в океане — пять!

ШЕСТЬ ВАЗ

Получил гончар заказ
Сделать шесть различных ваз.
Жду ответа я от вас,
Точно ль выполнен заказ.

Живживка

ИГРЫ деда Буквоеда

БИРЮЛЬКИ

СБНУЛЕГЬДИРОГЬ

ДЛАЯЙТЕКАЛ

Прогони собаку, не тревожа птицу.

ОНОСРВЕЛГОИЯ

Со страной расстанься, сохрани столицу.

ПЛОМАНИДДОЫШР

Где цветок, где овощ, отыскать попробуй.

НКИКВЕАЛЬС

Выплесни напиток, а металл не трогай.

КГИРПУАШРИАС

Дерево от фрукта отдели мгновенно.

КУШТБАЛОТИКСТ

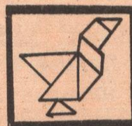
Зачеркни награду, но оставь спортсмена.

ДСАРРААХФАМАН

Убери одежду, но не прячь монету.

СЕНАТИСУРЕЙН

Перепрыгни реку и открой планету.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ из № 11

Все на раскопки!

Мы получаем от вас ответы на эту задачу. Вы пишете, что вам тоже долго пришлось повозиться с упрямыми животными, но многих из них вы благополучно доставили в музей.

Поздравляем!

Лупа и Пинцет

Слева невидимки:

1. Айболит, сторона, колобок.
2. Корабль, крапива, забияка.
3. Кенгуру, алгебра, клубень.

Авария.

Веселого белого гуся сложить нужно вот так:

— Спасибо! — говорит всем слоненок, которого вы напоили.

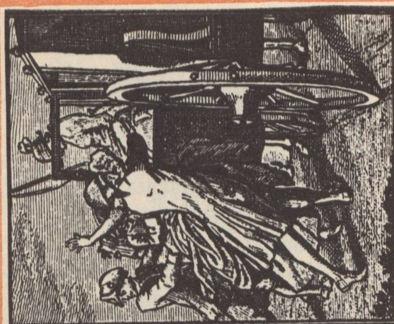
Примечание Живживки. Из примера в рамочке ясно, как играть в «Бирюльки»: я зачеркнул, выбрав буквы, собаку — «бульдога», и у меня осталась птица — «снегирь». Так же надо «выбирать» буквы и в остальных случаях. Дед Буквоед грозится в следующий раз сделать «Бирюльки» посложнее. Посмотрим!

Слуга покорный

СТАРИННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАГАДКА

Я — ваш слуга, и все же вам,
Чтобы услуг моих добиться,
Необходимо по утрам
Покорно предо мной склониться.
Зато — запомнить вас прошу —
Куда б потом вы ни спешили,
Я вас безропотно ношу,
По грязи шлепая и пыли.
Но знаю: в свой вернувшись дом
Из путешествия дневного,
Вы самый низкий — перед сном —
Поклон отвесите мне снова.
Надеюсь, милые друзья,
Вы догадались, кто же я!

Я уверен, что вы не только мгновенно решите эту загадку, но также легко найдете предмет, о котором идет в ней речь на гравюре, иллюстрирующей одну из глав «Трех мушкетеров». Найдите также и шесть отличий правого рисунка от левого.

Капитан ПЕРО.

Дело всей жизни

На юго-востоке Франции есть маленькая деревушка Сен-Леон-де-Левезу. Сто пятьдесят лет назад здесь в бедной крестьянской семье родился Жан-Анри Фабр.

Маленький Жан-Анри мог часами бродить по выгону, чтобы проследить за путешествием навозного жука. Пчела, оса, жужелица — какое множество насекомых вокруг! И как интересно наблюдать за ними!

Спустя много лет Фабр писал: «С детства, сколько я себя помню, жуки, пчелы и бабочки постоянно были моей радостью. Элитры жука и крылья махаона приводили меня в восторг. Я шел к насекомому, как капустница к капусте, как крапивница к чертополоху».

Фабр становится школьным учителем. Он продолжает собирать коллекции, делает зарисовки с натуры. Книги стоили дорого, и однажды он месяц жил впроголодь, истратив на книги почти все свое жалованье.

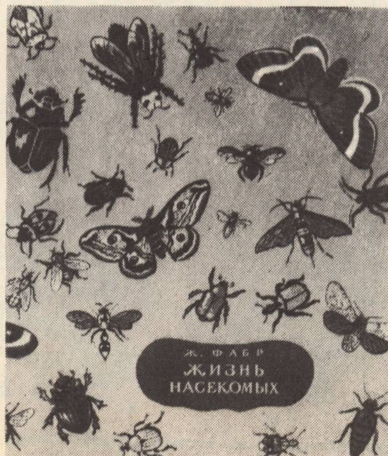
Как-то Фабр с учениками поехал за город. Они показали учителю пчел-каменщиц и научили его тянуть мед через соломинку. Фабру захотелось ближе познакомиться с жизнью пчелы, он старается прочесть о ней все, что удается найти в книгах. С этого, можно сказать, начинается путь Фабра-энтомолога.

Труден был для него этот путь. Учитель начальной школы получал мало, а у Фабра была большая семья. Но Фабр не в силах был отказаться от любимого дела. Бедность и болезнь вынуждают его переезжать с места на место. Но, где бы ни был Фабр, он продолжает свои наблюдения.

Поначалу натуралиста интересовало все — и бабочки, и раковины, и камни. Но случилось так, что Фабру на глаза попала работа одного врача, который описывал в ней свои наблюдения над осой-церцерис. Фабра очень заинтересовало поведение церцерис, и он решил понаблюдать за осой в природе. Сколько проведено опытов! Нет им числа!

В 1855 году появляется первая научная статья Фабра. Все последующие годы он посвятил изучению насекомых.

Дети, особенно сын ученого Юлий, охотно помогали Фабру, собирали для него насекомых и даже вели некоторые наблюдения. Отец решил написать для Юлия книгу о насекомых — «Энтомологические воспоминания». К несчастью, болезненный мальчик умер, умер до выхода первого тома книги. В примечании к ней Фабр написал: «Дорогой мальчик, с раннего детства полный страстной любви к цветам и насекомым! Ты был моим помощником, ничто не ускользало от твоего ясного взгляда. Для тебя я должен был писать эту книгу — ведь столько радости тебе доставляли мои рассказы. Я думал, что когда-нибудь ты сам продолжишь ее. Увы! Ты ушел от нас, узнав только первые строки этой книги».

Этот памятник был установлен в 1923 году, к столетию со дня рождения Фабра, в деревне Сен-Леон-де-Левезу, около небольшого каменного дома родителей Фабра. В 1943 году гитлеровцы сняли с пьедестала медную статую ученого, уложили на железнодорожную платформу, чтобы отправить на переплавку. Но патриоты Франции ночью отцепили от состава эту платформу, а затем зарыли статую в землю на крестьянской ферме. Только в 1945 году памятник был восстановлен.

Именем сына Фабр назвал несколько видов насекомых.

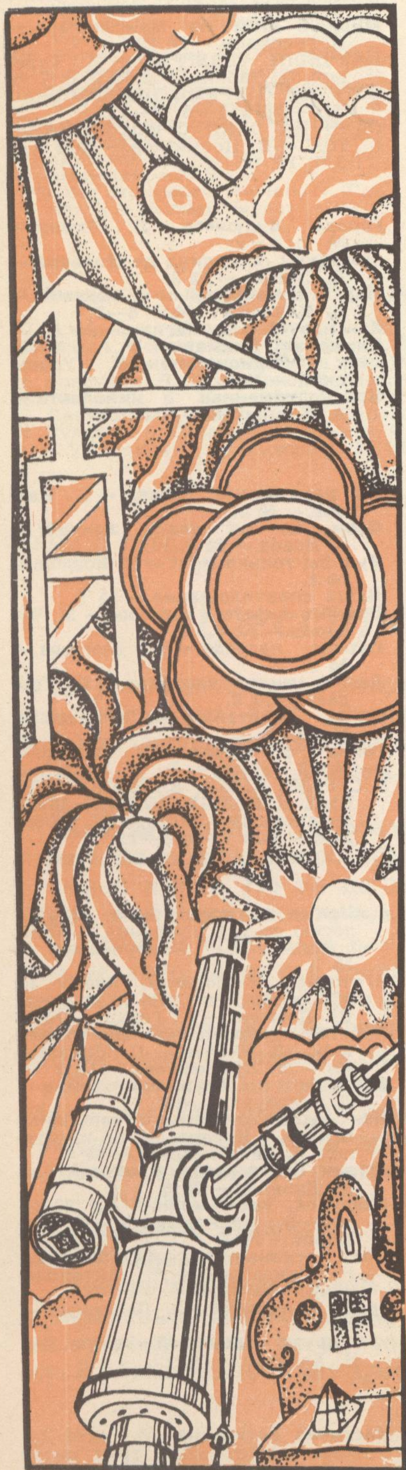
Судьба привела Фабра в местечко Сериньян. Там рядом с его домом был пустырь. «Я открываю на моем пустыре лабораторию живой энтомологии,— писал Фабр.— Здесь есть все, и мои прежние, давние друзья и новые знакомцы, все они охотятся или собирают жатву и строятся в ближайшем соседстве со мной».

И ученый продолжает свою работу. Им собран огромный материал. Десять томов «Энтомологических воспоминаний» стали настольными книгами ученого-энтомолога.

Государственное издательство «Детская литература» не один раз издавало книгу **Жана-Анри Фабра «Жизнь насекомых»**. Прочитайте ее, и вам откроется удивительный мир, изучению которого Фабр посвятил всю свою жизнь.

Е. БАЦЫЛЕВ, энтомолог

Содержание журнала «Пионер» за 1973 год

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

ОТРЯДЫ НА МАРШЕ «ВСЕГДА ГОТОВ!»

ТЫ, Я, НАШ ОТРЯД.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

УЧЕНЬЕ — ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ТРУД

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

ПУБЛИЦИСТИКА

МОЯ РОДИНА — СССР

НАУКА И ТЕХНИКА

ИСКУССТВО

СПОРТ

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

Знакомьтесь — новые друзья (О книге «Рассказы о красном галстуке»).— Ю. Новикова.— № 4.
Не только о спорте (О сборнике «Нашего полку прибыло»).— Л. Яшин.— № 4.
Вожатые в твоем доме (О книгах «Товарищ», «Будь готов!», «Книга вожатого»).— Л. Матвеева.— № 5.
Давайте вместе искать (Про книгу о Н. К. Крупской).— З. Воскресенская.— № 6.
Книга, о которой я мечтал в детстве (О книге С. Сахарнова «По морям вокруг Земли»).— О. Орлов.— № 7.
Ты мой друг и я твой друг (О сборнике «Хоровод друзей»).— Н. Елистратова.— № 7.
Все о воздухе. Солнце и Земля (О книгах Е. Мара «Воздух, которым мы дышим» и Ф. Зигеля «Виновато Солнце»).— Б. Розен.— № 8.
От ботика Петра — до кораблей-ракетоносцев (О книге Е. Озерецкой «Доблесть русского флота»).— Т. Владимирская.— № 8.
Три миллиарда книг (К 40-летию государственного издательства «Детская литература»).— В. Железников.— № 9.
«На все сто тысяч «почему?» (Про книги о разных науках).— № 9.
«Молодая гвардия» — пионерам.— С. Зайцева.— № 10.
Главная площадь страны (О книге И. Дубровицкого и В. Орлова «Встань у Кремлевской стены»).— А. Некрасов.— № 11.
Дело всей жизни (О книге Ж.-А. Фабра «Жизнь насекомых»).— Е. Бацылев.— № 12.

ОДНАЖДЫ В ДЕТСТВЕ Я ПРОЧИТАЛ КНИГУ...

О книге В. Каверина «Два капитана».— С. Иванов.— № 1.
О книге С. Мстиславского «Грач — птица весенняя».— Е. Мурашова.— № 5.
О книге А. Яковлева «Рассказы авиаконструктора».— В. Томашвили.— № 8.
О книге Н. Островского «Как закалялась сталь».— А. Маресьев.— № 10.
О книге А. Гайдара «Тимур и его команда».— И. Стрелкова.— № 11.

АКАДЕМИЯ ДОМАШНИХ ВОЛШЕБНИКОВ — №№ 1—7, 9—11.

УМА ПАЛАТА.— Н. Разговоров.— №№ 1—12.

В оформлении «Пионера» в 1973 г. участвовали:

Ю. Алексеева, В. Арсирий, П. Багин, С. Бахвалов, А. Борисов, Т. Борисова, А. Вовикова, А. Геринас, А. Гришин, Б. Гуревич, Н. Доброхотова, В. Дудкин, А. Жучкова, Ю. Карпова, Ю. Корнеев, В. Кочкин, И. Красулин, К. Куличенко, Б. Кыштымов, Т. Ларионова, Ф. Лемкуль, Н. Маркова, Е. Медведев, А. Мелихов, Г. Метченко, Н. Назарова, Л. Панченко, П. Панченко, Т. Пирогова, Б. Полянский, В. Постников, В. Руденко, Э. Седаш, А. Толкачев, С. Трофимов, И. Урманче, Н. Устинов, Ю. Фоменко, В. Чижиков, Е. Шабельник.

САМИ О СЕБЕ

Дрессировщица

Я решила стать дрессировщицей, когда мне было еще шесть лет. Мне хотелось дружить с тиграми и львами, учить слонов кивать головой, а собак — арифметике и бальным танцам. Мои родители подарили мне щенка.

Каждый день я работала с Малышом, заставляла стоять на задних лапах, прыгать через палку и играть со мной в мяч. Но он не хотел ничего делать, вечно искал свой ошейник и просился гулять.

Однажды приехал к нам в гости мой дядя. Он совсем недавно закончил военную академию и был такой сильный и веселый. Мама рассказывала, что в детстве он часто болел и был очень слабым. Никто не верил, что он станет военным, а он мечтал...

Вечером, когда начались наши очередные занятия с Малышом, дядя смотрел на нас и улыбался. Мне стало обидно, я собрала свои дрессировочные инструменты, а собака отправилась спать.

— Не сердись,— сказал потом дядя.— Дрессировщику надо быть педагогом, а не нянькой. И волю нужно иметь железную...

Теперь я закаляю свой характер, читаю много книг о животных. Малыш превратился в большую собаку, он чуточку ленив, но с готовностью прыгает через палку. Я обязательно стану дрессировщицей!

Оля ЕЛАГИНА,
пос. Приупский, Тульская обл.

1. Я потерял листок с телефоном знакомого. Первые цифры номера я помню, а вот четыре последние забыл. Помню только, что все они разные. Сколько номеров придется перепробовать, чтобы дозвониться?

2. Перед тобой 6 карточек, на которых написаны буквы А, А, Г, О, П и С. Выкладывая эти карточки в различном порядке, можно получить различные шестибуквенные «слова» (большинство из них совершенно бессмысленные): АГОПСА, АГОСАП, САПОГА, АПАГОС, ПОАГАС, ПАГСАО, ПОГААС и т. д. Сколько всего таких слов можно образовать?

РЕШЕНИЯ КОНТРОЛЬНЫХ ЗАДАЧ

ЗАДАЧА 1а. Первые 3 флажка, как уже сказано, можно выбрать 60-ю способами, после этого для 4-го остается 2 способа выбора, всего $60 \times 2 = 120$.

ЗАДАЧА 1б. Проще сосчитать расположения, не содержащие синего флажка. Их будет $4 \times 3 \times 2 \times \times 1 = 24$, столько же, сколько четырехбуквенных слов можно получить, располагая в ряд буквы Г, З, О, К. Остальные $120 - 24 = 96$ расположений содержат синий флажок.

ЗАДАЧА 2. Ответ тот же, что и в задаче 1а. Если 4 флажка выбраны, то 5-й выбирать не придется — оставшийся и есть 5-й.

ЗАДАЧА 3а. Ясно, что она ничем не отличается от задачи 2. Ответ: 120.

ЗАДАЧА 3б. Решая ее так же, как и задачу про флажки, получим: $10 \times 9 \times 8 \times 7 \times 6 \times 5 \times \times 4 \times 3 \times 2 \times 1 = 3628800$.

Анкета-73

Дорогой друг, наш читатель!
«ПИОНЕР» просит ответить тебя на вопросы нашей традиционной анкеты:

1. Вспомни, что тебе больше всего понравилось из повестей, рассказов и стихов; из рисунков и фотографий; из отделов журнала «Пионер» этого года.

из № 12 повесть „Олимпийские тигры". Б. Б Малыш и Карлсон который живет на крыше

2. Чему тебя научил «Пионер» в этом году, чем тебе помог в пионерской жизни?

Я не знаю.

3. Что тебе не понравилось в «Пионере» и почему?

4. Что тебе хочется прочитать в «Пионере» в будущем году? С какими писателями, художниками, учеными, спортсменами тебе хочется встретиться на страницах журнала?

повесть А. П. Гайдара „Комендант снежной крепости"

5. Обязательно напиши:
Сколько тебе лет?
В каком классе ты учишься?
Мальчик ты или девочка?
Где ты живешь: в городе или селе?

11 лет в 4а кл.
г. Омск Тюрина Лена

Твои ответы на анкету очень нам помогают в работе. Присылай их в редакцию до 10 февраля. На конверте обязательно сделай пометку: «Анкета-73».

Линия отреза

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:

Морозный денек — пушистый снежок. Рисунок А. Вовиковой.

Адрес для писем: 101459, ГСП. Москва, А-137. Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

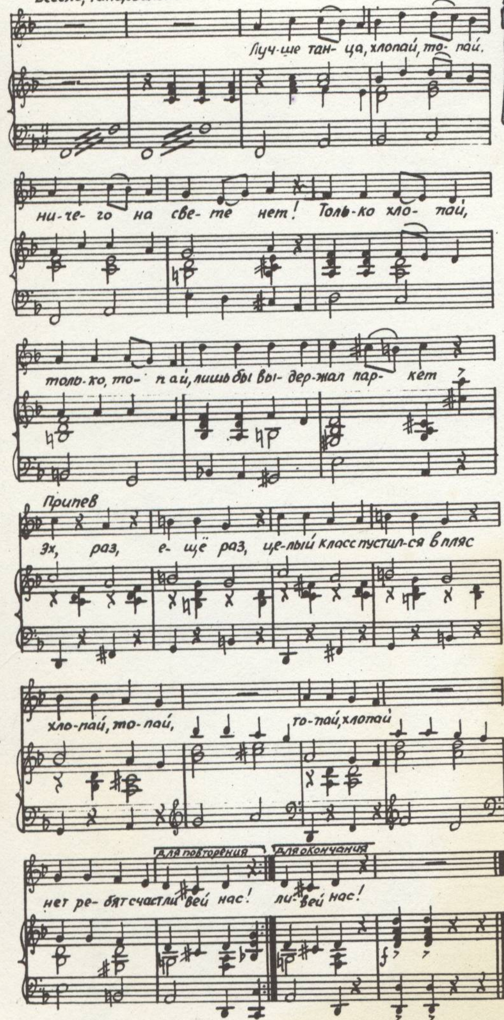
Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**
Макет **А. А. АСТРЕЦОВА.**

Сдано в набор 26/IX 1973 г. А 02693. Подписано к печати 1/XI 1973 г. Формат 84×60⅛. Объем 9,33 усл. печ л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2615. Заказ № 1276.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Хлопай-топай

ПЕСЕНКА-ТАНЕЦ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ, КОТОРЫЕ ИНОГДА БЫВАЮТ, КАК ДЕТИ.

Слова Марка РОЗОВСКОГО.

Музыка Бориса САВЕЛЬЕВА.

Лучше танца «Хлопай-топай»
Ничего на свете нет!
Только хлопай! Только топай!
Лишь бы выдержал паркет!
Припев: Эх, раз! Еще раз!
Целый класс
Пустился в пляс!
Хлопай-топай!
Топай-хлопай!
Нет ребят счастливей нас!

Мы танцуем «Хлопай-топай»
Утром, днем и вечером!
Лучший танец — «Хлопай-топай»,
Когда делать нечего!
Припев.

Завуч, няня и директор
Стали с нами танцевать!
За такое поведенье
Можно им поставить пять!
Припев.

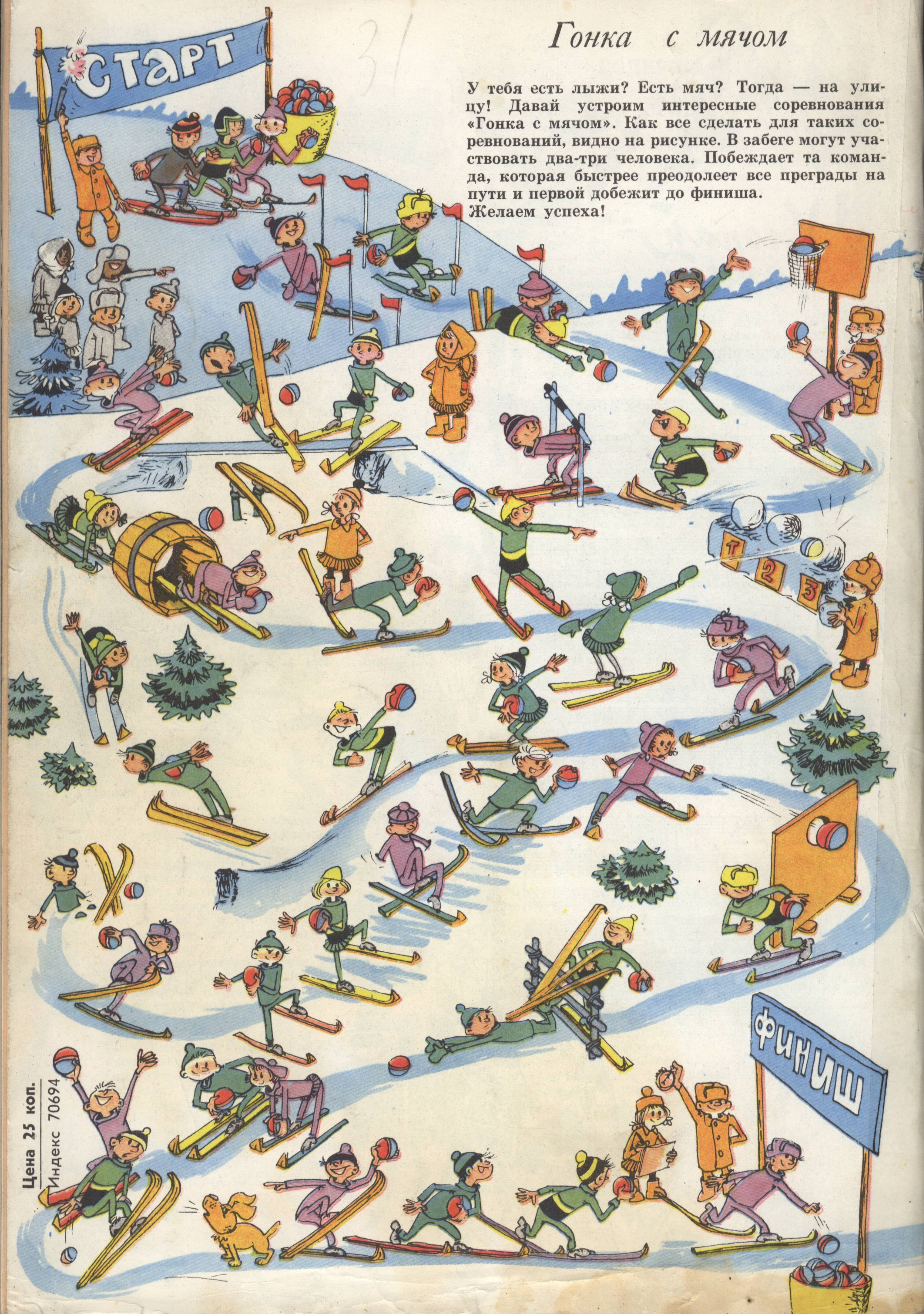
Кем бы ни был ты — отличник.
Иль совсем наоборот,
Разучите танец этот
И танцуйте целый год!

— Уф! После такого танца надо непременно выпить чаю,— сказала Лёка.— И еще бы со свеженькими медовыми пряничками.

— Проще простого,— сказала Калинка.— Тесто приготовишь так: в миску налей стакан меду, добавь 75 граммов размягченного масла, 2 яйца, на кончике ножа соли, размельченного имбиря или щепотку ванилина. Хорошенько размешай и потихоньку добавь три стакана муки, конечно, просеянной, и половину чайной ложки соды. Тесто замеси не жидкое, не крутое, а пластичное, легко поддающееся формовке. Раздели шарики, разложи на смазанный противень, смажь сверху желтком и пеки в средне нагретой духовке 10—15 минут. После охлаждения глазируй уваренным сахарным сиропом (на 1 стакан сахара полстакана воды и корка лимона или апельсина).

Гонка с мячом

У тебя есть лыжи? Есть мяч? Тогда — на улицу! Давай устроим интересные соревнования «Гонка с мячом». Как все сделать для таких соревнований, видно на рисунке. В забеге могут участвовать два-три человека. Побеждает та команда, которая быстрее преодолеет все преграды на пути и первой добежит до финиша.
Желаем успеха!

Цена 25 коп.
Индекс 70694